

A521
Кр.

Б 1177184

АЛТАЙ

3.1983

Электронная библиотека АН КРБ, elib.akrib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

5 1177184

А 521
кр.

АЛТАИ

1983

3

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валентин ЗАЙЦЕВ. Тревожная вахта. Повесть	26
Анатолий КИРИЛИН. Два рассказа	58
Владимир СТУПИН. Взаправдашние истории. Рассказы	76

ПОЭЗИЯ

Участники краевого семинара молодых писателей. Стихи	18
Родники в «Роднике». Стихи	54

ОЧЕРК, ПУБЛИЦИСТИКА

Николай ШЕРСТНЕВ. Быть всегда с хлебом	3
А. НЕВСКИЙ. Вместе с солнцем	84
И. КОВЕРДЯЕВА. Счастливый человек	90
А. КУРЕПИН. Алтайские пропасти	93

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Г. БЕЗРУКОВ. У истоков новой жизни	96
В. ВОРОЖБИТОВ. Письма декабристов на Алтае	102

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Виктория ДУБРОВСКАЯ. «Писать портрет души и сердца...»	108
В. ВОЗЧИКОВ. Не все во власти репортажа	116

(см. на обороте)

БАРНАУЛ. АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1983

Владислав КОЗОДОЕВ. Литературные пародии	119
Николай ЧЕРКАСОВ. Кое-что о Гобсеке. Пародия	—
В. БОРОДИН. В чужом корыте. Басня	120
Вадим КРАСНОВ. Мини-басни	—

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия:

В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
Е. Г. ГУШИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, В. Я. КАДНАЙ,
Л. И. КВИН, Я. Е. КРИВОНОСОВ, Г. П. ПАНОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ

61177184

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1983 № 3

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Г. Ульченко.

Рукописи не возвращаются

АГ 00134. Сдано в набор 30. 06. 1983 г. Подписано к печати 2. 09. 1983 г. Формат 70x108/16. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 11,025. Уч.-изд. л. 12,551. Тираж 7000 экз. Заказ № 878. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, Новая, 11-а. Тел. 2-14-53.

© «Алтай», № 3, 1983.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ДЕЛО ВСЕНАРОДНОЕ

Николай ШЕРСТНЕВ

БЫТЬ ВСЕГДА С ХЛЕБОМ

За успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании в ознаменование 60-летия образования СССР коллективу колхоза «Победа» Краснощековского района вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, хозяйство занесено на Всесоюзную доску Почета ВДНХ СССР, ему присвоено имя 60-летия Союза ССР.

О том, как удалось колхозу поднять урожайность полей, рассказывается в этом очерке.

* * *

Думы о хлебе никогда не покидают хлебороба: поднимает ли он зябь, задерживает ли на полях снег или вносит удобрения. Делает ради главной цели — получить больше хлеба. С наличием хлеба он связывает достаток и благополучие, признание и уважение. У хлебороба не бывает легкого хлеба. Для него хлеб — это вкус соленого пота. Все надежды связаны с весной. Какой она будет: ранней или поздней, сухой или влажной, теплой или холодной? Ясно одно: по заказу хлебороба она не бывает, а загадок ежегодно ставит много. Разгадывай, хлебороб! Находи ответные шаги агротехническими приемами, не уповай на милость природы.

Весна 82-го не оправдала надежд. Не сбылись долгосрочные прогнозы синоптиков — осадков выпало меньше нормы. Не было дождей и в июне. Незваная гостья — засуха — носилась знойными ветрами по полям. Зеленые строчки злаков не смыкались, растения не кустились. Едва поднявшись от поверхности земли, выбрасывали рыхлый чахлый колосок. Сколько будет в нем зерен? Десять? Пятнадцать? Не больше! В пору закладки генеративных органов растения испытывали недостаток влаги в пахотном слое, не было ее и в нижних горизонтах. Обильные июльские осадки не прибавили колосков в полосе, не увеличили озерненность его. Народная примета — урожай с гектара равен числу зерен в колосе — сбывалась. Гектар плодородной пашни давал десять-пятнадцать центнеров, местами и половины не собирали. Засушливая погода не обходила стороной поля колхоза «Победа». Но ее действие не отразилось на налыве зерна. Весомый золотистый колос сполна окупил заботы и труд хлеборобов.

* * *

В конце декабря 80-го года на кафедру земледелия сельхозинститута зашел председатель колхоза «Победа» Иван Абрамович Тибейкин.

— Помогите разобраться с севооборотами. На бумаге они есть, фактически — их нет. Без севооборотов порядка на земле не наведешь.

— Чем не устраивают существующие севообороты? — спросили мы председателя.

Иван Абрамович достал из папки колхозную карту, развернул: синяя извилистая линия, речка Маралиха, разделяла землепользование на две части. Левая — усыпана небольшими клочками пашни и кустарниками. Экспозиция разнообразная, склоны до 7—9°. Посчитали участки — больше тридцати, и размер невелик. По-доброму, перевести эту пашню в сенокосные угодья и коси сено на суходолах. Нельзя. Пашня. А с нее и спрос — давай зерно и корма. На мелких косогорах посеяны многолетние травы, но сена с них — клочок. На полях покрупнее размером — пшеница по пшенице высевается, либо овес сменит. И тоже урожайность низкая, засоренность высокая. На правобережной части карты клетки крупнее, до двенадцати в каждой бригаде. Зачем их столько?

— В том-то и дело, — угадывая мысль, торопится объяснить председатель. — Полей много, трудно соблюдать чередование культур, поддерживать порядок на земле, да и ненужных прогонов техники не избежишь. Не устраивают существующие севообороты по выходу зерна и кормов... — Тибейкин достал из папки несколько исписанных листов. — Это для размышления.

Беспокойство руководителя можно было понять: в колхозе свыше десяти тысяч гектаров пашни. Почвы — черноземы. Гумусовый горизонт на сорок-пятьдесят сантиметров темным цветом вглубь отливает. Богатство-то какое! А не получает с них хозяйство в достатке зерна и кормов. Подумать только: с 1950 по 1960 г. урожайность зерновых в среднем составила 8,8 центнера, с 1961 по 1970 г. с гектара собирали по тонне зерна. За первые годы председательской работы Тибейкина урожайность поднялась на 4,1 центнера с гектара. Десятая пятилетка закончилась ступенькой выше — 15,6 центнера. Но разве эти результаты могут удовлетворить растущий спрос хозяйства в зерне и кормах? Надо было искать выход, находить правильное решение...

Двадцать с лишним лет минуло с тех пор, как Иван Абрамович закончил инженерный факультет. Закончил успешно, с красной строкой. Вернулся в свое родное село Ново-Шилуново. Здесь он родился и вырос, отсюда уходил служить в армию. После службы — учеба в сельскохозяйственном институте. Как инженер-механик он понимал свою задачу, но руки его не доходили до земли. Некогда было осмыслить ту простую истину, что по мере оснащения хозяйства техникой должна возрастать и отдача. Об этом Тибейкину пришлось задуматься после колхозного собрания, когда сельчане в один голос заявили: «Хватит привозных председателей! Свой есть!» Нелегко было «своему» поначалу нести председательскую ношу. Она и сейчас нелегка, но тогда она давила плечи особой тяжестью: миллионные долги государству, отсутствие в хозяйстве ремонтной базы, старые скотные дворы приходили в негодность. За что ни возьмись — все создавать заново. Надо было проникнуть в глубину социально-психологического настроения деревенских парней и девчат, покидавших родное село. Уезжали и те, чьими руками создавалось хозяйство в прошлом. Не давала покоя и еще одна мысль: благосостояние сельчан с каждым годом росло, а колхоз из года в год заканчивал хозяйственные дела с миллионным убытком. Парадоксально, но факт. Государство ежегодно поставляло колхозу технику, топливо, стройматериалы и не получало компенсации в полной мере за представленные кредиты. Да и откуда было брать деньги, если урожаи низкие; животноводство — одни убытки. Было над чем задуматься председателю. Потом, через восемь лет, Иван Абрамович скажет: «Есть у нас животноводческие комплексы, есть ремонтные мастерские, гаражи, склады. Теперь главная задача — поднять урожай, сделать гектар богатым». Дальнейший рост экономики хозяйства определялся теперь уровнем использования земли...

— Какие бы вы хотели внедрять севообороты? — спросили мы председателя.

— Какие вы порекомендуете, — тут же последовал ответ. — Но, разумеется, такие, которые удовлетворят хозяйство в зерне и кормах. — Тибейкин оставил заявку-расчет, карту землепользования и, прощаясь, сказал: — Ждем в конце марта. Новые севообороты надо утвердить на колхозном совете. Внедрять начнем весной, с разворотом посевной. Мешкать нельзя.

* * *

На 105-м километре дороги Алейск—Горный Чарыш есть свороток. На маленькой дощечке-указателе расплывчатая надпись: «Ново-Шипуново». Это и есть колхоз «Победа». От своротка рукой подать до колхозной конторы — десяток километров. По обе стороны высокой насыпи раскинулись колхозные поля. О приближении весны — никаких признаков.

Сибирский март лишь условно можно считать началом весны, потому как по ночам слышны еще гулкие стоны земли от появления трещин на оголенных от снега полях. Зима перестала баловать предгорье снегом. Иные поля (обработанные плугом) так и пролежат всю зиму, подставляя черный лик жгучим холодам. Плохо полю без снега зимой. Промерзает глубоко. Весной же, если и есть какая талая вода, скатывается по низинам. Другое дело, когда поле укрыто снегом. Под снежным одеялом легче перенести долгую зимнюю ночь. И морозы ни-почем: сверху прикрыто и снизу тепло подступает, нет глубокого промерзания, талые воды свободно проникают вглубь.

Утром в председательском кабинете собрался колхозный актив: бригадиры, механизаторы, специалисты. Пришли послушать и представители животноводческой отрасли. На стенах развешаны карты бригады, схемы севооборотов. Председатель окинул взором присутствующих, открыл заседание.

— У нас сегодня представители науки, — кивнул он в нашу сторону. — Совету предстоит рассмотреть рекомендации по внедрению новых севооборотов, структуру посевных площадей каждой бригады и утвердить. Кто не согласен с предложениями, может потом высказываться.

От исполнителя заказа поднялся ответственный — старший научный сотрудник кафедры.

— При разработке новых севооборотов мы руководствовались заказом колхоза, а также высказанными пожеланиями. В отличие от прошлых севооборотов новые имеют короткую ротацию. Чередование культур поставлено с учетом их биологических особенностей и конкурентоспособности в агрофитоценозе. Яровая пшеница размещается только по лучшим предшественникам: чистому пару, многолетним травам, кукурузе, гороху. За пшеницей следует овес. Овес как санитарная культура устраняет возможность накопления возбудителей корневой гнили, поэтому после него можно снова сеять пшеницу или ячмень.

— А где будет нынче кукуруза? — спросил бригадир дойного гурта. — Поди, опять за двенадцать километров? Дорогое молочко будет!

— Вопросы потом, — предупредил председатель.

— Можно и сейчас ответить. — Выступающего вопрос не застал врасплох. — Предусмотрен зернопропашной севооборот, который будет вблизи животноводческих ферм. Затраты на перевозку зеленой массы в этом случае будут сведены до минимума. В целях обеспечения дойного стада зелеными кормами предусмотрено на землях первой бригады внедрить кормовой севооборот с промежуточными культурами, который позволит с отдельных полей получать два урожая за лето.

К бригадиру первой бригады Дьяконову с шутками:

— Повезло тебе, Василий Иванович. Завалишь ферму кормами.

— В наших условиях невозможно вырастить два урожая, — возразил тот.

— Все возможно, — не обращая внимания на возражения, продолжал представитель, — если подобрать культуры с учетом их биологических особенностей и вегетационного периода. Выделяя кормовой севооборот, мы преследовали ту цель, что на одном из полей будет набор кормовых культур для зеленого конвейера. После уборки, скажем озимой ржи, можно поле обработать и посеять кормовое просо. Или рано весной посеять овсяно-гороховую смесь, убрать еще в первой половине июля и снова засеять поле рапсом. У рапса короткий вегетационный период, развивается быстро, а вторая половина лета, как известно, богата теплом и влагой. К исходу сентября, в фазе цветения, можно убирать. Зеленая масса рапса богата протеином и витаминами. Одним словом, отличный зеленый корм. Весь октябрь можно кормить коров витаминным кормом, не снижая надоев молока. Вот что такое промежуточные культуры,

Зоотехник-селекционер Александр Агеев с одобрением:

— Это то, что недостает нашим черно-пестрым. Внедрять надо зеленый конвейер. Нужно дело! — И к Дьяконову: — Соглашайся, Василий Иванович, в проигрыше не будешь.

Дьяконов вертит головой, не соглашается. Новое это дело для колхоза и для него лично, не слышал он про промежуточные культуры. Боязно братья. Над бригадиром подтрунивали:

— Ты, Дьяконов, с наукой не спорь. На бумаге у них хорошо получается, а ты на практике докажи возможно или невозможно.

Представитель парировал:

— Все это возможно, если будет строго соблюдаться технологическая дисциплина.

— А что по части пара рекомендации предусматривают? — спросил бригадир третьей бригады Бочаров.

— Нашлось место и пару. Семь процентов в структуре. В зернопаровом севообороте пар будет занимать полполя, на следующий год вторая половина будет пароваться. Сложнее с «клочками» заречной части, — продолжал представитель, — но и здесь мы нашли оптимальный выход. Для четвертой бригады предлагается зернотравяной севооборот. Многолетние травы будут использоваться не более трех лет. По травам размещается яровая пшеница, затем овес и снова яровая пшеница с подсевом многолетних трав. Предлагаемый севооборот даст возможность повысить продуктивность травяного поля и увеличить сборы зерна.

Представитель науки заканчивал наметками на будущее:

— Рекомендованные севообороты лишь начальная ступень в сложном комплексе мероприятий по повышению плодородия почвы и увеличению сборов зерна. По нашему мнению, севооборотам, которые мы сегодня рассматривали, нужно придать почвозащитную роль, а это значит перейти на новые способы обработки почвы...

Первым попросил слова бригадир третьей бригады Бочаров. Пригладив седые редкие волосы, он заторопился:

— По части севооборотов много говорить не надо. Каждому бригадиру будет легче организовать работу. А сохраним ли мы их в натуре — вот главное. Сомнение у меня есть в отношении пара. Зимой мы на бумаге хорошо плануем, а весна приходит — опять пара нет. Надо записать твердо: пар не занимать!

Итоги совета подводил председатель:

— Разработанные севообороты нужно утвердить и приступить к освоению. Начнем с того, что расскажем всем механизаторам, какую цель преследует колхоз, укрупняя поля. Ныне хозяйство располагает мощной техникой, способной выполнять большой объем работ за огра-

ниченное время, а маневренность ее слабая, много времени тратится на перегоны. Укрупняя поля, мы избавляемся от лишних дорог и межпольных полос.

Казалось бы, много ли дорога отчуждает пашни от посева, а если посчитать — много! На каждом поле — гектара два. По колхозу это уже тридцать не у дел. Мелочи? Нет! Каждый гектар должен давать урожай.

Заседание кончилось. Кабинет опустел. Засобирались и представители науки. Иван Абрамович с предложением:

— Надо бы встретиться вечером, побеседовать...

Пришел он, как и было условлено, после окончания рабочего дня в заезжую комнату, где исполнители колхозного заказа завершали составление ротационных таблиц, утвержденных севооборотов по бригадам.

— Сомнение у меня есть, — начал Иван Абрамович. — Давечь было сказано, что поля севооборотов должны обрабатываться по новой технологии — плоскорезами. Правильно я понял?

— Правильно. И мы готовы помочь, если, конечно, колхоз нуждается в подобных проработках.

— Не одобряют люди плоскорез. Говорят, сорняков после него много появляется.

— А в совхозе плоскорезом обрабатывали почву?

— Пробовали. Не нравится. Плуг — надежное орудие. Семена сорняков глубоко заваливает.

— А на следующий год тот же плуг семена наверх поднимает. И получается замкнутый круг, по которому идет консервация семян сорняков.

— При плоскорезной обработке все семена остаются на поверхности почвы. При нашей-то короткой весне бороться с ними предпосевной обработкой невозможно. Сорняки взойдут вместе с посевами. А там их не возьмешь. Вот и вся конкурентоспособность. Другое дело при отвальной вспашке. Плуг их завалит на четверть метра — и лежат они до следующей осени. Часть из них, конечно, снова попадет наверх, так они ж рано прорастут и уничтожатся предпосевной обработкой.

— Сколько лет колхозные земли обрабатываются плугом?

— Все время.

— Ушли сорняки с полей?

— Это зависит от качества обработки.

— Разве плоскорезная обработка не преследует качества?

— Одним плоскорезом сорняки не уничтожишь, нужен комплекс машин, а их нет.

— Это другой вопрос. Комплекс машин нужен. Но, внедряя плоскорез, хозяйство преследует главную цель — защитить почву от эрозии, сохранить ее плодородие.

— Плодородия нам хватит!

— Вам-то хватит, а вашим внукам? Если такими темпами талые воды будут сносить плодородный слой почвы, то и на наш век не хватит. Ежегодно весной по дороге из Усть-Калманки на Чарыш с 92 километра можно наблюдать на полях промоины, рытвины до полуметра глубиной, а по ложбинам, кюветам наносы мелкозема!

— То не наши земли.

— Но причина-то, вызвавшая эрозию почвы, — отвальная обработка! Значит, и на ваших полях водная эрозия развивается.

— Если плугом хорошо обрабатывать землю, соблюдать направление склонов, то эрозии не будет!

— Чем же тогда объяснить снижение в почве содержания органического вещества, питательных элементов?

— Тем, что мы мало вносим в почву органики и минеральных удобрений.

— Вы вносите питательных веществ с удобрениями столько, что их не хватает на компенсацию унесенных с тальными водами. А если предотвратить эрозию, сохранить в ней органическое вещество и элементы питания да накопить влагу плюс те минеральные удобрения, какими хозяйство располагает, — урожай обеспечен!

Иван Абрамович задумался, а потом посмотрел на часы и засоби-рался:

— Одиннадцать ночи. Пора рабочий день завершать. Продолжим эту тему в другой раз.

По настрою председателя можно было понять: уходит он неудовлетворенным. Его точка зрения по вопросам обработки почвы не совпала с мнением представителей науки. Иван Абрамович высказался против почвозащитной обработки... Разумеется, руководствовался он не только мотивами отсутствия комплекса почвозащитных машин и повышенной засоренностью полей. О преимуществе почвоохранной системы он слышал много, а вот не склонен внедрять на колхозных полях. Возможно, и он не перешагнул через психологический барьер. На здешних землях работали его дед и отец. Вначале они обрабатывали почву сохой, потом любовались отвалом плуга, ловко захватывающего пласт земли, и, изрядно раскрошив, оборачивал его зернистой крупкой наверх. Пласт к пласту — кругом черно. Глазу и сердцу мило! Двадцать лет тому назад и его учили в институте обрабатывать землю плугом. И все было правильно, теоретически обоснованно. И вдруг: откажись! «Еще неизвестно, к чему приведет плоскорез». Так не один раз повторял Тибейкин свои сомнения по поводу плоскорезной обработки, заявляя: «Придем еще к Вильямсу, придем!»

Мой коллега засомневался:

— Видно, на севооборотах содружество с колхозом и закончится. Председатель против почвозащитной обработки.

— Мне думается иначе. Иван Абрамович проверяет свои убеждения, сопоставляя различные взгляды с полезностью применения нового в хозяйстве. Действует по принципу: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Вот и меряет. Правильно делает. Убедится в полезности — сразу отрежет. Будут в колхозе и комплекс машин, и обработка почвозащитная. Долго ждать не придется.

* * *

С той поры прошло два года. И оба были сухие. Новошипуновцы выходили с хлебом. О колхозе заговорила пресса. Сам Тибейкин писал в краевой газете: «Да, в колхозе в последние годы произошли большие перемены в земледелии. По совету ученых мы внедрились севообороты. В результате большая часть зерновых теперь засеивается по лучшим предшественникам. Сегодня в колхозе редко увидишь летом желтую сопку, а поля хозяйства предгорные, почти все они окультурены, засеяны травами и до самой осени дают урожай. Это позволило колхозу к настоящему времени заготовить 36 тысяч центнеров сена при 40 тысячах по плану. Он будет выполнен, поскольку отава, хорошо подкормленная и удобренная, обещает дать богатый укос. Кроме того, травы — замечательный предшественник зерновых. В нынешнем году в колхозе распахали 500 гектаров старовозрастных трав, столько же будет добрых предшественников для хлебной нивы».

Севообороты, конечно, сыграли определенную роль, но дело не только в них. Изменилось отношение механизаторов к работе, бригадиры стали строже осуществлять контроль за качеством. И прежде всего сам Иван Абрамович твердо держит в руках все рычаги колхозной жизни. И полеводство особенно. Всякий раз, когда мы приезжали в колхоз, беседы в той или иной степени касались почвозащитной обработки.

В конце октября прошлого года Тибейкин позвонил на кафедру:

— Прошу приехать в колхоз, надо посоветоваться, кое-что уточнить.

Но случилась неувязка: мы приехали в колхоз, а председатель выехал на кустовое совещание. Садясь в машину, он посоветовал:

— Посмотрите поля, увидите, что мы сделали, а вечером встретимся и все обсудим.

Председатель уехал, а к нам тут же подошел колхозный механик Николай Андреевич Трунов.

— Я в вашем распоряжении. Машина ждет.

— Начнем с опытного поля, — предложили мы маршрут.

На опытном поле летом изучались перспективные сорта зерновых культур. Казалось бы, зачем колхозу заниматься этой работой, когда в районе есть государственный сортоучасток, — бери данные, анализируй, принимай решение. В Ново-Шипуново другой подход: не жди готового, находи, проверяй и внедряй. Вот и сейчас не оказалось на месте агронома колхоза: главный уехал в Тюменскую область, агроном-семеновод — в Карасук Новосибирской области за семенами березы (решили в колхозе заложить свой лесопитомник), по пути заедет в Сибирское отделение ВАСХНИЛ за семенами ржи-ярицы. Услышал где-то председатель о том, что в Абакане есть скороспелый сорт кукурузы и послал гонца за семенами.

Вспоминается жаркий июльский день, когда мы просматривали новые сорта яровой пшеницы и овса. Иван Абрамович подолгу стоял у каждого сорта, срывал колос, разминал его на ладони, считал зерна. Убедившись, что новый сорт лучше озернен, дает высокую прибавку урожая, тут же и решение принимал. Так было с сортами яровой пшеницы Алтайка, Новосибирской 67, овсом сорта Сельма, рапсом и другими культурами.

Теперь программа опытного поля расширилась, заложен стационар по изучению различных приемов основной обработки почвы: классической отвальной по Вильямсу и мальцевской безотвальной, бараевской плоскорезной и, как говорили раньше, «ленивки» — минимальной.

С высокого полотна дороги опытное поле просматривается во всех направлениях. Узкие полоски, как на картинке, убежали к противоположной насыпи. Черные полоски (опыт в трех повторениях) вороненым бархатом отливали на сером фоне поля. Всякий прохожий безошибочно скажет: тут поднята зябь. Еще заметит безотвальную обработку, потому как на ней дыбятся попеременно стерня и глыбы почвы, но вот плоскорезную... Даже тренированный глаз не вдруг определит со стороны; изволь-ка, пройди на поле да ступи ногой: тонет — значит обработана, приготовлена к обновлению почвенного мира.

Удивительное создание природы — почва! Гумусовый слой ее велик — тридцать-сорок сантиметров, а местами и меньше, — а какая сила в этом слое! Сложные процессы протекают в почве: биологические, физические, химические. Не станем перечислять все. Для этого существуют специальные науки. Сейчас не о них разговор. Хлебороба интересует функция почвы — обеспечивать растения влагой и пищей... Идем по полям, считаем, сколько стерни осталось после прохода почвообрабатывающего орудия; после отвального плуга стерни нет, полностью положена на дно борозды, по безотвальной — 80%, плоскорезной — в три раза больше, минимальной — столько же. К Трунову с вопросом:

— Какой прием обработки больше накопит влаги к посеву будущего года?

Николай Андреевич отшучивается:

— Доживем до весны, увидим.

Плоскорезная зябь накопит больше влаги. Об этом уже сказала практика степного земледелия, многочисленные опыты научных учреж-

дений. Правильный вывод сделал и колхоз, по полям которого мы ехали: кругом бесплужная обработка. Для пушей важности спросили:

— Вроде бы в колхозе не было настроения на почвозащитную обработку?

— Наш председатель ездил в Курган к Мальцеву. Говорит, везде люди обрабатывают землю плоскорезами и плугами без отвалов. Нынче и мы больше половины пашни так обрабатывали, оставили стерню.

Следующую остановку сделали у речки Марушки, естественной границы, отделявшей колхозные поля от совхоза «Камышенский» этого же района и совхоза «Звездный» Усть-Калманского. Три поля рядом, а порядка единого нет. С колхозного солома убрана на обочину, заправлена в стожки, поле обработано плоскорезом. У камышенцев работала волокуша, по всему полю кучи, зябь поднята без отвалов. Новотроенцы не управились. От осенних дождей солома в копнах почернела. Обработку, видать, перенесли на весну. Представились поля и зимой! В снежную пору новошипуновцы накатают одну дорогу и вытянут все стожки к кормоцеху; камышенцам потребуется несколько дорог торить на поле, а в «Звездном», пожалуй, так и останутся копны на поле до весны, зажженная спичка уберет их жарким пламенем. Об осеннем порядке на полях на том можно бы и закончить. Но это еще не все. У новошипуновцев вокруг кустов земелька припахана, разделана, трава зеленеет. У соседей — по два-три метра поля не допаханы, бурьяном поросли.

— Какой урожай собрали соседи? — спросили мы Трунова.

— Камышенцы как будто до пятнадцати дотянули, а новотроенцы и десяти не намолотили. Всех мы нынче обставили — по 19,5 на круг.

— Что же мешает соседям получать высокие урожаи?

Ответа не последовало. Это и понятно. Откуда мог знать Трунов, что делается в соседнем хозяйстве. Исчерпывающие сведения мы получили спустя два месяца, когда в институт на повышение квалификации прибыл агроном-семеновод совхоза «Звездный» Виктор Дмитриевич Обухов.

...Шло обычное занятие. Разбирали технологию обработки почвы в почвозащитном севообороте. Технология предусматривала комплекс мероприятий по накоплению и сохранению влаги, борьбе с сорняками, внесению органических и минеральных удобрений, обеспечивающих получение гарантированного урожая, — двадцать пять центнеров.

Виктор Дмитриевич написал на доске несколько пунктов и с особой наигранностью своим коллегам:

— Даю себе обет ежегодно на одном поле вести уборку зерновых на высоком срезе, солому измельчать и запахивать.

В аудитории оживление.

Геннадий Тупицын из Кытмановского района с вопросом:

— Зачем же солому запахивать, если она должна защищать почву от смыва, предохранять ее от перегрева?

— Я против плоскорезной обработки, — ответил Обухов.

— Почему же вы против плоскорезной обработки? — спросил я его после того, как узнал, что он представляет агрономическую службу совхоза «Звездный», с полей которого ежегодно уносится весной самая плодородная часть почвы (выше упоминался 92-й км дороги).

— Не идет у нас.

— У вас есть опыт?

— Специальных опытов не проводили.

— Какой урожай собрали по совхозу?

— 9,4 центнера с гектара.

— Или на десять центнеров меньше, чем в колхозе «Победа».

— Выходит, так...

Обухов поправляет очки, опускает голову, чувство наигранности

сменяется неловкостью. И все-таки важно выяснить причину низких урожаев. Приглушенным голосом агроном цедит:

— Карлык забодал...

Коротко и ясно. Сорняки взяли верх. Это главная причина низких сборов зерна.

Осенний осмотр полей завершался третьей бригадой. Мы спросили Трунова:

— Как нынче работала бригада Бочарова?

— Павел Ефремович нынче в передовиках. 22 центнера по бригаде! Получил право внеочереды купить автомобиль.

Машина выскочила на вершину длинной гривы. Ново-Шипуново как на ладони. Летом село прячется в зелени тополей, кленов, ветел, осенью — открыто. Крестьянские усадьбы ютятся вдоль речки. На пригорке культурно-бытовые объекты, здания двухэтажные, добротные, построенные по проектам, как сказал Трунов, местного архитектора инженера-механика Тибейкина. За околицей производственные строения: животноводческие фермы, мастерские, гаражи, склады. Недавно сдан в эксплуатацию Дом быта. Теперь нет нужды сельским девчатам ехать за полсотни километров в парикмахерскую районцентра. Завивку и укладку сделают на месте не хуже городских мастеров.

Доводилось и нам заходить в сельский Дом быта. Заведующая предприятием Вера Степановна Шахова рассказывала:

— Раньше, бывало, люди в Краснощеково ездили, теряли день, а то и больше, чтобы сделать заказы на пошив одежды или отремонтировать телевизор. Сейчас это все делается на месте, в селе. На одного жителя в год выполняется услуг на 16—18 рублей. Люди очень довольны.

— Еще бы! — отозвалась пожилая женщина, сидевшая у стола заказов. — Вот принесла мешок шерсти, а получу готовые валенки.

— Примечательно и то, что село обновляется. Ежегодно колхоз строит 15—17 новых квартир с надомными постройками; в первую очередь квартиры выделяются молодоженам. Помогает им колхоз и хозяйством обзаводиться.

Трунов повернул машину к изгороди:

— Бочаров тут живет.

Бочаров строил гараж. Деревянный каркас обшивал досками. Во дворе — новенький «Москвич», еще без номеров.

— С обновой тебя, Павел Ефремович! — приветствовали мы победителя.

— Спасибо. Нажил себе хлопот.

— Хлопоты эти небольшие. А главное — позади. Хлеб убрал, зябь поднял, технику в ряд составил.

— Так оно и должно быть, по-хозяйски, — соглашается Бочаров.

— Нас интересует севооборот, который в бригаде осваивается, — задаем вопрос бригадиру.

— Уже внедрили. Легче стало работать. В бригаде пять полей. Техника под рукой. Закончили одно поле — рядом другое, третье. А раньше — со счету собьешься.

— Какие же результаты получены по полям?

Бочаров достал блокнот из пиджака, полистал измятые листочки.

— Чтоб не ошибиться по предшественникам: по чистому пару яровой пшеницы сорта Алтайка собрали по 32,5 центнера, этот же сорт по кукурузе дал по 21 центнеру, повторный посев — 17. В целом же зерновых обошлось по 22,3 центнера с гектара.

— Значит, паровое поле окупило урожайем год отдыха?

— Пшеница добрая была. Колос к колосу. И зерно крупное, налитое.

— Ваша бригада собрала пшеницы на 13 центнеров больше с гектара, чем соседи-новотроенцы. Чем это вы объясните? Может, у вас

«секреты» какие есть? — вызываем на откровенный разговор Бочарова.

— Какие могут быть секреты в работе с землей, кроме добросовестного отношения к ней. Если, примерно, как попало землю обрабатывать, не смотреть, в какую почву семена заделываются и сколько их на квадратный метр ложится, урожая доброго не видать, зарастут поля сорняками. Говорил я об этом на районном собрании: «Кабы, говорю, у нас механизаторы так землю обрабатывали и хлеб косили, как у соседей, меня бы председатель и дня не держал в бригаде». Все мы делаем вовремя и качественно. Взять хотя бы посевную. Первым делом влагу в почве закроешь своевременно, не дашь ей испариться, потом культиваторы пускаешь, чтобы земельку разрыхлить, прогреть ее для ускорения прорастания сорняков, а потом и лушильники в ход пускаешь с перекрытием для большого подрезания сорняков, а затем усеялки вслед идут. Раньше мы сеяли рядовым способом, теперь перешли на диагонально-перекрестный. При рядовом посеве всходы получаются изреженные, 250—300 стеблей на квадратный метр, а тут и сорнякам раздолье. При перекрестном — нет им места.

— Какую же норму высева семян устанавливаете?

— Доставалось нам от председателя за эту норму! Приедет, бывало, Иван Абрамович на полосу — и к сеялкам. На зазор высевающего аппарата смотрит, потом в земле покопается. Мало, говорит, высевае. Доказываем, что по колесу устанавливали, предварительно на весах норму отвешивали. Вы мне, говорит, хоть на кантаре отвесы делайте, а чтобы сто семян было на погонном метре. А вот и сею на квадратный метр 600 зерен. Половину нормы в одном направлении, половину в другом. В посевных делах четкость нужна, организованность. У нас правилом стало: два агрегата землю готовят, два на посеве. Получилась какая заминка с посевом — останавливаем тракторы на обработке, чтобы не допустить иссушения почвы. Все посева прикатываем.

— И за сколько дней сев провели?

— За пять управились. Половину посевов потом обработали гербицидами.

— А уборка как прошла?

— Уборку тоже провели организованно, своими силами справились.

И рассказал тут Бочаров о новинке, которую применили местные умельцы. Известно, что горох трудно убрать без потерь, нужен очень низкий срез. И придумали тут усовершенствовать жатки ЖВН-6, укоротив их до 4 метров. Укороченная жатка лучше копировала рельеф холмистых полей, а чтобы достичь низкого среза перевернули брус и приварили к нему башмаки. Ни единого зерна гороха не было потеряно. Убрали без потерь и зерновые культуры. И тут не обошлось без новаторской мысли: при отдельной уборке, чтобы мотовила не перебрасывала колосья, звездочки переставляли на пониженные обороты, валок получался мощный, кучный. Тепло отзывался бригадир о своих механизаторах братьях Ивановых, Владимире и Михаиле, о звенье-вом Александре Акимовиче Ачкасове. Звено его работало по ипатовскому методу, держит первенство по колхозу; рядом звено Петра Федоровича Бурова. И когда мы спросили Павла Ефремовича: «Как реагируют механизаторы, если вдруг оказалось, что их обогнали в работе?» — он ответил:

— Ревностно относятся. С поля не уйдут, пока не добьются перевыполнения. Каждый борется за качество выполненной работы, чтобы от работы оставалось чувство исполненного долга...

Как-то в разговоре Иван Абрамович сказал: «В каждом деле лидер нужен». Вспомнились эти слова сейчас, в беседе с Бочаровым. Совсем недавно третья бригада была отстающей в колхозе. Урожай собирали низкие, дисциплина хромала, каждый старался накрутить по-

больше гектаров, больше получить зарплаты. Какой урожай зрел на поле — это его не интересовало. Доверили бригаду Павлу Ефремовичу. Трудно было ему на первых порах, но нашел он подход к механизаторам, наладил отношения, дисциплину. Пошли дела в гору. Работа с людьми, трудовая дисциплина — вот и весь секрет в хлеборобском деле.

Да, секретов у Бочарова не было, как нет их у председателя колхоза. Главный успех в получении высоких урожаев в засушливые годы и состоял в том, что наведен порядок на земле, соблюдалась твердая технологическая дисциплина и трудовая. За два года но-вошипуновцы не списали ни единого гектара на засуху, наоборот, увеличили сборы зерна, сделали гектар земли щедрым и плодородным, с достоинством выполнили свои обязательства перед государством, внесли свой трудовой вклад в решение Продовольственной программы страны, утвержденной майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС.

* * *

С председателем встретились вечером в колхозной конторе. Дневные разъезды, хозяйские заботы, совещания оставили свой след: лицо утомленное, почерневшее, глаза запавшие, но по-прежнему сосредоточенные, пытливые. После завершения рабочего дня можно было бы идти домой, не получается: приехали представители науки, время для беседы — только вечер, в эту пору никто уже не стучится в кабинет, не отрывают назойливые звонки.

— Говорили нам, что вы ездили к Мальцеву.

Иван Абрамович улыбается:

— Было такое дело. Пятидневку затратили с главным агрономом на поездку, а впечатлений — как будто на повышении квалификации побывали... По дорогам края проедешь, и то опыту наберешься, что ни район — то свой почерк на земле.

— Какой нынче урожай собрал Терентий Семенович?

— По тридцать центнеров зерна на круг!

— Стало быть, их засуха не хватила?

— Такой вопрос мы задавали Мальцеву, а он нам и говорит, что настоящий агроном, руководитель хозяйства не ждуг милости от природы. Изучает особенности климата, закономерности повторения засух, дождей или заморозков, историю земледелия в своей зоне. И если уже нельзя совсем избежать ошибок при определении сроков посева, то хороший специалист сумеет хотя бы свести просчеты к минимуму. Может, кое-кому покажется невероятным, но даже периодические засухи, особенно первой половины лета, сумели обернуть на пользу урожаю. Вот так Мальцев и рассказывал о делах колхоза «Заветы Ленина» Шадринского района.

— За счет каких слагаемых курганцы получают высокие урожаи? — спрашиваем председателя.

— Два часа нам про это рассказывал Терентий Семенович. — На лице председателя ни тени усталости. Воспоминание о приятной встрече с почетным академиком возвращает Тибейкину бодрость. — Мудрый он человек. Тому, говорит, гектар щедрее платит, кто трезво, критически мыслит, у кого творческий подход к земле. Особый упор делал на безотвальную обработку почвы, на борьбу с сорняками. В заключение, помнится, Мальцев подчеркнул, что для всех зон одинаковых рецептов нет и быть не может. Любые доводы в пользу тех или иных агроприемов системы земледелия надо принимать с поправками на конкретные условия.

— Что вы переняли для себя от встречи с «патриархом» земледелия?

В уголках председательских глаз смешинка.

— Такой вопрос я задавал своему агроному. А тот мне с ходу: «Расскажу своей Насте, как надо чай заваривать. Уж очень оригинально Мальцев чай заваривал...» Ну что мы переняли? — Иван Абрамович собирался с мыслями. — Много, конечно, взяли мы для себя... Но сомнение осталось. Вот и пригласили вас побеседовать. Надо нам подкорректировать планы колхозной продовольственной программы.

— В каком направлении?

— Разумеется, в сторону увеличения показателей полеводства и животноводства. Мы вышли на рубеж стабильных урожаев — 20 центнеров с гектара, надоев молока — свыше двух с половиной тысяч килограммов на фуражную корову. Но этого теперь недостаточно. Надо производить больше.

— За чем же остановка?

— Надо пересмотреть структуру посевных площадей. Внести изменения в севообороты.

— Севообороты только освоены. Надо ли их нарушать?

— Нарушать мы их не будем, заменим только чистый пар на занятой...

— Теперь яснее просматривалось «сомнение» Ивана Абрамовича от поездки к Мальцеву. Терентий Семенович за два часа беседы не упомянул «занятой» пар, чего так ждал алтайский председатель.

Занять чистые пары... Лишиться санитарного поля в севообороте малого орошаемого участка... Еще вчера о паре со всех сторон говорили как о главном звене системы земледелия, способном навести порядок на земле, увеличить выход зерна с единицы пашни. А теперь снова осудили...

Мне вспомнилось то поле яровой пшеницы по чистому пару, на котором мы были с Иваном Абрамовичем в конце июля. Как будто и не было для нее засухи: плотные налитые колосья (подсчитали — более пятисот на квадратном метре) приобретали бронзоватый оттенок. Рядом было поле занятого пара. Смесь овса с горохом также подходила к уборке.

— Сколько центнеров даст эта смесь? — спросил председатель.

— Пятнадцать, — ответил я.

— Максимум восемнадцать! — Мой товарищ назвал предельную величину урожайности. Она ближе подходила к глазомерной оценке председателя.

— Пусть восемнадцать! В следующем году мы тут соберем яровой пшеницы по 22. А в сумме это будет сорок! Даст нынче эта пшеница сорок? — ставил перед нами вопрос председатель и сам же отвечал: — Нет. Не даст!

— Действие чистого пара будет проявляться на всю ротацию севооборота, — стараемся доказать председателю. — В сумме сбор зерна будет больше в севообороте с чистым паром...

И вот теперь снова вернулись к разговору о паре.

— Это ошибочный путь в земледелии, Иван Абрамович, — после долгой паузы сказали мы председателю.

— Вот вы все ратуете за чистый пар. Дай всем чистый пар! А кто будет землю считать? Пашня-то не резина, ее не растянешь.

— Ее и тянуть не надо. Есть в колхозе четкая структура посевных площадей, которая обеспечивает выполнение государственных планов, а животноводство — кормами.

— Вот в том-то и дело, что эта структура не может удовлетворять животноводство кормами завтра. В этом году мы заготовили на условную голову по 25 центнеров кормовых единиц, а завтра надо 35—40.

Напоминаю председателю об известном постановлении партийных и советских органов по вопросу пара в почвозащитной системе земледелия и требования от руководителей хозяйств неуклонного исполнения...

Иван Абрамович соглашается:

— Правильно сказано. Но там сказано и о том, что в каждом хозяйстве должен быть наведен порядок на земле. Разве порядок наводится только чистым паром? Многие хозяйства расширили паровой клин за счет многолетних трав, зерновых культур, а урожаи собирают низкие, не справляются с обязательствами по зерну, мясу и молоку. Как же мириться с этим?! Государство не может ежегодно списывать на засуху. Может в конечном итоге и спросить: тебе, председатель, все дали, чтобы работал на земле, получал от нее хлеб, корма. Где отдача? Что на это скажешь? Паровым полем тут не прикроешься!

Дальше полемику вести было бесполезно. У председателя сложилось твердое мнение — можно работать в хозяйстве без чистых паров.

— Какая требуется от нас помощь? — спросили мы председателя.

— Надо разработать такую технологию возделывания зерновых культур, которая обеспечила бы получение зерна 25 центнеров с гектара и 350—400 центнеров зеленых кормов.

— Чтобы получать высокие урожаи без чистых паров, нужно иметь в хозяйстве минеральные удобрения под планируемый урожай, накопить за осенне-зимний период влаги в метровом слое поля до 200 миллиметров, располагать гербицидами для уничтожения сорняков и соблюдать технологическую дисциплину, — сказали мы председателю.

Иван Абрамович, прищурился, внимательно слушал, что-то прикидывал в уме, а потом и говорит:

— Накапливать влагу в почве, вносить удобрения и бороться с сорняками — это наш вопрос, а вот какими способами можно больше накопить — это наука должна сказать. Она должна также сказать нам: сколько удобрений надо внести под яровую пшеницу, чтобы получить запланированные двадцать пять центнеров с гектара, в какие сроки лучше положить семена в почву, чтобы на всходы не повлияла засуха. В таком совете мы нуждаемся.

И, как в прошлый раз, председатель достал из папки несколько листов бумаги, исписанных уборным почерком. То были мероприятия к реализации колхозной продовольственной программы по производству зерна и кормов на ближайшие годы. Всмотримся в цифры, стараемся глубже вникнуть в тот объем работы, который предстоит выполнить колхозу. Та же земля должна обеспечить увеличение сборов зерна более чем на двадцать пять процентов, в полтора раза больше заготавливать кормов с гектара кормовых угодий. К цифрам предпосланы объяснения:

а) повысить эффективность использования земли за счет устранения непредусмотренных дорог, обочин полей, промоин и борозд;

б) сохранение влаги в почве весной осуществить за счет раннего весеннего боронования с прикатыванием в агрегате;

в) внесение минеральных удобрений на поля произвести в соответствии с рекомендациями науки;

г) предпосевную обработку почвы и посев культур вести поточным методом в оптимальные сроки, предусмотренные в рекомендациях; для первого прохода предпосевной обработки предусматривать агрегаты КПШ-9, КПС-4, за ними следуют лушильники с перекрытием в полтора следа; выравнивание поверхности поля достигается боронами со шлейфами или поперечными планками (шлейфы, планки, деревянные катки изготовить до начала весенне-полевых работ).

Предусмотрены в мероприятиях и приемы борьбы с сорняками, и ответственность каждого члена звена за высокое качество работы на севе, особенно на заделку семян в почву. Есть пункт и о том, что звенья работают на единый наряд.

— Ну как? — спросил Иван Абрамович после того, как были просмотрены последние пункты.

— Программа большая, — отвечаем председателю.

— Это, так сказать, базис под высокий урожай, а теперь дело за подготовкой конкретных исполнителей, чтобы пункты были выполнены. Что относится к разделу науки, то мы и на этот раз готовы поработать, подготовить соответствующие расчеты и предложения. К марту будут готовы.

Иван Абрамович улыбается:

— Значит, содружество продолжается!

— Высокие урожаи колхоза — это и есть сопричастность науки в выполнении колхозной продовольственной программы. Ради этой большой задачи мы готовы оказывать практическую помощь хозяйству.

— Тогда будем завершать нашу беседу, — низким усталым голосом заключает Иван Абрамович. — Уже полночь. Завтра дел, кажется, не меньше. Приезжают проектанты, надо обсудить вопросы развития прудового хозяйства, на очереди — орошаемый участок, звероферма. Работы непечатый край.

* * *

Тяжела председательская ноша. Даже наблюдая со стороны за работой Ивана Абрамовича, удивляешься его работоспособности: в семь утра он уже откуда-то приехал (говорят, что рабочий день председатель начинает с животноводческих ферм), в первом часу ночи домой пришел, стало быть, на отдых пять-шесть часов.

— Тяжесть председательской работы не в том, что он рано поднялся и поздно спать лег, — поясняет Иван Абрамович. — Это с возрастом нормой становится. А вот задумаешь что-либо построить — хлопот не оберешься. Скажем, надо было в селе построить Дом быта, детский комбинат, фельдшерско-акушерский пункт с роддомом и медицинским профилакторием — объекты, без которых нынче немыслима жизнь в любом селе. Проектов нет. Делаешь чертежи, составляешь смету, начинаешь строить, а банк не открывает финансирование. Зарплату платить нечем, люди волнуются... Идешь по инстанциям, доказываешь необходимость строительства объектов. В ответ слышишь: «Не нарушай финансовую дисциплину. Не положено!» Ну, решил вопрос с банком, а тут проблема со стройматериалами: цемент достать, перекрытие найти, кровлю. Такое оно, строительство! И без него нельзя... Вот она председательская ноша! Поди, измерь ее!

Да, только Тибейкину известно, каких трудов стоило ему завести в колхоз черно-пеструю породу коров. Все краевые организации прошел, но доказал, что черно-пестрая приживется в предгорных условиях, выдержит ее костяк. Так и получилось. Прижилась черно-пестрая, только подавай ей вволю корма, а уж высокими надоями окупит она все затраты животноводов. Средний надой на фуражную корову за прошедший год составил 3000 килограммов, тогда как по цеху симментальской породы немногим более 2000.

Сложно было решать и вопросы трудовой дисциплины. Иван Абрамович в беседе часто затрагивал социально-психологические стороны колхозника, его отношение к работе. Вроде бы все создано для колхозника: работа, приличная заработная плата, веди подсобное хозяйство — не ленись. А вот, бывало, присмотришься к тому же механизатору — как он землю обрабатывает или посев ведет — и диву даешься: технология не выдерживается, семена заделываются мелко, местами и совсем поверху разбросаны, как подкормка для грачей. И думаешь: почему такое отношение к колхозной работе?

И оказалось, что на первом месте у колхозника — не колхозные заботы, а личные. Этому способствовал слабый контроль со стороны правления колхоза. Колхозная работа независимо от ее качества исполнения и конечного результата обеспечивала ему зарплату в соответ-

вии с расценками, давала право на колхозной земле заготавливать столько кормов, сколько требовалось для содержания трех-четырех и более голов крупного рогатого скота (колхозника тогда не интересовало, сколько было заготовлено кормовых единиц на условную голову колхозного стада). Понятное дело, каждый колхозник стремился откормить скот и продать... не колхозу по закупочным ценам, а на городском рынке — в три-четыре раза дороже.

Изменить такое положение натолкнул один случай. Иван Абрамович рассказывал о нем с горечью:

— Ехал я с бригады и увидел, что на поле яровой пшеницы пасся скот их сельчанина. Остановил машину, выгнал скот и вот тебе навстречу владелец. «Ты, говорит, что ж, председатель, делаешь, так твою и разэтак. Тебе жалко колхозной зелени?!» Поначалу я как-то оторопел: за что колхозник меня ругает? А потом пошел ему навстречу: «Потвоему, хлеб можно топтать! Травить колхозное добро? В табун ты не отдаешь: отказываешься заплатить пастуху тройку в месяц, на колхозных хлебах бесплатно хочешь откармливать скот? Не будет этого!» Так вот и обмолвились. Обсудили вопрос на колхозном совете и приняли решение: добросовестной работой колхозник должен получить право на пользование богатствами колхозной земли, за работу получай зарплату, а на нее покупай в колхозе зерно, корма. И держи скот, сколько можешь. Но прежде — интересы колхозные. В этом основная суть социального механизма отношения человека к колхозной работе, земле и своему подсобному хозяйству. Изменилось отношение. Пошла в гору колхозная экономика. Теперь ежегодно хозяйство получает миллионные прибыли от полеводства и животноводства, в достатке живут колхозники.

Вдумываюсь еще раз в слова Тибейкина: «В каждом деле лидер нужен», отнесенные к бригадиру, и не боюсь адресовать их самому председателю. Иван Абрамович возглавил правление колхоза самого отстающего в районе. Десять лет вдумчивой и кропотливой работы сделали свое дело: по всем показателям колхоз вышел в передовые.

— Есть у меня мечта, — говорил в беседе Иван Абрамович, — преобразовать село Ново-Шипуново: построить прямолинейные асфальтированные улицы с благоустроенным жильем, достойным ее создателей.

— В чем вы видите главный итог своей работы?

— Итог работы просматривается во всем, что сделано за год. — Иван Абрамович медленно говорит, что-то хочет добавить к поставленному вопросу, а потом и заключает: — А вот удовлетворение больше всего получаю от хлеба. Пожалуй, это и есть главная мечта и ее осуществление: быть всегда с хлебом!

Хорошо сказано. Глубокий смысл заложен в них. Смысл всей крестьянской жизни на селе.

Участники краевого семинара молодых писателей

Павел ЯВЕЦКИЙ, г. Бийск

КЕДРЫ

Хоть рога пообломайте, ветры!
Пустяковый для тайги урон...
Гордо в небо устремили кедр
Взрывчатость вечнозеленых крон.

Любо им. Вершины раскачали.
Не ступала здесь ничья нога.
Им ручьи бормочут пасторали,
Девственны тут белые снега...

Наискось, к лесистому отрогу,
От распадка Рудного ключа
Слышно — «бьют» бульдозеры дорогу,
Дизелями яростно урча.

На пеньки и хлам лесоповала
Опустила радуга дугу,
Вмиг распавшись, долго осыпала
Слюдяную морось на тайгу.

Жутковаты радужные спектры,
Где хребты в проплешинах, голы.
Разве кедр только кубометры
На объем зачтенные стволы!

* * *

Возле старицы — лесок,
Где заря повыстывала.
Ночь-старатель промывала
Звезды в решетке осок.

Никли вербы-деревца.
Выль прерывисто смеялась,
Если звездная пыльца
В луг росую отсеивалась.

Над водой клонился куст...
От причуд — шалинки ночи —
Карасю песчинка пусть
В алых жабрах пощекочет.

О кувшинки стебель он
Золотым потрется боком...
Неумолчный тихий звон,
Беспокойство по оскам

Да горячая слеза —
Метеора штрих мгновенный.
О бездонные глаза
Опрокинутой Вселенной!

* * *

Обмелели затоны,
Скрылись в глуби лещи,
И ранимы до стона
Под ногою хвощи.

Позаилило омут,
Видно спины коряг,
Отгорает черемух
Несугревный маяк.

Где протоки суженье —
Чудь древесных затей,
Корневищей сплетенье,
Как террариум змей.

Телеграф паутины
Рву в прибрежных кустах,
Комья вязкие глины
На сырых сапогах.

* * *

Стынут забереги, стынут,
Слюдяно шуршат...
Низко сумерки прихлынут,
Звуки приглушат.

Каково в ледовой справе!
Свис паромный трос...
Поутратил звонкость гравий,
Обезлюдел плес...

Ветерок понуро рыщет,
Тальнички трепля.
Выбирает удилице,
Видно, для себя.

За изрытым поворотом
Сосенки рядком,
И от бань по огородам
Чуть горчит дымком.

Напрягая связки в горле,
Эдак что-нибудь
Озорно бы крикнуть, что ли,
Эхо шугануть...

Наталья НИКОЛЕНКОВА, г. Барнаул

МОРОШКА

Тише. Входи осторожно.
Здесь приглушенно-остры
Запахи мхов, морошки,
Хвои и мошкары.

Спит в тайнике болота
Ягода из янтаря.

Чьих мастеров работа?
Так далеко моря.

И ничего не просит
У тех, кто в лесу не гость,
Эта морская гостья —
Только раскрытую горсть.

Дмитрий ШАРАБАРИН, г. Бийск

РОДИНА

Детства край!
Расстоянья большие
Между мной и тобой
Пролегли.
Но с годами
Объемней и шире
Чувство Родины,
Отчей земли.

Я дышу
Хвойным утренним ветром,
Где сосняк
Отразился в Оби.
А вокруг
На все стороны света —
Не какая-то малость —
Сибирь!

Никогда не забудешь
Такую!
Коль дорога твоя далека,
Словно чибис,
Душа затоскует
По туманным
Родным берегам.

У дорог моих
Дальних и близких
Молчаливые островки...
Отчий край мой!
Твои обелиски
Светят в памяти,
Как маяки.

РОССИЙСКИЕ ДЕРЕВНИ

Вечен зов
Истоков наших древних.
Копны —
Словно стадо на лугу.
Тихие российские
Деревни
Без волненья
Видеть не могу.

Возле речек,
У лесных опушек
Избы, пригорюнившись,
Стоят.
Здесь живут
Пока еще частушки,

Петухи на зорьке
Голосят.

К скоростям
Испытывая ревность,
Вслушиваясь
В грохот поездов,
Смотрят вдаль
По-бабьему деревни,
Матери растущих
Городов.

ЖУРАВЛИ

Я слышал:
Сквозь вечерний
шум кварталов

Пробился
Трубный голос журавлей.
Он долго плыл,
Высокий и усталый,
Над кронами
Осенних тополей.

Леса молчали,
Реки стали тише,

У берегов застыли камыши.
И только город
Ничего не слышал —
Куда-то все спешил,
спешил,
спешил.

* * *

Люблю места, где тонут облака
В прозрачной глубине утреннего плеса,
Где бусинкою тело паука
На лучике повисло между сосен.

Дух осени!
Сорочки голоса
Пронизывают тающую роздыму,
И, словно расплетенная коса,
Течет спящий солнца дождь
С березы.

Домой с последним транспортом вернусь,
Когда заря погаснет над рекою,
И будет жить в душе
Лесная грусть
И тишина осеннего покоя.

Сергей ЧЕПРОВ, г. Бийск

ТАЙНА

В округе нашей возле той избы
Сошлись когда-то две судьбы.
Друг друга взглядом молча обожгли
И разошлись. А годы шли и шли...

А произнесенные слова
Из уст в уста потом несли молва.

Сегодня, как и много лет назад,
При встрече двое опускают взгляд.
И мой неразговорчивый сосед
Уже не усмехается им вслед.

— Была ли тайна! — спросите.
— Была!
И две души она сожгла дотла.

Что знал в округе всякий человек,
Для двух осталось тайною навек.

* * *

Пронеслась гроза, промчалась,
Будто бы и не была.
А от дерева осталось
Два больных полуствола.

Старый шрам чернеет сажей,
Сохнет корень в глубине.
И расходятся все дальше
Увядать наедине.

Только птицы и слышали,
Головы накрыв крылом,
Как в ночи листвою вздыхали
Эти двое — об одном.

ДРУГУ СЕРГЕЮ, СЛЕСАРИЮ-САНТЕХНИКУ

Богу — богово,
Кесарю — кесарево,
Тебе, Серега, —
Особое, слесарево.

Им Вселенную,
Миры все разом.
Тебе ж — на коленях
Пред унитазом.

Они повыше
И духом, и рангом.
Тебе же вышло —
Краны да шланги.
Колена, патрубки —
Черт ногу сломит.

А ты вот радуешься,
Что в каждом доме
Из крана льется,
А не иначе,
Вода холодная,
Вода горячая.

А где с водою плохо —
Тревогу затрубят,
Но не помянут бога,
А позовут тебя.

Евгений ВОЛЬНЫХ, г. Рубцовск

* * *

Чуть-чуть пахнуло лишь снегами.
Еще не трудно, но уже
Лежит большой тяжелый камень
На нашей жизненной меже.

Откуда это наважденье!
С испугом глянули в себя.
Настало время пробужденья,
Мы жили рядом не любя.

Нас май венчал зеленым светом.
Кого теперь нам обвинять!
За горизонтом скрылось лето
И нам друг друга не понять.

Похолодел твой взгляд и руки.
Я попрошу: не надо так,
Я первым сделаю к разлуке,
Тебя щадя, незримый шаг.

Владимир СМЕРНОВ, г. Рубцовск

* * *

Весь в синеве и птичьем звоне
Мне протянул весенний день
На нежной солнечной ладони
Росой умытую сирень.
В ней песни звук, она живая,
Она в дыханье и в цвету,
И даже рана ножевая
Не загубила красоту.

ВОЕННЫЕ КАРТИНКИ

* * *

Фашист молодой в старом русском селе
В саду, у разрушенной хаты,
Копает окопы на нашей земле
Немецкой закалки лопатой.

Оскален в улыбке восторженный рот
Еще он, мерзавец, не знает,
Что с этой земли никогда не уйдет:
Могилу себе он копает.

* * *

За рекой печные трубы
Смотрят в небо, как зенитки,
Кое-где чернеют срубы,
Рядом с обгоревшим дубом —
Уцелевшая калитка.

За пожарищем на пашне,
Что лет пять не знала плуга,
Стынут ржавые от боли
Посреди бурьяна страшно
Танки, врезались друг в друга.

Валентина ТИМОФЕЕВА, г. Бийск

* * *

Здравствуй, лес.
У тебя я давно не бывала.
А когда-то, когда-то, бывало,
Зарумянятся чуть край небес,
Мама тронет мое одеяло:
— Погоняй. Молока нынче мало.
Да смотри, на посадки не лезь...

Здравствуй, лес.
Мы с коровой костлявою Зорькой
Все поляны облазим и горки
Там, где клевер и ягода есть.
И, напившись из ласковой речки,
Буду слушать, светла и беспечна,
Птичьих песен веселую смесь.

Здравствуй, лес.
В моей памяти сказочно ярки
Те далекие чудо-подарки.
Да, я помню: распахнутый весь,
Был ты щедрым с голодными нами.
Под твоё бескорыстное знамя
Вновь прийти мне — великая честь.

* * *

Среди отступивших снегов
Мохнатый, слепой и безгрешный
Проклонулся первый подснежник.
Тебе принесла я его.

В моей удивленной душе,
Доверчивой и оробевшей,
Проклонулась первая нежность,
В любовь прорастая уже.

Но как заявить о себе,
Та юная нежность не знала,
Подснежником первым увяла...
Так было угодно судьбе.

Так было угодно судьбе —
Цветок, опаленный морозом,
Померк перед солнечной розой
В условной незримой борьбе.

Апрельским особенным днем
Мне прошлое память вскрывает.
Подснежник во мне оживает,
Горит негасимым огнем.

* * *

Отвори мне дверь,
Я пришла.
Нет во мне, поверь,
Лжи и зла.

Кипяток крутой.
Свежий чай.
Говорю не то
Незначай.

В радость и в укор
Светит мне
Старый наш ковер
На стене.

Нелегко мосты
Наводить
И сказать «прости»
И простить.

Татьяна ГЛАЗЫРИНА, г. БийскМАМЕ

Догорит закат, потухнет,
Темнота под ноги ляжет.
Мама мне на теплой кухне
Сказку старую расскажет.

Я уткнусь в ее ладоши,
Мне спокойно и приятно,
И от сказки той хорошей,
Подрасту я, вероятно.

Порасскажет, порасспросит,
По вихрам моим погладит.
Очень быстро, очень просто
Все дела мои уладит.

* * *

Свет я затемно включила,
Ночь присела у окна.
Так случилось-получилось,

Что сегодня я одна.
 Перед зеркалом сижу,
 На саму себя гляжу.
 Все обиды и все злости
 Соберу в свои я горсти.
 Разгляжу, в сундук закрою
 Под засовы и замок,
 А ключи возьму с собою,
 Чтоб никто открыть не мог.
 Скрыла, уничтожила...
 А злая отчего же я!

* * *

Ах, как жаль, что больше мне не снится,
 Как лечу я с замираньем сердца
 Просто и свободно, словно птица.

А казалось, только руки вскину,
 Полечу, под ветер подставляя
 Переменно то лицо, то спину,

Испытав подъемы и сниженья.
 Но два сына крепко держат руки,
 Крепче, чем земное притяженье.

Николай ЕРМАКОВ, г. Рубцовск

БЕРЕЗЫ

И вновь ударили морозы.
 И нет весны. Но есть мечта.
 И лишь сосульки на березе,
 Как слез немая чистота.

А сколько их, берез в России!
 Белым-белы. Белым-белы.
 Как будто от печали стынут
 Их поседевшие стволы.

Как будто пепел всех столетий
 И тяжких войн смертельный груз
 К земле оттягивают ветви
 И горем иссушают грудь.

А я прижмусь щекой к березе.
 Мои седины — впереди.
 И связь времен, и власть мороза
 Сольются трепетом в груди.

Валентина НУРДАЕВА, г. Бийск

РИСУЮТ ДОЧЕРИ ПРИНЦЕСС

Глаза раскосы,
 Как у марсианок, —
 Так все фантасты
 Рисовали их.
 А жаль, что космос
 Не явил пока нам
 Ни дев глазастых,
 Ни существ иных...
 Стога ржанных волос...
 На платье — жемчуг.
 Нетрудно догадаться —
 Мамин лак.
 Возможно, что-то
 В генах есть у женщин,
 Которым блеск
 Дороже всяких благ!
 И не у всех
 Пройдет это с годами.
 И да не сгинут
 С возрастом мечты!

И то не грех, но дань
 Прекрасной даме —
 Богине гордости
 И чистоты!
 Торжественны
 Художниц юных лица.
 [А радио вещает
 Новый стресс!..]
 От женских глаз
 Никто не утаится,
 Рисуют девочки
 Себя — принцесс,
 Красивых,
 Повелительных
 И нежных...
 Мальчишкам — что!
 Им — шлемы, звездолет.
 Рисуют девочки
 Свои надежды.
 Им звездный свет
 Покоя не дает.

ПОДОРОЖНИК

Вдоль тропинки, у края дороги,
 Весь в пыли, он на вид неказист.
 По привычке мы грязные ноги
 Вытираем об этот вот лист.
 Он в комочек от боли сожмется.
 А назавтра, посмотришь, опять —
 И откуда в нем сила берется! —
 Будет прямо и твердо стоять

И нести в своих жестких ладошках
 Бескорыстно живительный сок.
 Подорожник... простой
 подорожник,

Неказистый по виду листок...
 И топтали его, и косили —
 Ни унижить, ни смять не смогли.
 А не в том ли как раз
 его сила,
 Что он ближе цветка до земли!

Дмитрий ПИВОВАРОВ, г. Бийск

ИВА

Снова вижу ветви-косы,
 Не густы и не редки.
 Это ива у откоса
 Смотрит в зеркало реки.
 Был я здесь мальчишкой робким,
 Слушал, как она росла,
 Проплывая мимо в лодке,
 Гладил краешком весла.
 Проходили зимы, весны,
 Поросла река травой,
 И давно разошлись весла
 За покинутой избой.
 Пусть встречаемся все реже,
 Я ведь пленник города,
 Только время не отрежет
 То, что в жизни дорого.
 Речки мягкие мотивы,
 Листьев утреннюю грусть.
 Для меня у этой ивы
 Родилась когда-то Русь.

Наш деревенский обелиск
 Едва вмещал фамилии,
 А значит, похоронный лист
 В любой семье хранили.
 Встречаю новую весну,
 Мне выпало — везучий!
 Лицо у речки сполосну
 Водой, как слезы, жгучей.
 И постою на берегу,
 Вниз провожая льдины,
 И сердце вздрогнет на бегу,
 Как часовая мина.

СИБИРЯК

Весь день строчили похоронки
 пулеметы,
 Ложились строки красной полосой.
 Явилась смерть и выкосила роты,
 От крови заржавевшею косой.
 Она смотрела в сторону востока,
 Но, пятернею сжав гранат пучок,
 Навстречу шел из дымного окопа
 Обычный наш сибирский мужичок.
 Приземистый, сутулый, коренастый,
 Шагнул за бруствер, где метель свинца
 И змейка крови по сырому насту
 Тянулась с изможденного лица.
 Он пал без громких слов и удалства
 На черный снег степной российской
 шири,
 Все просто — позади была Москва,
 А за Москвой — еще село в Сибири.

НЕРОЖДЕННЫЕ СВЕРСТНИКИ

У тех, кого в огне не стало,
 Корней в роду не появилось,
 И оттого уж слишком мало
 В пятидесятых нас родилось.
 И малочисленный наш класс,
 Быть может, тем и дорог,
 Училось восемнадцать нас,
 А было парт на сорок.

Валерий КУНИЦЫН, г. Горно-Алтайск

ПОРА МАРАЛЬНИКА

Пора маральника...
Ты снова
В моей душе отозвалась,
И сердце снова просит слова,
И жить хочу я —
Так, чтоб вспасть!

Играет сок в березах милых...
Одна мне по душе приплась,
Я к ней шагнул.
Я был не в силах
Себя сдержатъ, чтоб не припасть
Губами жаркими к березе
И сок ее весенний пить...

Прощайте, стылые морозы!
Березу мне — не разлюбить!..

* * *

От треклятой суеты сбегу
В вековую синюю тайгу,
Где светлеют от зари румяной
Росы на лазоревых полянах,

Где струится воздух чистый, пряный,
От него я стану будто пьяный,
И сама потянется рука
К розовому чуду кандыка.

У аржана¹ — родника лесного —
Отдохну от шума городского.
Я лежу в траве, и сердце чувствует:
Душу мне зеленый лес врачует...

* * *

Рыжее золото, золото осени
Наземь небрежно, без жалости бросили
Ветры холодные, ветры могучие,
Ветры осенние, ветры колючие.

Плачут березоньки,
Плачут красавицы,
Скоро красы их совсем не останется...
Полно, березоньки!.. Вас от метелей
Нежно укроют зеленые ели...

РАССВЕТ

От одиночества
К утру
Устала тишина в бору.
И птичьим трелям отдалась,
Чтоб насладиться ими всласть.
Роса упала на траву.
Рассвет прорезал синеву.
Сверкнул с вершины горных круч
Осколок солнца —
Первый луч...

¹ Целебный источник (алт.).

Валентин Иванович Зайцев родился в 1940 г. в с. Червоно на Алтае. Закончил Иркутский университет. Работал на стройках, в проектном институте, в настоящее время инженер на заводе мехпрессов. В альманахе «Алтай» публикуется впервые. Живет в г. Барнауле.

Валентин ЗАЙЦЕВ

ТРЕВОЖНАЯ ВАХТА

ПОВЕСТЬ

1

Теплоход Вадима идет впереди. Посылает во мрак ночи мелькающие лучи гакобортного огня. И, следуя за этим огнем, капитан заднего теплохода Борис словно прилип к нему зрачками, а руки крутили штурвал синхронно с невидимыми руками Вадима. И эта связь через общность движений волновала Бориса, мешала работать.

Перед началом рейса диспетчер порта мимоходом шепнула ему: «Вадима-то, адьо, увольняют! Не слышал? Сегодня последняя вахта». Это известие ошеломило Бориса. Увольняют — и кого?! Капитана, который был передовиком, на которого равнялись другие речники! Даже не поверил сперва — чепуха какая-то! Спросил у самого Вадима. Но тот подтвердил. Борис воскликнул изумленно: «За что?!» Вадим смутился, махнул рукой: «А-а, длинная история». Неприятно, конечно, было ему распространяться о причинах своего увольнения, и Борис утешил себя тем, что вся ночь еще впереди — наговорятся. Заспешили оба на свои суда — ждали срочный груз.

Уже больше часа их теплоходы с баржами в пути. Включены радиоприемники. Борису не терпится взять микрофон и успокоить Вадима. А потом поболтать о каких-нибудь пустяках, развеять его подавленное настроение. Но как говорить о пустяках при такой неприятности? И Борис молчит. Шумит в его ушах давний ветер...

Стояли на рейде. Обь набухла молочной пеною. А ветер все ворошил и ворошил ее, пока не разбушевалась. Заходили серые островерхие гребни. Все выше, выше. Разъяренно насакивали на борт, хлестали стальной корпус. Теплоход раскачивало. Поблизости болтался на волнах, словно спичечный коробок, дебаркадер.

Взревел на теплоходе дизель, загремел брашпиль, мокрая цепь поползла в клюз. А Вадим уж разворачивался к дебаркадеру.

На недоуменный вопрос Бориса отвечал: «Вода поднимается, сходни затопляет. Подтолкнем дебаркадер ближе к берегу». Борис воскликнул: «Так это же пассажирского ведомства посудина! Пусть у них и болит голова. У нас своя работа».

Посмотрел на него Вадим и молча подтолкнул дебаркадер. Потом надел швартовые рукавицы и, сойдя на берег, принялся за перечалку. Борису ничего не оставалось как помогать.

А волны все злее набрасывались на прибрежный песок и, не находя чем поживиться, неслись к обрыву, вгрызались в него, подмывая плотный суглинистый ров; дотянулись до сходней дебаркадера, сорвали и поперли в улово. Вадим, не раздумывая, кинулся за ними в воду. А во-

да полая, снеговая еще. Крикнул только: «Ох ты, родимая, горяченькая моя!» Вплавь догнал, выхватил почти из улова, подтянул к берегу.

Борис уж думал: захворает парень после такой купели. Нет, не захворал. Но дело даже не в том. С полчаса возились они с тем злополучным дебаркадером, сделали все как следует. А кто видел? Никто. Кто спасибо сказал? Никто.

В другой раз Борис уж не удивлялся, когда Вадим, приведя свой теплоход в Ковш, попутно пришвартовал к берегу бесхозно плавающую баржу. А сколько до них вошло в Ковш теплоходов? И если бы даже кто-то и не прошел мимо, непременно доложил бы по рации диспетчеру: вот, мол, баржу такую-то пришвартовал. Слушали бы это донесение не только диспетчер, но и команды теплоходов. В рубке у каждого имеется рация. А Вадим молча поставил баржу на место и молча поплыл дальше по курсу.

«Что же изменилось в нем, если дело повернулось так круто? Не выдержал, надломился? Испортился человек, стал для порта хуже Степки Половинкина, который «вкалывает» от запоя до запоя и которого все-таки держат в порту, перевоспитывают?.. Бред! Чушь!»

Как-то стояли под разгрузкой. Борис с Вадимом, облокотившись о борт, молча смотрели на реку. Борис мог часами молчать с Вадимом и не испытывать при этом неудобства. Разве что иногда молчание провоцировало Бориса пошутить над Вадимом, поразвлечься. Но только начинал он, Вадим поворачивался к нему и смотрел такими укоризненными глазами, что у того сразу пропадало желание подшучивать. И впредь зарекался — не унижать его и себя этим. Но сидели в Борисе неумемные чертики.

День был ясный. Река после шторма, словно пристыженная, притихла и, оглаживаясь на солнце, нежилась, ласкалась к теплому корпусу теплохода. Поверхность воды так сверкала, будто устлана зеркалами. И в общем-то ничего не было странного в том, что Вадим, чтоб силкнуть, сходил к урне. Но ожили в Борисе озорные чертики, глянул на Вадима как бы с пониманием и спросил озабоченно:

— А помой потом из урны куда девать, чтоб в речку не попали? Вадим вдруг смутился. То ли себя застыдил, то ли за Бориса совестно стало. И Борис торопливо отошел от борта и рьяно принялся драить мокрой шваброй пригретую солнцем стальную палубу.

Четыре навигации ходил Борис с Вадимом на одной посудине. Спали в одной каюте. Общие заботы, стремления, мысли сливали их судьбы в одну судьбу. Казалось Борису: знает он своего капитана не хуже себя. Но даже предположить не мог, что в скором времени порт захочет освободиться от Вадима.

Борис невольно прислушивался к воркующей за спиной рации, ждал: а может, Вадим сам вызовет его? Но Вадим тоже молчал. И чем дольше длилось это молчание, тем скованнее чувствовал себя перед ним Борис. Он уже начинал опасаться, что у них больше не получится прежней простоты общения. И что самое неприятное — почувствовал он это в самое неподходящее время. На реку опустилась темная весенняя ночь. Теперь капитанам обоих теплоходов особенно необходимо единство и взаимопонимание.

Тьма настолько густа, что звезды кажутся маленькими дырочками, просверленными в темной крыше. Где же кончается небо и начинается земля? Не понять: то ли створный знак мерцает наискосок, то ли небесная звездочка горит. Даже костерок рыбака не отличишь от бакена. Двигаясь по чужому следу, Борис то и дело теряет ориентацию. Ему кажется, что они сбились с фарватера, идут не судоходными протоками и что эти протоки развернули и уведут их караван в противоположную сторону. И он удивляется: «Почему Вадим-то молчит, не спрашивает меня ни о чем, не советуется? Неужели так уверен, что мы

идем правильно? Ведь он флагман. Чувствует же ответственность за караван. И надо же: никаких сомнений! Идет и идет себе молча... Хоть бы разглядеть что-нибудь в темноте. Хоть бы какая маленькая зацепочка, чтоб определить наше местонахождение».

Вдруг в темноте где-то поблизости раза три гавкнула собака. Звук металлический, как из железной бочки, понесся далеко по водной глади.

Такой голосище имелся только у одной собаки. И Борис понял, где они: проплывают обстановочный пост Жданкина, у которого как-то с Вадимом останавливались на ночлег.

«Значит, караван идет правильно».

И все-таки предчувствие чего-то неприятного не покидало его. Отдал штурвал рулевому мотористу, сидевшему рядом на рундуке, а сам вышел на мостик.

2

Встречные потоки воздуха, тягучего, сырого, лепили рубашку к телу. Борис ежился, привыкал к весеннему речному дыханию и холодом вытравливал из себя непонятное беспокойство.

Над клотиком мачты в топовой подсветке проносились ватные клочья. «Этого еще не хватало! — подумал тревожно Борис. — Туман!.. Заволокет, придется вставить на прикол. Рулевой Вадима Федор называет ночь с туманом, как смесь вина с водкой, «ерш».

Сам Федька еще с вечера перешел на судно Бориса и несколько часов просидел на палубе под фонарем с Галей. И теперь они там же, только изменили положение: Федька сидит, а Галка стоит перед ним. Федька раздвинул полы бушлата, который висел на ней, сунул под него руки. Борису слышно было, как он говорил, булькая от волнения горлом:

— Ну и змеища ты! Гля, какая талия-то у тебя! Ну и змеища!

Та отвела его руки.

— Ну, чего брыкаешься! Стой.

— Не надо так.

— Чего не надо-то?! Чего не надо-то?! — И снова раздвинул полы бушлата. Промелькнула ее полосатая тельняшка. Галя опять отвела руки, но не отходила.

«Груб он с ней, — думал Борис. — Да и Галка хороша! С первого вечера так ведет себя, не может его на место поставить. Потому и хамит он. А все же опасается она Федьку, а то бы в каюте миловались или в крайнем случае на корме — в затишке. Вишь, прилип к ней, словно муха к липучке. И про работу забыл. Корячься там за него Вадим. А ведь этот Федька, должно быть, знает, за что увольняют его капитана, а то и сам руку приложил. Непременно приложил. С такого stanno».

Борис процокал вниз по железным ступеням трапа, потом по железной палубе и остановился возле Федора с Галкой.

— Не замерзли, влюбленные? — спросил он, опережая новую попытку Федора забраться под Галкин бушлат.

Те повернулись к нему. Галка отрицательно покачала головой; не замерзла, мол. Федька промолчал.

— Ты вот что, дружок, — обратился Борис сквозь зубы к парню, — шел бы к Вадиму, подменил.

— А мы договорились. Отпустил подружить, — отвечал Федор, елозя рукой под бушлатом Галки. Та убрала его руку, но он снова полез. Она снова убрала и, покосившись на Бориса, тихо попросила: «Не надо». Тогда парень повернулся к Борису, и под светом фонаря его глаза сверкнули.

— Иди-ка ты своей дорогой! Ну, чего встал?

Борис покусал нижнюю губу, подошел к Федору поближе.

— Вот что, парень, не пользуйся добротой своего капитана. Знаешь ведь, не позовет он сам. Из кожи будет лезть, из сил выбьется, а не позовет. Ты тут вот наслаждаешься, а ему каково?

— Там Володька. Поможет, если что...

— Володя — матрос. С него взятки гладки.

— Пусть! — зло вдруг крикнул парень. — Пусть, если ему больше всех надо.

— Почему это ему... Почему это ему больше всех надо?! Разве ты кормишься не из одной с ним посуды, именуемой теплоход?

— Ну чего он пристал, твой начальник? — деланно захныкал парень Галке. — Зачем мне уходить отсюда... а, Галк, если этот Вадим все равно не даст мне штурвал? Не доверяет. Он вообще никому не доверяет, я тебе говорил.

— Гляди-ка, разобиженное дите малое! — съязвил Борис.

— Это я-то разобиженное?! Хо-хо! — другим, с иронией голосом воскликнул Федор. — Я никому не дам себя обидеть. Понял?! Пусть крутит, набивает мозоли, если ему так хочется, а я пока тут с Галкой побалаю... Верно, Гал?

Та промолчала. Борис отвернулся. Ему расхотелось разговаривать с Федором. Буркнул:

— На месте Вадима я давно бы с тобой расстался.

— А вот он не может расстаться. Не позволит кое-кто. Нужен еще Федор кое-кому. Потому что рука вот эта все может: и мотор разобрать-собрать, и мебель сварганить, и домишко на садовом участке смастырить. Да что там домишко, дом какой надо поставлю вот этой самой рукой. — И потряс ею в воздухе.

Последнее он сказал уже для Галки и снова проскользнул ладонью под ее бушлат. На этот раз она не посмела убрать его всемогущую руку.

Борис неторопливо побрел от них по палубе.

Его теплоход не покачивался на волнах, не дрожал, как некоторые суденышки, всем телом, преодолевая сшиб воды. Мощные дизели толкали баржу так ровно, что казалось — судно стоит на месте.

Неожиданной волной накатывается на Бориса гул машинного отделения. Обычно он не слышит его. Не слышит до тех пор, пока механизмы работают исправно. Но стоит только чему-то разладиться, как натренированное ухо моментально уловит это. Вот и теперь он различал в его перестуках новые непривычные нотки.

Поеживаясь под сырым ветром, встревоженно подошел к открытому иллюминатору. На него пахнуло теплом разогретых дизелей. Мимоходом греясь, прислушался, но ничего особенного не услышал.

«Неужели показалось?»

Спустился в машинное отделение. Ходил вокруг механизмов. Внимательно, по-докторски осматривал «сердце» транспорта. Встройной и привычной системе звуков никаких отклонений. Озадаченный, снова вышел на палубу.

Над клотиком пронеслись хлопья лохматого тумана. Где-то уже недалеко он скапливался в огромную плотную массу и подкрадывался к судам незаметно, густой, липкий. Борис повернулся в сторону Вадима. Треугольник ходовых огней его теплохода мерно, не колеблясь, плыл еще среди звезд.

Борис сходил на баржу, ошупью осмотрел ее. Борта, кнехты, чалки — все влажно. Зашел в каюту шкипера. В ней тепло, но воздух сперт. Ноздри защекотало подгоревшей на сковородке картошкой и вареным мясом, тленом старых газет и потом шкиперской экипировки. Эти запахи неухоженного бобыльского жилья не смешивались и так закупорили каюту, что тугие струи влажного речного воздуха не пробивали их плотную завесу.

Борис оставил дверь настежь и вышел искать шкипера. Обошел

палубную надстройку. Старик сидел с подветренной стороны, привалившись спиной к стенке, сложив ноги калачом. На свет фонаря не шелохнулся.

— Уснул, что ли?

Старик заговорил, не поднимая головы:

— Какой такой сон? Глаза спят, уши слышат и наоборот. Да увери ты огонь, чего прямо в глаза пялишь? Не видел, что ли, меня?

От старика обильно пахло дегтем. Это он смазал им свои юфтовые сапоги.

— Повысь бдительность, Бельгибай.

— Чего подсказываешь, понимаю. Оттого и сижу тут-ка.

— Да это я так, для очищения собственной совести. Туман как будто надвигается.

— Пережидать будем седого дьявола? Или как? Ишь ты, мокрядь какая прет. А тут-ка прорва отмелей.

— Флагман покамест молчит. Уверен, должно быть, в себе.

— А молчит — значит правда уверен. Это ничего. Хорошо. Он по шиверам проскочит — глазом не моргнет. А глаз-то у него, скажу тебе, соколиный. Вот послушай маленько. В прошлом году, понимаешь, идем с возом, а он легкачом догоняет. Догнал — и три коротких гудка. Думаю, чего стряслось? А стряслось-то не у него. «Лезь, — кричит, — в баржу! Нос у ней ниже задницы». Подсмсывается, думаю. Подсмсмейся, подсмсмейся, а сам незаметно на ватерлинию заглядываю: тут ли она?.. Тут и ровнехонька. А он опять: «Лезь, Бельгибай, в нутро, погляди, что там». Засомневался маленько: уж шибко серьезно говорит. Правда, спустился. А там уж полно воды. Выкинули мы баржонку двумя «РТ» на песок. Что делать дальше? Не знаем. Надо откачивать. А чем? Теплоход с насосом ждуть из Барнаула — это, считай, сутки пропали. Аж под Барсуково ушли-то. А груз, как и теперь, — семенная пшеница. Тоже посевная шла. Некогда было ждуть. Однако, понимаешь, голь на выдумки хитра. Вадим скумекал. Поставил свой теплоход носом к барже, ткнул шланг одним концом к винту, другим в баржу и... пай! пай! поперла водица из баржонки. Гляжу, а на дне щель с полметра длиной. На камень наскочили, должно быть. Забили ее деревом, подождали чуть, чтоб разбухло, и дальше.

— Ну а зерно как? Не пропало?

— Отсеками грузили. Ничего.

— Вот видишь: хороший, значит, капитан Вадим.

— Хороший. Ничего не скажу плохого о нем. В лодии как в доме своем. Только ведь... — старик поднял голову, посмотрел на летучие ключья тумана, — береженого аллах бережет.

— Вот и бди, Бельгибай. Ты не малая величина в нашем караване.

3

Борис постоял на мостике, поглядел на бледнеющие сквозь туман ходовые огни флагмана. Превосходно знает реку Вадим. С завязанными глазами пройдет от Барнаула до Бийска. Да он и идет, по сути дела, с завязанными глазами, ощупью. Туман тяжелеет, опускался к воде и уже начинал заслонять бакены, створные знаки.

При такой видимости капитаны имеют полное право причаливаться где-нибудь и спать до утра, но в баржах семенное зерно. Всю зиму лежало оно на складах Барнаульского элеватора, копило силу ради завтрашнего дня, и Борис продолжает плыть за Вадимом на свой страх и риск.

В рубке полумрак. Моторист Сергей, любитель вздремнуть, крепится. Вцепился пальцами в рагули штурвала, пучит глаза в туманную ночь.

— Не спится, капитан? — спрашивал он задорно, не отрывая взгляда от огней Вадима.

— До сна ли? Ноги размял, походил по барже, по теплоходу. Ты вот что: ступай-ка к дизелям. Что-то мне показалось вроде сбоев.

Моторист ушел. А Борис кинул взгляд вниз на боковую палубу — в то место, где под желтым светом фонаря Федор с Галей. Они снова сидели рядышком. На глазах Бориса Галка помаленьку уступала намерениям Федора. Вот уже и бушлат ее на двоих. Причем Федор захватил бушлата поболее и не без умысла: замерзнет девка, сама потащит парня в каюту греться. Да уж и замерзла, наверное. Почти на ветру сидят, а у ней тельняшка наголе.

Борис крикнул:

— Галка, поднимись ко мне.

Та неторопливо освободила плечо свое от накинутого на него бушлата и, сутулясь от холода, быстро взбежала по трапу. В рубку вошла одеревенело, мяла свои охолодевшие пальцы.

— Чего, Борь? — спросила она тихо.

— Одень вот тулуп, простудишься.

— Нам не холодно.

— Вижу, как тебе не холодно. — Борис помолчал, сосредоточенно скатывая штурвал по ходу движения переднего теплохода. — Неудачного ты себе кавалера выбрала, скажу тебе по-товарищески. Не тот он человек, какого тебе надо.

— А ты откуда можешь знать, какого мне надо? — обидчиво проговорила Галка.

— Успел узнать. Ты вот смотри как замерзла, зуб на зуб не попадает, а он, кавалер твой, укутался в бушлат, а тебе кончик полы подсунул. Мне же все отсюда видно. Под фонарем сели.

— Это я все сама. Сама: и под фонарем села, и бушлат ему весь отдала, чтоб не холодно было ему.

— Да собственно не в бушлате дело. Это все детали. Сам он, понимаешь...

В рубку вальяжно вошел Федор и, не обращая внимания на Бориса, в недовольной позе остановился против Галки. Заговорил тягуче, тоном человека, знающего себе цену:

— Ну, ты чего?! Может, мне уйти? А то ведь я могу уйти на свой корабль, если что... смотри.

Борис, слушая, укоризненно повел головой, усмехнувшись, но ничего не сказал.

— Счас. Я пойду. Все, Борь?

— Иди. А ты, Федор, задержись на минуту.

Когда Галка вышла, Борис, не отрывая глаз от бегущей навстречу темно-серой пелены, спросил так, будто продолжил начатый разговор:

— Так за что вы уволили Вадима?

Федор глянул на Бориса ошарашенно и промолчал.

«Причастен, ну конечно же, причастен к увольнению! Не знает что и сказать», — догадывался Борис.

Замешательство Федора было недолгим, проговорил уверенным голосом, словно начальник порта:

— Мы его не увольняли. Он сам себя уволил своим отношением к людям.

Такой ответ не оставил у Бориса и капли сомнения в причастности этого парня. Спросил резко:

— Чем же плохи его отношения?

— Э-э, — махнул он рукой, — долго рассказывать, да и не поймешь ты. В общем, он относился к людям по закону бутерброда. Не слышал о таком законе? Могу просветить. Ты вот урони бутерброд нечаянно, он обязательно упадет маслом вниз. Закон подлости. Но у него это получается не по отношению к себе, а по отношению к другим.

Борис думал торопливо, как и чем возразить этому парню. Не нашелся, сам спросил:

— А ты по какому закону относишься к людям? По закону чести?

— По крайней мере кореша не обижают на меня, как на этого, — злобно кивнул он в сторону невидимого Вадима.

Борис помял нижнюю губу пальцем и, удерживая в себе гнев, спросил сквозь зубы:

— Чего это он такой плохой отпустил тебя сюда?

— А я не манекен в витрине магазина и еще не капитан — стоять за спиной рулевого.

Борис заглянул ему в глаза, проговорил язвительно:

— А ты, насколько мне известно, еще и моторист! Тебе еще и за дизелями надо следить! А что штурвал не доверяет — наверное, причины есть. Я слышал, как ты прошлой осенью в Ковше под хмельком баржу таранил.

— Не под хмельком, а с похмелья — разница.

— Во, во! Тебе с похмелья-то наш Ковш представился ковшом с огуречным рассолом.

Федор недобро ухмыльнулся:

— Остряк!

Борис деловито начал протирать запотевшее боковое стекло тряпичей, удерживая этим в себе громы и молнии. Проговорил по возможности небрежно:

— Ты вот что, парень, топай-ка отсель! Делай то, за что зарплату получаешь.

— А что, убудет от твоего корабля, если я тут побуду с Галкой?

— Ты не в парке, ты на работе. Вот и работай иди. Ночь да еще туман, а ты оставил своего капитана одного. Совести у тебя нет! Придем в Барнаул, рапорт на тебя подам.

— Напугал слона дробинкой... — Федор сплюнул и загнул крутым матом.

— Грубиян!

— А я гляжу, ты не лучше того, — кивнул он в сторону своего теплохода. — Тот хоть понимает, что дело холостяцкое, потому что сам холостой. Ты свое отгулял, так что помалкивай.

— Вот видишь, уже и хвалишь своего капитана. А не ты ли утверждал минуту назад, что он относится к людям по какому-то закону бутерброда? Нашел же сравнение! А не ты ли живешь по этому самому закону? По-моему, вот ты-то как раз и живешь по нему.

Федор выпрямился, словно пружина в мягком сиденьи.

— Ну-у знаешь что?! Ты мне покамест не начальник морали читать, — проговорил язвительно и пошел прочь. Борис задержал:

— погоди. Ты вот что... Я тебя знаю, как ты с девчонками... Обидишь Галю, будешь иметь дело со мной.

— А ты свекор, что ли? Так она холостая ишо. Или это самое... сам подбиваешь клинья?

Клокотал в Борисе гнев, но проговорил спокойно, очень спокойно:

— Все-таки ты мразь.

Федор шагнул к нему, вытягивал шею, пригнулся. Как тигр, готовился к прыжку и... отступил.

— Поддал бы за «мразь», да при исполнении ты. Ничего, должок оставлю.

Борис едва сдерживал себя. Руки его начинали мелко вздрагивать.

— Как тебе только не совестно жить таким?

— Совестно? Если хочешь знать, капитан-начальник, мне только один раз в жизни было совестно. Хочешь расскажу?

Руки Бориса железно стиснули Федора за плечи, приподняли его слегка и выставили вон.

И перевозбуждение, и дрожь, и словно колокольчики: дзинь, дзинь.

Плывет теплоход в сизых туманах, вырастают крылья. Летит над водой, над огромной сибирской рекой, и девушки поют на ее берегах, и костер горит у лазоревых ее истоков. Геологи там и топографы изучают ее излучины, примеряют к ним плотины.

А еще выше, в заоблачных скалах и снегах, рождаются две сестренки: Бия и Катунь. Рвутся навстречу друг другу по урочищам и ущельям. Обнимутся, встретившись на равнине. Бегут дальше, взявшись за руки, обе молодые, горячие. И вместе уже называются Обью, то есть обе.

Но не сошлись характерами девицы. Неугомонной, резвой безмерно оказалась зеленоглазая Катунь, а покладистая внешне голубоглазая Бия — несговорчивой, сварливой. Поссорятся, разбегутся по протокам, разъедятся островами. Но недолга ссора у сестер. Сольются опять в едином сильном порыве и катят свои волны к седому океану вместе, пока вновь не поссорятся. Воистину: вместе тесно, поврозь скучно.

От их изменчивостей, любовей и нелюбвей сильнее напрягаются мускулы капитана, зорче глаз, предел внимания.

Вернулся из машинного отделения Сергей. Виногато хлопал ресницами.

— Ничего не нашел я в дизелях. Ничего не услышал.

— Значит, мне показалось.

— Бывает! — обрадованно воскликнул моторист и вцепился в штурвал. — Дай порулю.

— Погоди. Сейчас поворот крутой будет, не промахнуться бы в тумане. Отдыхай пока.

Уже еле-еле просвечивают флагманские огни. Непонятно Борису, каким чутьем Вадим находит фарватер. Не выдержал, повернулся к лакированному воркующему ящику и, чтоб скрыть свое волнение, спросил в микрофон нарочито развязно:

— Вадим, может, перестанем в жмурки играть? Как считаешь?

В ответ раздалось непререкаемо: «Хлеб у нас. Никак нельзя оставливаться. Весенний день год кормит».

Ждал Борис, не скажет ли Вадим еще чего-нибудь. Хотел его голоса, слов, мыслей. Рация верещала разноголосо. Кто-то встревоженный, пробиваясь через эфирную трескотню, улюлюканье, пiski, вопрошал то ли у конторских работников, то ли у самого господа бога: «Где нахожусь я? Не пойму я никак». Слова его напоздали на слова другого, попавшего в беду человека, отчаянный крик которого едва прослушивался: «Петровна, баржа моя на мели! Все! Пока не прояснится, снимать не буду».

Неслись со всех сторон тревожные радиосигналы, и только голоса Вадима не слышно было больше. Его теплоход плывет и плывет. Прежде Борис без обиняков потребовал бы переждать туман, а сегодня молчит и все больше тревожится за судьбу каравана.

«Не дай бог, какая авария! Ремонтная служба лишь к обеду завтра подоспест».

Только подумал об аварии, как один из дизелей заволошно взвыл. Борис инстинктивно сбросил обороты — двигатель заглох. Лоб Бориса вмиг покрылся испариной. Он сразу понял, что случилось: в винт теплохода попали ветки топляка.

В прошлом году вот так же взревел двигатель, и Борис не успел быстро сориентироваться. Диск переднего хода сгорел. Три часа провозились тогда с его заменой. Хорошо еще, диски были в запасе.

— Слышал? — спросил Борис у Сергея, вытирая ладонью лоб. — Ну, если слышал, вставай к штурвалу, я сбегая посмотрю, что там.

— Сообщить Вадиму?

— Рано панику поднимать. Кажется, пронесло! — крикнул Борис уже с трапа. Но слова его застряли в тумане, не дошли до моториста.

На палубе приостановила Бориса тревожная сирена его теплохода. Но и она не пробивала сизую мокрядь. Казалось, звук сипло отличался от трубы и тут же оседал в воду.

Теплоходы вошли в плотную полосу тумана.

4

Ворвался в машинное отделение, носом по сторонам, искал знакомый терпкий запах, который в прошлом году едко жег ноздри, иссушал глотку. Теперь ничего подобного. Нагнулся над стальной чашкой редуктора, оглядел, обхлопал жирные боковины, обнюхал по-собачьи еще и сблизил: никаких специфических запахов сожженного диска. Волнуясь, запустил дизель. На малых оборотах осторожно подключил к нему винт. Прислушался, шумело за кормой. Винты добросовестно перепыхивали водяную толщу.

Бегом вернулся в рубку. Нетерпеливо ждущий Сергей спросил:

— Ну как?

— Я же говорил, пронесло. Зачем гудел Вадиму?.. Чего молчишь? Он отозвался тебе?

— Угу. Спрашивал, не нужна ли помощь.

Борис крикнул в микрофон:

— Вадим, все нормально! Оба винта крутят.

Тот проговорил четко, будто стоял рядом:

— Тогда помалу. Тут пережат — плес, пережат — плес. Попробуем по ним пробраться в тумане. Я в этих местах каждый метр знаю.

«А он держится молодцом», — подумал Борис и перенял у Сергея штурвал. Уткнулся лбом в самое стекло: «Чертов кисель, словно глаза замазали им!» Глядел не моргая, чтоб в редких туманных окнах успеть рассмотреть как можно больше. Поднял фрамужину — без стекла виднее, может? В рубку потянуло влагой, густой, липкой, как сгущенное молоко. Во рту засластило. Сплюнул.

Вдыхал Борис сырые запахи реки и говорил мечтательно:

— Эх, Серьга, домой бы сейчас да кваску кисленького, а потом бы в тепло, под сухое одеяло... А? Мои теперь третьи сны видят.

Сергей отозвался нечленораздельным мычанием. Борис не понял:

— Чего-о-о?

Тот повторил чуть внятнее:

— Матушка, говорю, теперь все ворочается. Не может привыкнуть. Бойтся — утону, — последнее слово проговорил, еле шевеля языком.

Слушал Борис сонение парнишки и жалел его: «Молоденький, трудно превозмочь сон». С полчаса прошло, прежде чем он решился разбудить. Гаркнул под самое ухо Сергея:

— Не спать!

Парнишка соскочил с рундука, вытянулся солдатиком. Ошалело глядел на Бориса и, опомнившись, проговорил сердито:

— Не кричи.

— А тебя как учили в твоём Дрокинском нести вахту? А? Дремать? А ну-ка ступай, братец, к Вадиму. Ему там одному сейчас шибко неважнепки.

— Так у него же Федька! Он что... миловаться тут, а я за него туда? Не согласен, — сонно заартачился Сергей.

— Отказываешься? Смотри, будешь, как Федька. Ему все до лампочки. А река не любит таких. Рано или поздно отомстит.

— Ага-а, на дурачках выезжает, — ворчал Сергей, но уже не так упрямо.

— Ты не ради него и не ради Вадима, ради дела. Пусть Федору потом стыдно будет.

— Ага-а, устыдишь его. — Сережа помолчал. — Ладно, швартуй к его барже.

— Сон-то встряхни, а то как раз ступишь мимо баржи и сбудется тревоги твоей мамы.

— Не бойсь. — Сережа поморщил нос и расчихался. — Сквознячком охватило, — говорил он, вытирая глаза.

Борис натянуто улыбнулся.

— Какой же ты, Серега, речник?! Сквозняков боишься. Спортом занимайся.

Сергей вскинул руки вверх и, с хрустом потянувшись, принялся дурашливо приседать, разводив руки в стороны.

— Не дал ты мне сон досмотреть. На таком месте... Эх, какой сон! Наяву бы такое, — Сергей жадно облизнулся.

— В другой раз доглядишь, иди поработай за этого лоботряса, — кивнул Борис на сидящего внизу с Галкой Федора и подумал: «Неудобно, конечно, совестно, но так больше нельзя. Что ж, если теперь мне совестно перед Вадимом, так почему должно страдать дело?» Схватился Борис за микрофон, проговорил в него громко:

— Вадим, стопорни. Пришвартуюсь к твоей барже. Серегу посылаю помогать.

— Это еще зачем? — спокойно возмутился тот. — У меня есть Федор. Позову его, если потребуется.

Уходивший Сергей замер на полушаге.

— Иди, — замахал на него Борис. — Он гордый, понимаешь? Иди.

...Туман неожиданно поредел. «Неужели проскочили? А встали бы на прикол — и до утра». Борис видел выплывавший из темноты близкий берег с низкорослыми прутьями ивняка и песчаной косой, за которой темнела деревянная пристань Бураново. А что не разглядел, дорисовала память: и тихие заводы, и вывороченные с корнями деревья, уткнувшие кроны глубоко в воду, словно лоси на водопое, и почерневшие штабеля бревен, выловленных в реке. Недолго миг видения. Будто кто-то таинственный показал капитану, где он находится, и снова запахнул от него мир туманной полрой. На самом же деле пристань стояла в излучине, и туманы оттягивало к большой воде.

Через несколько минут опять развиднелось и на этот раз уже надолго. Значит, основные туманные скопления — сгусток — они прошли. Дальше будут встречаться отдельные облачка.

За спиной Бориса ухарски вырвалось из рации: «Боря, это я — Серега. Совершил сальто-мальто. Кладу руля лево на борт».

Мерно плыли огни флагмана. Руки Бориса крутили штурвал синхронно теперь уже с руками Сергея. Связь с Вадимом через общность движений оборвалась — словно удавки слетели с души. Но обманчивая мнимая свобода. Скоро почувствовал себя одиноко. Вспомнил о жене. Представил, как она спит одна, свернувшись под одеялом клубочком, — неуютно стало в его холодной рубке. Чтоб побороть тягостное чувство одиночества, он продолжал цепляться мыслями за дом, за семью.

Представил Костика в манеже. Спит, раскидав ручонки. Щеки розовенькие. Кряхтит во сне. Мужик. Завтра он будет лезть к нему, уставшему, будет елозить возле него, ворошить волосы, обвинять тоненькими ручонками шею, лепетать над ухом. Глядя на Костика, потянется к отцу и дочь Нелли, и сын Эдик. Жена Нелли начнет отгонять их, чтоб не мешали отцу отдыхать, спать. Он будет сердиться на них, и будет ему хорошо.

Младший Костик родился, когда навигация только-только открылась. Обь, вырвавшись из ледяных оков, буйствовала: вырывала с корнями деревья, переворачивала и тащила по дну в низовья горные базальтовые глыбы, слизывала прибрежное людское добро. Работы у речников в половодье невпроворот.

В тот день они с Вадимом долго искали место швартовки. Мешали кусты, стоявшие в воде. Работа у Бориса не клеилась. Ошибался. Поторопился — содрал кожу до запястья.

— Не спеши, — говорил ему Вадим, — еще вся навигация впереди.

— Спешка тут ни при чем. Сегодня Нелли выписывается из дома, и вот как раз вахта совпала.

— Что сразу-то не сказал?! — Вадим смотрел на него удивленно. — Поезжай скорее, может, еще успеешь сам встретить.

— Да ну-у... Как ты тут один будешь зачаливаться? По технике безопасности не положено.

Работали они тогда на «Орлике», маленьком теплоходике с мало-мощным двигателем. Вся команда — два человека: Вадим — капитан и Борис — рулевым мотористом у него. Не мог, не имел права оставлять одного Вадима на теплоходе. Но в тот день словно очумел он. Бросил все. Убежал. Правда, к вечеру все же вернулся и застал Вадима измочаленным. Как он один работал — уму непостижимо.

И как поворачивается у этого Федора язык говорить про него, что относится к людям по закону подлости? Такой человек просто не способен быть подлецом. Как он, скажем, может поступить подобно тем людям, с которыми Бориса свела судьба два года назад?

...В то утро начинался для них праздник — День работников морского и речного флота. Борис только что после душа бодро вышел на балкон. Июльское солнце едва показалось над горизонтом, а уж пригревало, обещало жаркий летний день.

— А ну, поднимай, мамуля, пацанят. Поедем вместе с коллективом на Невестинский.

— Тише, тише, — зашикала жена, метнувшись к нему в белой до пят рубашке, раскидав по плечам соломенного цвета волосы, зашептала предостерегающе: — Разбудишь ребятишек. Какая такая река с грудничком? Ты что? Охватит ветром да, не дай бог, захворает, тьфу-тьфу. Что ты! Проклинать себя будем.

— Вчера солнце как калило, а? Сегодня такая же будет жарница. Поехали! Подымай сорванцов. Каюты будут. Проживем — не пропадем! Э-э-эй, братва, а ну — подъе-ем! По Оби кататься. Хотите?

Детей будто ветром сдуло с постели.

— Да не успеем, поди, — еще сомневалась жена, а сама торопливо укладывала в сумку вещи, съестное.

— Такси возьмем. Домчит скоро. Ха-ха! — Схватил Неличку, поднял над головой. Та, довольная, заполошно визжала.

Подъехали вовремя. Ярко-белый теплоход, весь в солнечных лучах и бликах от воды, весело принимал речников с семьями. И Борис со своим радостно-возбужденным семейством поднялся на гостеприимную палубу. Остановился у борта, огляделся: нет ли друзей, знакомых.

Мимо сновали люди в самых разных одеяниях: от пляжных халатов до галстуков и шляп. Все-таки праздник. Друзей не видно. Большинство совсем незнакомые. Наверное, работники пассажирского порта. Борис повернулся к жене. Та стояла, потупив голову, смущалась перед коллегами мужа, уверенная, что все непременно должны рассматривать ее.

— Пойдите тут.

Нелли покивала, торопливо переложив сверток с дитем с руки на руку, сказала тихо:

— Мокро у него. Перепеленать бы.

— Я сейчас. Мигом. Потерпите, хижину добуду.

Сунулся в одну каюту, в другую, в третью — везде битком, и все с детьми. Обежал весь коридор. Лишь одна была заперта. На стук никто не отзывался. Значит, свободна!

Спросил в соседней каюте:

— Не знаете, случайно, где ключ вот от этой?

Там пожали плечами.

— Скажите, что занята, если кто будет спрашивать. Я побегу искать ключ.

— Беги, беги. Скажем.

Среди пестрой толпы выделялся человек в строгом сером костюме. Его круглое лицо с нитями морщин на лбу, курносое и большеротое было знакомо Борису. Несколько раз он видел, как этот человек в пассажирском порту покрикивает на капитанов. Позже узнал его фамилию — Мартьянов. К нему и метнулся Борис.

— Извините, вы, случайно, не знаете у кого ключи вот от этой каюты?

Человек в сером костюме небрежно покосился на него.

— У меня. А что?

— Хотел бы занять ее.

— Занята.

— Но я вот с детьми, — показал Борис на свое семейство.

Нелли уже стояла в проходе и слегка покачивала завернутого в одеяльце Костика — как бы не разревелся. Не хотела привлекать к себе всеобщего внимания. И ребенок, словно понимал ее, молчал. Маленькая Нелли и Эдик, ухватившись за подол матери, смотрели на дядю, с которым разговаривал отец.

Дядя повел на них глазами и сказал равнодушно:

— Ничего не знаю, каюта занята.

В проходе появился высокий моложавый мужчина. Вел сбоку ролую овчарку. Нелли с детьми испуганно посторонились. А человек в сером костюме, оставив Бориса, метнулся к закрытой каюте, воткнул в дверь ключ, угодливо распахнул.

— Пожалуйста!

В открытую дверь юркнула собака. Ее хозяин запер дверь на ключ и пошел восвояси. Борис бросился за ним, нагнал моментально, торопливо извинялся, унижался, просил уступить детям каюту. Был он жалок в своем стремлении разжалобить мужчину. Тот, не останавливаясь, недовольно поглядел на вихор, топорщившийся на макушке Бориса, бросил неприязненно:

— Ничего не знаю. Каюта отдана мне.

Борис вернулся к человеку в сером костюме, который, как он понял, следил за расселением на теплоходе и, конечно же, пользовался большими правами. Борис еще надеялся на что-то, верил, что этот человек может помочь им. А потому говорил с ним вежливо:

— Как же так: в каюте собака, а дети как попало? Сделайте что-нибудь. Ведь трое... С одним бы нам, сами понимаете, проще...

Слышавшие разговор люди, зароптали, завозмущались. Человек в сером костюме быстренько ретировался. Кто-то позвал их к себе в каюту. Куда там, самих — как пчел в улье.

Борис перенял с рук Нелли ребенка и пошагал вниз, где отдыхающие теснились на деревянных скамейках. А сзади, ведя за руки Неллику и Эдика, жена затравленно нашептывала ему в затылок: «Я же говорила, говорила тебе — не послушал. Куда нам с такими маленькими? Себе и людям портим настроение. Ну куда вот ты сейчас пошел? Разве не видишь: нет на скамейках даже краешка свободного. Куда идешь-то? Вернись».

Ее нашептывания раздражали Бориса. Упорно продолжал идти в надежде, что мир не без добрых людей.

И верно: потеснились, кто-то пересел, кто-то пододвинулся. И Костик, словно почувствовав, что они наконец-то пристроились, дал волю голосовым связкам. Надо бы сменить пеленки — сквознячок гулял по салону, грудью утишать — неприлично, вокруг люди, молодежь в основном. С любопытством поглядывали на многодетное семейство. Пришлось-таки игнорировать приличия — прикрывать Нелли клеенкой. Ребенок взял грудь и примолк.

Приближалось утро. Вместе с ним таяли остатки тумана, уносились утренним ветерком на прибрежные луга. Уже просматривались в темноте весенние деревья. Они были еще без листьев. Сквозь шатания голых ветвей — сполохи зари. Тревожное чувство навевали они на Бориса. «Траурная», — сравнивал он, разглядывая кровавистую ленту, вытянутую по горизонту и окаймленную со всех сторон черным пространством.

По мере продвижения каравана менялись оттенки сполохов. Красный свет переливался в желтовато-оранжевые тона, затухал, снова разгорался, тянулся вверх ярким сочным оперением. И Борис догадался: не зря это — огонь. А через некоторое время он был уже виден отчетливо. До Бориса долетали запахи дыма.

Горел взгорок с редкими ивами. Огонь шел по сухой прошлогодней траве длинной волной, высунув множество жадных, ищущих языков, пещя по земле, мстительно пожирая все, что попадалось на ней: траву, сучья, старые пни, шатры-муравейники. А если на его пути встречалась сухая валежина, взмывал огненными оперениями к небу, уносился жарптицей в сумрак.

К Борису в рубку ввалился Бельгибай. Смотрел на береговые огненные разливы, топал сапогом, распространяя терпкий запах дегтя. Едкий дымок его бессонной трубки попадал в глаз Борису, вызывал слезу.

— Ну и табачище у тебя, Бельгибай! Живодер.

— А хороший табак. Пришел к тебе я возмущаться. Ты смотри, как полыхает. Почему всегда весной полыхает? Кому надо поджигать? Скажи.

Лицо Бельгибая морщилось, как истертая губка. Щелочки глаз, как створки раковины.

— Может, рыбаки, — отвечал Борис, не отрывая взгляда от фарватера и только уголком глаза ловя огненную волну. — Костер забыли потушить или не потушили как следует и вот... Не специально же.

— Я думаю, не специально. Однако как можно? Все живое сгорит, гнездовья сгорят.

Бельгибай обильно вдыхал и выдыхал горький дым из трубки, ходил вокруг Бориса, топал сапогом. Негодовал смачно:

— У нас, скажу тебе, тоже степи полыхали и так, что сайга гибла стадами. Теперь уж не знаю, как там, — давно не бывал. Почему не судят, скажи? Хуже вора такие люди. Вор придет — стены оставит, огонь ничего не оставит. Судить надо!

— Может, судят, если поймают. Но как поймаешь? Да и никому дела нет. Повозмущаются, вот как мы с тобой, да на том и закончится. Нет... дела... никому...

В Борисе не было того негодования, каким кипел Бельгибай. Проснулись в старом казахе горести былых кочевий. Далеко был сейчас Бельгибай от этой сибирской реки. Неслись по степи в храпе лошади, вздымались на ветру их хвосты, взвивались рыжие гривы. Собаки испуганно смотрели на горящую юрту и, повизгивая, пятились от огня. Женщина с размазанной по лицу сажей бежала в темноту, унося на руках дитя. И сыпался пепел на одинокого Бельгибая.

Ничего не знал о Бельгибае этот хороший парень Борис. Не представлял он себе, как тяжело остаться на выжженной земле без родных, без друзей. Вел Борис огромную баржу с хлебом, смотрел на темный предмет, который среди отраженных в воде переливов огня двигался к ним.

«Что чувствует там сейчас Вадим, глядя на это пожарище? Видит ли этот темный предмет на воде, взявшийся неведь откуда? Все переваривает в себе. Не поделится ни с кем. Тяжело так-то вот жить», —

думал Борис уныло. Штурвал в его руках почти не крутился. Теплоход шел прямо. Даже Бельгибай очнулся и разглядывал плывущий на них предмет. Теперь было ясно видно: наперерез каравану двигалась шлюпка. Кто-то темный в ней, откинувшись к корме, рвал воду веслами.

— Человек, однако. Мужик. Какие-то знаки делает нам руками. Что-то у него случилось, — комментировал Бельгибай. Вдруг кинулся из рубки вниз, запнулся о чалку, схватил ее: только бы успеть, только бы успеть.

Борис видел, как он с носа теплохода метнул чалку сидящему в шлюпке. Тот успел поймать ее. Быстро перебирая руками по чалке, подгонял шлюпку под борт.

— Держись! — кричал ему казах. — Оттолкнись, а то под корму затянет.

Но теплоход уже гасил обороты. Человек взобрался на борт теплохода и вместе с Бельгибаем поднялся в рубку к Борису.

— Кузовкин моя фамилия. Илья, — представился незнакомец. Маленькие глазки его внимательно смотрели на Бориса.

— Чем могу быть полезен? — не очень приветливо спросил Борис.

— Из Вяткино я. Письмо вот надо передать в Уч-Пристань.

— А у вас в Вяткино что, почты нет?

— Есть, но почтой долго будет. Видите, как полыхает? И так, понимаете, каждую весну. Тут у нас несколько дней назад ходил по поселку один из ваших, из речников. В каждый дом заходил, уговаривал, чтоб не поджигали, будто все мы тут поджигатели. А мы и до него сход собирали: предупреждали, чтоб не вздумал кто соваться на луга с огнем, дежурство установили. Правда, поджог предотвратить не сумели, а вот виноватого поймали. Как говорится, с поличным. С четырех сторон поджег стервец, чтоб, значит, направление дать огню. Опытный.

Борис посмотрел на мужика заинтересованно:

— Кто поджег-то?

— Николай Огородников. Я давно про него догадывался, но ведь, как говорится, не пойман — не вор. А нынче попался, заарестовали. Сидит теперь у меня в доме со связанными руками.

Борис недоверчиво оглядел щупленького гостя, спросил, откровенно удивляясь:

— И как ты один справился?!

— Почему один? Один бы я не справился с ним. Огородников покрепче всех нас вместе взятых будет.

— Зачем он поджег, зачем? Ты не знаешь? Если знаешь, скажи нам, — спрашивал Бельгибай, топая сапогом.

— Ясно зачем. Чтоб выжечь прошлогоднюю отаву, чтоб не мешала расти новой траве на сено. Так вы передайте письмо в Уч-Пристань прямо в милицию. Там в нем все сказано. Да пусть скорее едут. Мол, Огородников заарестован.

— А не накажут вас за самоуправство?

— Может, и накажут. Побегу я. Далече уж протащили меня.

Борис пронаблюдал, как Бельгибай помог мужичку спуститься в шлюпку, как перенял от него чалку, и шлюпка, отгоняемая течением, быстро растаяла в утренней сини.

Бельгибай, уходя к себе на баржу, кричал Борису радостно: «Пай! Пай! А ты-ы — никому дела нет. Есть дело!»

Борис, чуть касаясь рукой штурвала, размышлял: «Кто он такой — Огородников, который пошел против воли своего села? Есть ли у него забота о ближнем, о соседе, о природе? Ему, наверное, безразлично все, что не касается его лично. Страшные такие люди». И Борису подумалось, что этот Огородников чем-то, должно быть, похож на того человека в сером костюме, который предпочел отдать каюту мужчине с собакой.

Пришлось все же и ему приткнуться к Борису. Неисповедимы пути господни.

Встретился он с Мартьяновым еще раз в тот же год, в конце навигации. При встрече этой они как бы поменялись ролями.

...Теплоход шел легкачом. Тугие струи дождя полосовали ветровое стекло. Неожиданно Вадим резко скрутил штурвал и, кренясь, покати́лся к пристани «Садовод».

— Ты чего? — спросил Борис.

— Нашенский на дебаркадере. Просит подвезти.

Борис выглянул из окошечка рубки и увидел одиноко стоящего на палубе дебаркадера того самого в сером костюме... Только теперь на нем была штормовка цвета хаки, на голове смятая соломенная шляпа. Встреча была так неожиданна, что Борис не успел ничего сказать Вадиму.

Теплоход шершаво тернулся о борт дебаркадера.

Ожидавший не сдвинулся с места. Возле его ног стояли ящики с яблоками и помидорами, какие-то мешки, рюкзак. Наверное, последнее увозил со своего садового участка.

Волна чуть отбила катер от дебаркадера, и ожидавший крикнул начальственно Вадиму:

— Ну, где там твой помощник? Чего не зачаливается?

— Ты чего не идешь? — спросил Вадим, снова прибывая катер к борту.

У Бориса появилось драчливое состояние. Захотелось надерзнуть, нахамить. Кому — все равно. И он едва сдержался, чтоб не обругать ни в чем неповинного Вадима. Буркнул желчно:

— Не пойду я зачаливаться.

Вадим смотрел на него и ничего не говорил. А человек на дебаркадере, видя, что никто не спешит исполнить его приказание, и понимая, что приказывать в личных целях он не имеет права, сам побежал к чалкам.

Дождь лил такой плотный, что на его штормовке вмиг не осталось сухой нитки. Слышно было, как он, накидывая чалку, ругался. Отфыркиваясь, крикнул снова Вадиму:

— Что там помощник твой сидит? Не видит, что ли, сколько багажа. Пусть выйдет, снесет на катер.

— Пойдешь? — спросил Вадим у Бориса.

— Нет.

— Он не идет, — крикнул Вадим.

Человек на дебаркадере ухватился за ящик, с трудом приподнял его, подумал и, вцепившись в ручку обеими руками, потащил волоком. Ящик царапался о железную палубу, и она истошно повизгивала.

Еле-еле управился с одним ящиком. Вернулся за другим. Тем же способом попытался перетащить и не смог. Разогнулся, устало подперев кулаком поясницу, крикнул властно:

— Что ты за капитан — не можешь заставить своего подчиненного?

— Не буду же я с ним драться, — спокойно ответил Вадим, глядявая из окошечка рубки. — Он сильнее меня. Изобьет еще.

— Тогда я сам поговорю с ним.

Мартьянов поднялся в рубку и сразу же накинулся на Бориса:

— Ты чего это не выполняешь мои указания? Тебе что, надоело плавать?! А ну, ступай работать!

Борис не шелохнулся.

— Значит, отказываешься? — грозно посмотрел он. Нити морщинок на лбу сгладились.

— Не буду я носить твои вещи. Не хочу, понятно? — с вызовом бросил Борис.

— Тогда ты сегодня работал последний день! — Повернулся к

Вадиму: — Ну хоть ты сам помоги, что ли, пожалуйста. Силенок не хватает.

Еще раз просительно заглянул ему в глаза. «А-а», — махнул он рукой и вышел из рубки. Но Вадим пожалел его, следом выбежал, остановился возле багажа. А тот уже, как должное, молча принял помощь. Взвалил на плечо Вадима ящик и, придерживая его обеими руками, не дай бог уронит, засеменял деловито сбоку. Дождь обильно поливал их спины.

Смотрел Борис из сухой рубки и, терзаясь от стыда за свое безделье, думал: «Не приказывал бы, а по-человечески... может, я бы и согласился помочь. Ради Вадима согласился бы, чтоб не ставить его в неловкое положение».

И чем дольше глядел Борис на промокшую спину своего капитана, тем больше озлоблялся на Мартьянова: «Не узнал меня, надо же! Видимо, многим наподличал. Не упомянуть всех-то».

Борис вышел из рубки, когда все вещи уже были снесены на теплоход. Он помогал Вадиму отжимать мокрую рубашку, брюки. Развешивали сушить на проволоку под потолком тесной каюты. Вадим не упрекал, даже не спрашивал, почему он отказывался. Борис уже сам поведал ему, при каких обстоятельствах пришлось познакомиться с этим человеком.

Вошли в рубку. Мартьянов был там. Он тоже переделся во все сухое и теперь сидел на обычном месте Бориса, по-хозяйски развалившись, нога на ногу, выставив далеко остроносый тубель. Но только увидел его Борис, закипело внутри. Не в силах сдержать себя, выскочил из рубки, бешено ухватился за ящик с помидорами, рванул на себя, на плечо и торопливо понес обратно на дебаркадер, вернулся за следующим. А Мартьянов уже топтался рядом, недоуменно восклицал:

— Что все это значит?! Что все это значит?!

— Пусть тебя водяной возит! — запальчиво крикнул ему Борис.

Вадим тоже вышел из рубки, смотрел и ничего не говорил. Мартьянов, задыхаясь от гнева, кричал ему:

— Почему ты стоишь? Почему позволяешь это, это... не знаю даже как назвать... это хулиганство?! Вы что, оба с ума посходили?

Борис стаскал вещи вдвое скорее, чем занесли на теплоход. Он еще находился на дебаркадере, а Вадим уже дал отходной гудок. Борис ловко перемахнул через борт, и теплоход понесся наперерез течению. Над кормой трепетал по ветру флажок. Мартьянов посмотрел на него и крикнул вдогонку:

— Почему у вас красный флаг? Вам черный надо, пиратский! Завтра же оба будете уволены!

Никто их не уволил ни завтра, ни послезавтра, и Борис как-то быстро забыл об угрозе. Теперь же, вспомнив, подумал: «А не козни ли Мартьянова — это увольнение?»

По рации, забывая речное многоголосье, послышался зовущий голос Сергея: «Борь... Борь... Борь...»

— Слушаю.

— Переключись на десятый канал, поговорим о чем-нибудь.

— Некогда, — торопливо отозвался Борис и, чтобы смягчить свой отказ, добавил: — Потом, попозже...

«Орлик» был очень старым теплоходом. Время сточило толщину его стальной обшивки почти наполовину, а в некоторых местах она держалась на честном слове. В двигателе бесконечно что-нибудь сыпалось, ломалось, выходило из строя. Но Вадим относился к теплоходнику так бережно, так своевременно подновлял износившиеся детали, так умело прошпаклевывал и подкрашивал проржавевшие части

судна, что выглядело оно вполне справным. Посмотрит комиссия, посмотрит и разрешает кораблику походить еще одну навигацию. А в следующую навигацию все повторяется.

Два года назад комиссия, как всегда, обошла теплоходик, просмотрела, простучала. И блестели леера, и белизна рубки резала глаза, и золотом сверкала надраенная медь — все как прежде, но приговор был окончательным: «Оставим еще на сезон. Но теперь уже действительно последний. Борис с Вадимом не уговаривали на этот раз, сами понимали: больше «Орлику» не протянуть.

А вскоре после этой комиссии Вадим сходил в управление и попросился на большой теплоход. Это Бориса немало удивило. Ведь он мог уйти несколько лет назад, но упорно отказывался от предложений, говаривал Борису: «Никак не могу представить, что моим дряхленьким, но верным «Орликом» завладеет чужой, равнодушный к нему человек и в два дня доканает его. Провожу старичка в последний путь и со спокойной душой на другой корабль». И вот, когда осталось «Орлику» жить один сезон, он бросил его. Борис не понимал этого поступка.

Шлифовали отношения Бориса к Вадиму холодные обские волны, порывистые, пронизывающие до костей ветра, секущие затяжные дожди, обжигающие солнце, шлифовали четыре года и вдруг... Ушел человек, который стал для Бориса не только учителем и старшим по должности товарищем, но и другом, братом. Правда, эта утрата чуть-чуть компенсировалась для Бориса — его поставили капитаном на «Орлике», и все-таки было очень грустно...

Первое время Борис вообще перестал видеть Вадима. Вахты у них не совпадали. А домой к нему ходить не привык. Но через полмесяца Вадим сам наведаясь к нему на теплоходик, а потом зачастил. Чуть ли не каждую вахту появлялся у него ненадолго. Походит по теплоходнику молчком и распрощается. Непонятно было, к кому приходил Вадим: к Борису или навестить своего старенького «Орлика»?

Борис знал капризы судна намного хуже, чем Вадим, а потому не мог, как он, предвидеть неполадки. Двигатель начал рассыпаться, разваливаться. Детали одна за другой выходили из строя. Начались простои. Запчасти добыть было трудно. И хотя некоторые из них имелись на складе, жалели отдавать их на посудину, которая отхаживала последний сезон. Борис ежедневно обивал пороги кладовщиков, механиков, администрации порта. И в этих хлопотах помаленьку исчезала печаль, которую навеял Вадим своим уходом.

Но однажды, придя в управление выпрашивать очередную запчасть, нечаянно глянул на доску Почета и не увидел там фотографии Вадима. Это неприятно задело Бориса. А потом, сидя в кабинете начальника механизации и выслушивая его жалобы на нехватку запчастей, он думал об одном: «Почему сняли фотографию? Разве Вадим не заслужил почета своей самоотверженной работой, своим рдением? Что-то, видимо, случилось у него, а он, близкий друг, не знает».

Бросил в тревоге взгляд в окно и увидел идущую по самому краю карниза соседнего здания кошку. Карниз железный, сорвется, когтями не удержаться, а здание высокое. «Да она что, сдурела?! — думал Борис. — Почему идет по самому краю-то?» Он не спускал с кошки глаз, следил за каждым осторожным движением ее лап и сильно переживал за нее.

Отвлек от наблюдений начальник механизации. Посмотрел в окно: на что это там уставился капитан? Увидел кошку и рассердился:

— Я ему втолковываю, распинаюсь перед ним, распаяю себя, а он кошек разглядывает!

Борис, словно не заметил его недовольства, спросил неожиданно:

— Почему сняли с доски Почета фотографию Вадима?

— Спрашивай в профкоме.

— Ладно, сейчас зайду.

У дверей остановила Бориса реплика, брошенная начальником механизации:

— Баржу он шибанул, из строя вывел.

Да, это была серьезная причина, чтоб снять с доски Почета. В плавпрофком можно не заходить.

Борис спустился во двор, присел на бетонную тумбу у той самой доски Почета, с которой еще вчера смотрел Вадим, и отрешенно уставился на Ковш, забитый теплоходами, баржами, плавучими кранами.

«Запчастей не дают. Вадима сняли с почета — тоска».

— Что загорюнился? — услышал Борис над собой голос.

Поднял голову. Перед ним стоял знакомый капитан Воробьев Коля.

— Здорово, Колян! Ты чего тут?

— А ничего. Пошел пивка попить, тебя увидел. Не составишь компанию?

Борис молча поднялся и молча поплелся за Воробьевым.

...Густо в павильончике от пивных паров. У столиков утомленно склонились какие-то люди. Напротив Бориса стоял мужчина с обвислым носом — не то армянин, не то грузин. Его шершавый кадык ходил вертикально по горлу вместе с глотками пива. Воробьев пристроился сбоку. Протянул кружку Борису.

— В тесноте, да не в обиде, а! — гаркнул с обвислым носом.

Борис отпил из кружки, спросил Воробьева:

— У Вадима авария, говорят. Баржу саданул. Как это могло случиться? Ты в одной смене с его командой, может, знаешь что-нибудь?

— Знаю, как не знать. А получилось вот что. — Воробьев процедил пиво сквозь зубы, прополоскал им во рту. — Значит, вот как получилось. Вадим передал штурвал Фельке — рулевому, а тот с похмелья гляделки не туда сунул, вот и вмазал. Аварию совершить — большого ума не надо. Только вот все шишки на Вадима. Понятно — он капитан. Хороший в общем-то мужик, только попал в волчью стаю, а по-волчьи выть не хочет.

— Ты что, Колян, мелешь? В какую волчью стаю?

— Мелят жернова. Ты, если не знаешь, помолчи, послушай. Ведь команда ждала к себе другого капитана-дублера. Зарубина. Не знал? Зарубин по вкусу им. Любит закладывать за воротник. А прислали Вадима. Вот они сразу и в пику. Не пьет, не курит. А ведь, знаешь, как бывает при выпивке: закосеют — роднее никого нет, чуть ли не целуются. А Вадим не участвует, словно чужой в стороне сидит. Да чужой и есть! Кто-то недавно донес на них, что пили на работе, а они на Вадима поперли.

— Что ты, Колян, Вадим не заложит! На собрании еще скажет, а тайно — никогда.

— Чего ты мне толкуешь! Будто я не знаю. Знаю — не заложит Вадим. В общем, теперь что бы ни случилось на теплоходе, валят на Вадима — и команда, и начальство.

Защемило сердце у Бориса, но как помочь своему недавнему капитану и другу, он не знал. Прийти к нему на теплоход да потолковать с командой? Бесполезно с ними, только Вадима сконфузит. К начальству обратиться? Скажут: «Что он за капитан — не может справиться со своей командой?» А какая другая помощь может быть в таком случае? Пробовал завести разговор об этом с самим Вадимом, ужасно смутился и торопливо, как-то неловко заговорил о другом.

Встречаясь с речниками, которые в одной смене с Вадимом, Борис непременно спрашивал, как там Вадим. Кто-то ничего не знал о конфликтах, другие рассказывали всякие подробности, жалели Вадима, говорили, что ему надо на другой теплоход. Борис поддакивал, всячески расхваливал Вадима да на том и расходились.

А теперь вдруг до него дошло, что он бездействовал, что бездействие — это тоже действие, и направлено оно было против Вадима. Надо было не сомневаться, а идти напролом в его команду, в комитет комсомола, в местком, в партком — куда угодно и восстать за своего друга. Многие мог бы рассказать он про своего бывшего капитана. Ведь никто не знает о нем столько хорошего, как он. Услышали бы, что это за человек, непременно помогли бы.

«Орлика» в тот же год разобрали, Бориса поставили капитаном-дублером на другой «РТ», а Вадим продолжал ходить к нему и на новое судно, даже чаще, чем прежде. Помогал другу осваивать теплоход.

Борис снова слышит гул своих дизелей. И опять только потому, что к нему примешивались посторонние звуки, такие же, как и прежде — с присвистом. «Опять, что ли, показалось?» Помахал Бельгибай, который в утренних сумерках важно расхаживал по барже, заложив руки за спину.

— Эй, Бельгибай, зайди на минуту.

Тот суетливо перебрался с баржи на катер, торопливо взбежал по трапу в рубку, уважительно смотрел на капитана.

— Слушай двигатели, шкипер... — попросил его Борис. — Ты не улавливаешь никаких посторонних звуков?

— Улавливаю, ага, — живо отвечал Бельгибай. — Пфукают.

— Сам ты пфукаешь! Присвистывают, — отмахнулся от него досадно Борис.

Это Бельгибая обидело.

— Зачем спрашиваешь, если я пфукаю?

Обиженным вышел из рубки. Шел по палубе покачиваясь. Брюки его сидела так низко, что издали он походил на медведицу. Борис усмехнулся и крикнул:

— Бельгибай, я не хотел тебе плохо говорить. Не сердчай.

Тут же вызвал по радиации Вадима:

— Посылай ко мне Серегу, что-то с дизелем. Надо посмотреть.

— Что случилось? — спросил Вадим.

— Да пфу... то есть... тьфу, с этим Бельгибаем...

— Что?

— Да это я так, сам с собой. Прослушиваются какие-то свистящие звуки. Ты продолжай следовать курсом. Мне, возможно, придется идти на одном двигателе, приотстану сильно.

— Такой вариант мы всегда успеем использовать. Надо глянуть, что с дизелем. Сейчас с Серегой придем к тебе.

7

Ходовые огни флагмана сместились, развернулись, и в утренней синеве начало вырисовываться огромное черное тело баржи. Она вставала поперек фарватера и, снося течением, прижималась к берегу. Борис поспешно скатал штурвал вправо, и его баржа, коснувшись ржавого бока баржи Вадима, выползла на песчаную косу.

Вадим, перешагивая через бортовины одной баржи, потом другой, шел к теплоходу Бориса. За ним долговязо брели Сергей и матрос Володя.

Борис оглядел свой теплоход. «А где же Галка? Все-таки увел ее Федор в каюту», — подумал он, сердясь на свою матроску, что не устояла перед нахрапистым парнем.

Вахтенные команды обоих теплоходов собирались в машинном отделении. И все внимание Бориса было теперь сосредоточено на Вадиме. Неторопливо шагал Вадим среди механизмов, угловатый, с размеренными движениями, сам похожий на отшлифованный в работе механизм.

Вокруг густая масляная духота, почти осязаемо набитая громом

дизелей. В этих громах Вадим как рыба в воде. И не только слух, но и глаза его серые, казалось, сосредоточены на этих дизельных пере-
стуках. А маслянистый воздух оседал возле его носа мелкими вес-
нушками.

— Ну что? — нетерпеливо спросил его Борис.

— Поршень подгорел. — Вадим заглушил двигатель. — Пусть остывает пока, будем вскрывать.

К нему подскочил Федор. Борис обратил внимание, что Галки с ним не было. И вообще ее не было среди присутствующих в помеще-
нии. Сунув руки в карманы, Федор наступал на Вадима:

— Ты что, собираешься тут заниматься ремонтом?! — И, не до-
жидаясь ответа, завозмутился: — Нельзя нам обоим останавливаться.
Зерно на полях ждут. Сам говорил: день год кормит. Хоть одну баржу
приведем вовремя.

— А мы обе приведем. Дел-то на два часа, — отвечал Вадим, за-
сучивая рукава. — Вон сколько нас, мужиков. Долго ли умеючи?

— А я отказываюсь! — язвительно проговорил Федор и кивнул на
Бориса: — Ему вот отказываюсь. Он мне тут недавно столько гадос-
тей наговорил, а я чтоб помогал ремонтировать ему движок?!

Федор направился к выходу, но на его пути встал Серега, сказал
миролюбиво:

— Да брось ты, Федор. Нашел время сводить счеты. Груз-то не
одному Борису принадлежит. Всем нам принадлежит. Хлеб же. Что
ты, в самом деле?

Федор небрежно оттолкнул Сергея плечом и, выходя из помеще-
ния, бросил своему матросу:

— Пошли, Володя.

Тот повернулся к нему и нерешительно проговорил:

— Я хотел посмотреть...

— Ну смотри, смотри!

Федор вышел. Серdito лязгнула за ним железная дверца. Володя
сделал было движение кинуться догонять его, но Сергей опередил, вы-
скочил на палубу, слышно было, как прокричал с обидой в голосе:
«Как тебя река носит такого?! Не место тебе такому среди речников».
Федор где-то недалеко от выхода отозвался пренебрежительно: «За-
крой камбуз, щенок!»

«Как бы не подрались там», — встревожился Борис и услышал
воркующий Галкин голос: «Не связывайся с ним. Отойди... ну... Федя.
Ну успокойся. Мало ли чего не бывает. Свои же ребята». «Пошла
ты!..» — прошипел Федор раздраженно. Борис понял: момент драки
Федором упущен и подумал: «Почему он все-таки так груб с Галкой?
Зачем она позволяет?»

Сергей вернулся и как ни в чем не бывало загремел гаечным клю-
чом. Замелькали руки. Колдовали над массивным телом, перевитым
трубами, проводами, словно кровеносными сосудами. Вскрыли дизель.
Обнажилось нутро. Оно еще не успело совсем остыть. Пыхало на них
горячим стальным дыханием.

Сергей, совершенно успокоившись в работе, тыкал в полость пе-
реноской и спрашивал Вадима удивленно:

— Как ты догадался, что подгорел поршень? Клапан — это еще
куда ни шло, а вот что поршень, как?

— По дыму и по звуку. Подожди, и ты научишься.

Вадим стоял над открытыми цилиндрами с засученными рукавами,
и руки его по локоть в мазуте.

И снова замелькали гаечные ключи, отвертки. Гремел металл о
металл. Что-то срывалось, и тело дизеля тяжело дышало и охало. На-
пряжение мускулов людей и встречное напряжение металла...

У Вадима от пота волосы стянуло в короткую золотистую паклю.
Пот ел глаза, мочил виски, лоб.

Закручена последняя гайка.

А наверху совсем рассвело. Ползли над водой остатки тумана, и меж их лохматым шевелением зеленела в движении вода. Неслась она к бортам теплоходов и барж. Сбитая с плавного хода, вязалась в узлы. Чайки криками приветствовали новый день, летали над теплоходом, чуть не задевая клотик. Их острые с изломом крылья напоминали бумеранг. Птицы совсем не боялись людей, идущих по палубе, пикировали привычно к корме со свистом секущих крыльев и вновь взмывали вверх. На поручнях и трапах капельки утренней росы мерцали в вибрации мощных дизелей.

Борис некоторое время шел рядом с Вадимом и спросил как бы между прочим:

— Слушай, а не Мартьянов ли тебе мстит?

— Его я после того случая, когда ты перенес обратно ящики, не видел.

— Ну и что? А может, он за твоей спиной пакостит. Такой человек способен на всякие гадости.

— Не наговаривай, если не знаешь точно. Он ни при чем. Я сам виноват.

— Да в чем же ты виноват? За что тебя увольняют?

Вадим смутился, увел взгляд в сторону. Но Борис не спускал с него глаз, спрашивал настойчиво:

— Так за что все-таки?

— Разве что-нибудь изменится, если я исповедуюсь? Поехали дальше, время поджимает.

Вадим перепрыгнул через поручни и быстро зашагал по барже к своему теплоходу. Борис проговорил вслед:

— Я этого так не оставлю. Придем в Барнаул, схожу в контору порта, разберусь.

Вадим вернулся.

— Зачем тебе копать в моих неудачах? Для чего тебе эта анатомия?

— Потому что безобразия творятся у нас в порту! Вот зачем? Некоторых давно надо гнать взащей, так нет — держат их, а тебя увольняют! Дичь!

— Без причины никого не увольняют.

— Да что ты сделал такого нехорошего?

— А видел, луга полыхали? Так вот, несколько дней назад я в рабочее время ходил по домам — уговаривал, чтоб не поджигали. Три часа простоя теплохода мне в вину, денежный начет — и луга подожгли.

— А как в туман простаиваем — ничего?

— То в туман.

— Это кто-то из твоей команды на тебя донес. Сволочи! Нет, я так не оставлю. Подниму в порту на ноги все начальство. Тебя не посмеют уволить, вот увидишь. Всех подниму!

— Поздно поднимать: в ремонтно-эксплуатационную базу ухожу. Договорился уже. Берут капитаном-дублером.

— Но ведь там дальние рейсы. На все лето уходят, дом не видят.

— Ничего, я холостой. А женюсь, со мной будет плавать. Захочет — шкипером, захочет — пассажиркой. Вместе до Салехарда будем ходить. Разве плохо?

Борис не нашелся, что ответить. Расстроенным уходил он от Вадима, и крутилась в голове его, как на истертой пластинке, одна и та же мысль: «И все-таки я схожу в контору, подниму всех на ноги. Обязательно схожу, подниму всех...» Вдруг вспомнил: «Про человека с письмом забыл рассказать Вадиму!» Обернулся, выругался желчно.

Направляясь к себе в рубку, Борис услышал из открытой двери ленкомнаты тихие всхлипывания.

— Что за черт?

Вошел туда и увидел Галку. Она сидела на полу, уткнув лицо в колени.

— Ты чего?

Подняла на Бориса мутные от слез глаза. Щеки мокрые, помятые, нос покраснел, разбух.

— Все против него, все, — лепетала она, шмыгая носом.

— Против кого все?

Не понимал Борис, что стало с этой обычно всегда спокойной девочкой? Из нее, бывало, ничем слезу не выбьешь.

— О ком ты говоришь? Против кого все?

— Против него, против Федя, а он хороший, я знаю — он хороший. Просто он не умеет унижаться. А вы накинулись все... на одного...

— Ну, знаешь ли... — Борис был обескуражен. Из-за этого так плакать? Постоял, посмотрел на зареванную Галку и молча вышел.

Теплоход Вадима выкинул шапку синеватого дыма, и белая пелена взлетела под форштевнем. Борис, кладя руля в кильватер флагману, наращивал ход своего судна. И ветер полоскал кормовой флаг.

Луч солнца неожиданно брызнул из-за поворота реки, позолотил противоположный песчаный берег, паутину неводов, развешенных на жердях, фигурки мужчины и женщины, вскапывающих грядку возле своего деревянного домика.

Какая-то лошадь, спутанная, скакала по лугу, оповещая о себе глухими звуками ботала, привязанного к гривастой шее.

А в рубке билась о стекло полосатая пчелка. Ее жужжание навало на Бориса воспоминания о высоких травах, о белоствольных берегах, увешанных зелеными флажками, о знойном гудении июльских пастбищ.

«Как попала сюда пчела? — дивился Борис. — Неужели в поисках нектара перелетала с одного берега на другой, присела на мой теплоход отдохнуть и заблудилась? Если так, лети, работай».

Он осторожно смахнул пчелу со стекла на бумажный листок и выпустил на волю. Следил за невидимой траекторией ее полета над обской синевой.

На Оби Бориса всегда не переставало поражать чувство простора, свободы. С теплохода все было открыто: небо, берег, вода до самого горизонта вверх и вниз по течению, луга, березовые и сосновые леса — и все это постоянно менялось и, кажется, никогда не повторялось.

Небо голубело, синело, ослепительно сверкало солнце. День на Оби набирал силу. Теплоход плечами такелажа раздвигал последний, набежавший неведь откуда, белесый туманец и приближался к Уч-Пристани, деревянные постройки которой уже виднелись в просветленном воздухе.

8

Вернувшись в Барнаульский порт, Борис с причала зашел к диспетчеру, вооружил себя кое-какими фактами в пользу Вадима и оттуда сразу в контору.

«Лучше поздно, чем никогда», — думал он возбужденно, довольный, что выполнит все-таки товарищеский долг, или, вернее, поступит по-человечески.

В коридоре приостановился, оказавшись в плену дверей с важными табличками: «Приемная», «Заместитель», «Профком»... Куда войти, к кому обратиться? Растерялся вроде. И улетучивалась недавняя боевая решимость, исчезало предвкушение близкой победы. Но не страх перед начальством обуял его. Перед этими дверями он острее почувствовал свою ответственность за судьбу товарища. Поймут ли его? Сумеет ли он убедить? «Я и говорить-то не умею, — сокрушался торопливо. — Воробьева бы сюда, Воробьев языком как помелом».

Недолго раздумывал, в какую дверь войти. Еще на теплоходе, будучи водную толщу и строя доводы в защиту Вадима, уверовал, что справедливость надо искать за дверью, где партком. Только вначале в кадры, чтоб еще из первых уст услышать.

Не обратив внимание на приглашение кадровика присаживаться, проговорил, теребя пуговку на форменке:

— Я по поводу Вадима. Хотел бы выяснить, за что увольняют.

Кадровик настороженно посмотрел на Бориса, наставив в него длинный острый нос.

— По его вине три часа простоял теплоход.

— Но вы же не знаете: он в те три часа простоя делал очень полезное дело.

— Знаю, — раздраженно отозвался кадровик, заглядывая в бумажки на своем столе. Похоже, его заботило что-то другое. — Эти три часа твой Вадим ходил по домам и упрасивал, чтоб не поджигали Вяткинские луга. Что еще?

— Вот-вот, — подхватил Борис, не замечая иронии. — Каждую весну выгорают сотни гектаров вместе с гнездовьями птиц, с насекомыми, которые рыхлят землю, делают ее живой. Да и деревни вокруг, огонь может перекинуться на них. Я уж не говорю о загрязнении атмосферы, о том, что травы хуже растут на выжженной земле, хотя в Вяткино почему-то считают наоборот. Сегодняшней ночью из того села человек был у меня на теплоходе. Они там поджигателя поймали. А прежде не могли поймать. Значит, не зря старался Вадим. Теперь никто не посмеет сунуться на луга с огнем. Да ему, Вадиму, благодарность за это, а вы вместо благодарности...

Кадровик проговорил, как показалось Борису, равнодушно:

— Занимался бы он благотворительными делами в свободное время, может, и отблагодарили бы, а работа есть работа.

— Но ведь он в тот день вернулся в порт когда? Знаете — нет?! Вовремя он вернулся! И план перевозок выполнил! Вы сверьтесь, сверьтесь, если не в курсе.

— У него уже было два выговора. А теперь профсоюзная организация команды требует увольнения.

— Тре-ебует? Вот оно что, оказывается! Да будет вам известно, они с первых дней требуют. Ведь если трезвые не любят, когда среди них пьяный, то еще больше не любят пьяные, когда среди них трезвый. Они ведь там все одиннадцать человек не просыхают, а он не пьет, не курит — белая ворона среди них. И ему — выговор! За что?

— Он капитан. Отвечает и за команду. А первый выговор у него был за аварию. Баржу саданул его рулевой да так саданул, что на неделю вышла из строя.

— Знаю я про баржу. Рулевого бы наказать. С глубокого похмелья встал к штурвалу.

— Наказан. Премияльных лишился. Ну а второй выговор у Вадима за прогул.

— Слышал я, Александр Семенович, и об этом прогуле. Вспоминать тошно. В то утро у матери его сердечный приступ был. «Скорую» вызывал, потому и задержался, а команда не дождалась, специально не дождалась, ушла в рейс с ночным вахтенным. Вадим-то в тот день до вечера просидел на берегу. Разве это честно? Разве это порядочно?

— Про мать не в курсе. Об этом он почему-то не указал в объяснительной.

— Да потому что не хотел спекулировать здоровьем матери. Я ведь с Вадимом четыре года проплавал, уж за это время можно понять человека. Не буду говорить, что он идеальный, всякий бывает, но порядочность для него превыше всего. А к работе относится как!

Кадровик еще раз предложил Борису сесть, но он по-прежнему не отреагировал, возбужденно принялся рассказывать о своем друге, по-

лагая, что от возбужденности своей и оттого, что он стоит, сильнее подействует его рассказ.

День за днем, выбирая наиболее примечательные факты, показывал он добросовестность Вадима, его радение. И вставляли перед глазами Бориса руки Вадима, цепкие, как стальные чалки: частые бусинки пота на его лбу; волны, рвавшие рубашку на его груди; какие-то бревна, пльвшие на него, и Вадим отводил их рукой; дети, спасенные им от обской пучины; красные глаза после бессонной ночи — приводили в порядок «Орлик» перед комиссией. Долго рассказывал. В конце вспомнил разговор свой с капитаном Воробьевым и словами Воробьева закончил:

— Он попал в волчью стаю, а по-волчьи выть не захотел. Вот и слопали.

Кадровик, кажется, забыл о всех других своих делах, дослушал внимательно.

— То он все хлопотал за вас, теперь вот вы за него. Но это ничего. Это хорошо. Приятно, что речники — люди дружные. Зайдемте к начальнику порта. У него лежит заявление Вадима на увольнение.

Борис растерялся:

— Как?! Его не увольняют разве? Разве он сам уходит?

— Предложили по собственному желанию, чтоб не портить его трудовую книжку.

— Какая гуманность с вашей стороны!

Они вошли в кабинет начальника. Кадровик сел на стул рядом с Борисом и сказал:

— Вот капитан просит за своего коллегу. Как там у нас с Ананькиным? Приказ подписан?

— В деле приказ.

— Как же так? — непонимающе воскликнул Борис. — С такой поспешностью разделались с человеком, будто он вредитель какой! Так ведь с каждым можно. Даже с вами могут когда-нибудь поступить подобно.

— Вы думаете, мы с ним не говорили? — недовольно спросил начальник порта. — Говорил лично, и Александр Семенович вот беседовал. На него ведь не успевали жаловаться с теплохода. Но мы не только словами воздействовали, всяко пытались изменить его. Бесполезно!

Борис понял: Вадим ни одним словом не отозвался плохо о своей команде. После некоторого общего молчания он сказал недоуменно:

— Как ведь получилось: к работе относился добросовестнее всех, а вы за эту добросовестность уволили его. — И Борис повторил о Вадиме все, о чем только что рассказывал кадровику.

Начальник порта выслушал хмуро.

— По вашему получается так: вы справедливы, добры, а мы тут сидим иезуиты, бездушные люди. Подождите, не перебивайте. Я вас слушал внимательно, теперь вы меня послушайте. Все, что вы тут рассказали, мы не отрицаем. Но ведь это когда было? При царе грохе! Да, в то время мы возлагали на него большие надежды. Ставили в пример другим капитанам, а он, по сути дела, подвел нас. За последнюю навигацию в его команде было столько нарушений дисциплины, режима, правил судовождения, что я больше не могу доверять ему судно. Не могу доверять ему ценные грузы. Не могу доверять ему людей. И как бы вы тут ни превозносили его душевные качества, делу это не поможет. На одних душевных качествах далеко не уедешь. Видимо, надо ему применить их в других условиях, где меньше авралов, полундр, где не требуется такой силы воли и выдержки, как у капитана на флоте. Понятно вам, какие командиры нужны начальнику порта? Еще что-нибудь есть у вас ко мне по существу?

Борис растерянно оглянулся на молчавшего в задумчивости кадровика. Пауза затягивалась, и Борис чувствовал: пора уходить. Молча

поднялся, молча побрел к выходу. Вспомнил, что и Вадим тоже приходил хлопотать за него. «А ему удалось ли чего-нибудь добиться тут?» — подумал он и уже с порога обратился к кадровику:

— Александр Семенович, а по какому поводу Вадим-то приходил из-за меня? Вы говорили...

— Чтоб вас оставили на «Орлике» капитаном.

«Так вот, значит, почему он недоработал на этом теплоходике до конца, как хотел того, — думал Борис, выходя на улицу. — Из-за меня. Знал: на «Орлике» стать капитаном проще всего. Администрация порта сильно противиться не будет. Удобнее назначить меня, чем подыскивать на эту доживающую рухлядь опытного капитана. А став капитаном, я так и останусь им. Не переводить же опять в мотористы после списания «Орлика». Ай да Вадим! Спасибо тебе, друг!»

Возле конторы встретился Коля Воробьев. Борис, мрачный, злой, поведал ему о своих безуспешных хлопотах. Тот возмутился:

— Ворон ворону глаз не выклюет — известно!

— О чем ты, Колян?

— А все о том, как трудно Вадиму-то с архаровцами своими. Было трудно. Ведь у них мохнатая рука в конторе.

— Мартьянов! — догадался Борис.

— Во-во! Попробуй устоять, когда на тебя давят изо всех сил и сверху, и снизу. Мы-то бы с тобой устояли. Мы бы сбросили с себя груз-то, а он носит. Сопит, крихтит, а носит. Иногда так и хочется сказать: так тебе и надо, раз ты такой. Одумаешься, жалко становится парня. Ведь он молодой еще. Сколько ему? Лет двадцать пять есть? Надломят парня и на всю жизнь, считай, калека.

Борис оборвал его:

— Так ты говоришь, Мартьянов заодно с командой против Вадима. Как же они сошлись?

— Федор Мартьянову-то садовый домик строил. Как игрушка стоит, сам видел. Теплицу тоже он. Не хуже, чем в подшефном совхозе: с освещением, с орошением. Куркуль! Теперь Федька-то в его доме заместо родственничка. Вот и нашептывает по-родственному. А Мартьянов, похоже, сам злой на Вадима из-за чего-то.

И опять перед Борисом палуба, заполненная пестрым народом. Человек в сером костюме равнодушно смотрит на его детей и равнодушно бросает:

— Ничего не знаю, каюта занята.

А он унижается: упрощает таким голосом, чтоб жалким выглядеть, сочувствие вызвать у этого человека в сером костюме.

Борис со злостью сплевывает и рассказывает Воробьеву о своих встречах с Мартьяновым.

— Все понятненько! — восклицает Воробьев. — Слушай, а ты говорил обо всем этом в конторе?

— Как я мог, если не был уверен, что он мстит? Колян, сходи со мной в контору? Мне одному туда как-то ни то ни се. Не сходишь?

— За кого ты меня принимаешь? Айда!

В приемной секретарь остановила их:

— Куда? Куда? Разлетелись... Там совещание.

Те, словно споткнувшись, рванулись было снова.

— Минуточку, — опять остановила их секретарь. — Если у вас дело важное, то советую поговорить с Владимиром Дмитриевичем с глазу на глаз. Толку больше будет. — После паузы повторила с деланным безразличием: — Если только дело у вас важное.

— Важное у нас дело, обождем, — с достоинством проговорил Воробьев.

Вышли из конторы. Топтались у крыльца и чем дольше, тем больше казалось Борису, что улица отвлекает Воробьева, оттого пропадает у него желание хлопотать за товарища.

С интересом смотрел Воробьев на мальчишек, которые возились у забора с выброшенным холодильником и зло кричали друг на друга — чего-то не поделили. А рядом с раскрытыми клювами опустились на раскаленный асфальт воробьи, черные, чумадые, прилетевшие с угольных складов порта. Мимо них, шипя, катились раскаленные автомобили, словно огнедышащие слябы по рольгангам прокатного стана. И косое падение пыльных лучей навевало на Бориса видение: стоит Вадим с засученными рукавами среди механизмов. Руки по локоть в мазуте. Гаечный ключ в кулаке сжат. И легкой испариной дышит на него вскрытое нутро дизеля.

— Колян, надо как-то все-таки оправдать Вадима.

— Оправдывает суд. Защитить надо!.. Я вот что думаю: тебе возвращаться сейчас в контору — глаза мозолить только. Один пойду. Резаться буду с ними. Не возьму верх, тебя прихвачу на подмогу и Володю — дружка Федора. Этот Володя, по-моему, откалывается от своей шатни-братни. Надо бы нам сходить к ним на теплоход, потолковать с ними. Как мыслишь?

— Неохота мне с ними говорить.

— А мы в глаза им глянem. Неужто все они там такие? Без Вадима проще будет с ними. Вот что: поезжай-ка к нему домой. Не оставь его в эти дни, чтоб не чувствовал себя одиноко. Короче, тормоши его, ободряй.

До улицы с ярким названием «Солнечная поляна», где жил Вадим, Борис доехал на такси и быстро. И не удивился, когда мать Вадима сказала, что сын еще не вернулся с работы.

Спустился во двор и присел на скамейку. «Перейдет Вадим в РЭБ, увлечется дальними рейсами, и связь с ним постепенно порвется». И так ему вдруг сделалось одиноко, что он только теперь по-настоящему понял, какого теряет друга. Около часа просидел Борис на скамеечке, поглядывая в сторону остановки автобуса. Заметил идущего Вадима еще издали. Эффектно выглядел сейчас Вадим. Черный китель. Галуны блестят под лучами солнца, краб отликает золотом. В руках сумка, бутылки с молоком белеют, а рядом румяная пшеничная горбушка. И вспомнились хлебные баржи, ради которых не спали они в эту ночь, и тревоги из-за Вадима, свои терзания и боли.

— Ты как вперед меня? — удивился Вадим.

— На такси! В конторе был.

В глазах Вадима появилась надежда. Борис видел эту надежду очень хорошо.

— Ну и... что? — замедленно выговорил Вадим.

— Им там всем Мартыанов заморочил голову. Но мы с Воробьевым все равно разубедим их, вот увидишь. Кадровик-то сперва возражал мне, а когда я говорил с начальником, он молчал — не поддерживал начальника. Ты не находишь, что у него появились сомнения? В общем, я начало сделал. Теперь Воробьев пошел туда...

Говорил Борис и видел, как медленно угасает в глазах Вадима надежда, и ничего не мог он поделать с тем угасанием.

— Они не посмеют тебя уволить...

— Уволили уже, — быстро перебил его Вадим.

...К теплоходу, с которого уволили Вадима, Борис и Коля Воробьев подошли как раз в пересмену — специально, чтоб захватить обе команды.

Судно, окутанное белой пеленой тумана, таинственно маячило палевыми боками, хищно нацелив на берег острый клюв носовой части. А на палубе появлялись расплывчивые тени людей и тут же исчезали.

Борис и Воробьев неторопливо поднялись на борт и, чтоб не запачкать надраенный до блеска металл палубы, бережно остановились с краю.

Занятые своим делом, хозяева словно не замечали их.

Ночная вахта сдавала теплоход, а дневная принимала: кто-то проверял шпангоуты, бросая взгляд на туман с быстрой тенью чайки, кто-то проходил с пустым ведром по палубе и слышался недовольный голос: «Опять я за тебя тут мыть, да?! Только грязь развозюкал!» Кто-то неторопливо переговаривался по радию с диспетчером порта, и хрустко шуршали страницы судового журнала.

Борис и Воробьев ждали: не подойдет ли кто к ним.

Из машинного отделения устало вышел Федор. Увидел ранних гостей, замер неподвижно. Спросил усмехаясь:

— Пришли уговаривать нас, чтоб вашего Вадима назад приняли?

Борис ответил уклончиво:

— Как получится.

— А пошто так? Пошто такая неуверенность-то... А?

Федор торжествовал. С лица его не сходила высокомерная усмешка.

— Твое-то мнение о Вадиме знаем. Мы бы хотели услышать от твоих товарищей.

— А у нас у всех одно мнение о нем. Или еще не дошло до вас?

Из окошечка рубки выглянул вахтенный, крикнул в их сторону:

— Опять слышу про Вадима. Ну что еще неясно? Сколько можно о нем галдычить?

— Да вот, адвокаты пожаловали.

— А ты сказал бы этим адвокатам, что здесь все прокуроры.

Теплоход качнуло от набежавшей волны. Федор машинально расставил ноги и смотрел на гостей ослабься.

Насладясь вдоволь эффектом от реплики вахтенного, проговорил:

— Визит вежливости закончен, капитаны-начальники. Отдавайте швартовы.

— Нет, братец, так запросто мы отсюда не уйдем! Скажи, Колян?

— Разумеется. Вот дождемся, когда закончится сдача вахты, и поговорим со всеми с вами откровенно.

Ждали недолго. Обе команды подошли к ним толпой. Наверное, только что обсуждали, как вести себя с гостями. Окружали со всех сторон. В многоцветии глаз — льдинки. И льдинки эти холодили, мешали сосредоточиться.

— Вот что, братва. Я без дипломатии с вами.

Все слегка пошевелились, но никто не проронил ни слова. Знали: Воробьев скажет не в бровь, а в глаз. Сам матросил среди них на этом же самом судне. Спуску не даст им.

А Воробьев продолжал таким тоном, которому и возразить-то, казалось, невозможно:

— ...Вас заставляло так активно выживать своего капитана хмельное стремление к единству. Так? Вот ради этой спайки вы и постарались в хмельном дурмане забыть о своей совести, о порядочности, об искренности.

— Ты нам мозга не запудривай! — воскликнул Федор. — Совесть, видите ли, потеряли мы! Слышали, кореша, куда клонит он?

— А если не потеряли вы совесть, тогда как же объяснить вот такой случай? Вы пожаловались начальнику порта, что Вадим три часа ходил по Вяткино, теплоход простаивал, и вы не заработали как следует. А почему же вы не сказали начальнику, что были выпивши, что ходил он по домам как раз в то время, когда вы трезвели, что благодаря Вадиму вы все же справились с перевозками и заработали хорошо. Кстати, Вадим на ваш донос ни единым словом не обмолвился, в каком вы были тогда состоянии. А напрасно, работал бы и по сей день. Зато вас бы многих недосчиталось тут. — Воробьев повернулся к Федору: — И ты собираешься утверждать, что совесть ваша была на месте?

— Но, но!

— Что но-но? Да еще Мартьянова подключил. А может, наоборот, это он вашими руками действовал?

— А при чем тут Мартьянов? — спросил вахтенный.

— Расскажи им, Борис, как Мартьянов тебя обидел, унизил.

Борис растерялся. Он не любил выставлять свои обиды и унижения напоказ. Но Воробьев ждал. Не дождался, проговорил с укором:

— Разве не видишь, что солидарность-то у них слепая? Водкой залитая. Открой им глаза... Не хочешь?.. Ну тогда я, с твоего позволения, сам открою.

Начал Воробьев рассказывать, а Борис видел: зеленые глаза его яркие, как Обь в ясный день. И снова играли солнечные блики на борту белоснежного теплохода. Праздная толпа веселилась. Только Борису с детьми не до веселья...

Сквозь воспоминания свои примечал: обе команды, заинтригованные, слушали не перебивая. И все, что рассказывал Воробьев, для них внове. Даже у Федора от удивления разомкнулись губы. А когда Воробьев рассказал о его связях с Мартьяновым, деланно захныкал:

— Я хотел как лучше для ребят.

— Вот и сделал, как хотел. Ребята твои оказались на одно лицо с Мартьяновым, невольными соучастниками его поступков, а в довершение всего помогли Мартьянову отомстить Вадиму... Какая жертва на очереди? Я? Борис? — Воробьев торопливо пошел с теплохода, проговорив на ходу с иронией: — Прокуро-о-оры!

— Ты что так скоропостижно сорвался? — спросил на берегу Борис. — Послушать бы надо их мнения.

...Через несколько дней к дому Вадима подкатила «Волга». Из машины вышли Борис и Коля Воробьев. Торопливо поднялись по лестнице. Сильно нажали на кнопку квартирного звонка. Вломилась в радостном возбуждении, не подозревая, что опоздали. Торжественно сказали матери:

— Начальник порта говорит — восстановим на работе.

Но и тени радости нет на лице матери. Смотрит на ребят виновато. Заговорила — в голосе печаль:

— А я-то думаю, чего это он так метался, словно не в себе был, ребята да ребята? Знал, видно, что хлопчете за него. Ждал вас с извещением. Очень ждал. Мучился от неизвестности. Немного и не выдержал-то.

— Да где он?! — воскликнул в нетерпении Борис.

— На работе он сейчас. На завод устроился.

— Как на завод? Ведь он в РЭБ собирался. Говорил, берут капитаном-дублером?

— Там дальние рейсы, а я часто болею. Не захотел оставлять меня одну надолго.

Борис с Воробьевым переглянулись. Такого они не ожидали. А мать продолжала:

— Вчера пришел с работы, нравится, говорит. Какое там нравится! По глазам-то вижу...

— Так пусть забирает оттуда свою трудовую — и в порт.

— Не знаю, ребята... Ведь его взяли механиком цеха, доверили ему.

«А ведь он не сможет там отказаться, — подумал вдруг Борис. — Засовестится. Другой бы на его месте — и глазом не моргнул, а этот не сможет. Будет мантулить в цехе и тосковать по рубке теплохода. Такой уж есть».

Молча выходили они из квартиры товарища, молча ехали в порт и только в конторе, перед тем как войти к начальнику, Воробьев сказал Борису:

— Не вешай голову. Мы его оправдали. А это для него самое главное...

Родники в «Роднике»

Вот уже шестой год работает литературное объединение «Родник» при редакции газеты «Молодежь Алтая». Для вступающих в литературу — срок немалый. Через «Родник» за это время уже прошло около ста человек студентов, рабочих, ИТР, учащихся школ и ГПТУ. Разная степень одаренности быстро «сортировала» этих людей, а литературная учеба, творческие семинары, встречи с писателями и работниками краевого книжного издательства, участие в литературных конкурсах, выступления перед трудящимися края помогли наиболее способным оттачивать свое перо. В итоге — систематические публикации. И не только в газетах: стихи родниковцев уже печатались в альманахе «Алтай», звучали по радио и телевидению, были предметом обсуждения на творческих семинарах в Новосибирске и Бийске.

Родниковцам есть на кого держать равнение: из литобъединения при «Молодежи Алтая» вышли такие писатели нашего края, как Николай Черкасов, Геннадий Панов, Василий Нечунаев, Виктор Слипичук, Геннадий Володин, Владислав Козодоев. Родниковцы помнят об этом. Некоторые уже работают над рукописями первых книжек. И безрезультатно: в следующем году, например, должен увидеть свет сборник Валерия Котеленца.

Его стихами мы и открываем очередную подборку родниковцев.

Руководитель литобъединения «Родник»,
член Союза писателей СССР
ВИТАЛИЙ ШЕВЧЕНКО

Валерий КОТЕЛЕНЕЦ

ДАЛЬ

Выстелит утро дорогу,
ветром взобьет облака,
тенькнет из тихого лога
тонкой струной родника.
Даль без начала и края,
русского духа полет...
Розовым облачком, тая,
сердце шальное вспорхнет.
В синие-синие дали
глянешь с вершины холма...
Сколько в них обретали
ясность души и ума...
Родна... Даль, вдохновенье...
Родина... Ширь, высота...
В светлые эти мгновенья
верится, как никогда:
жизнь, что дана мне однажды, —
вся до сегодняшних дней —
вовсе не жизнь, а пока что
только прелюдия к ней...

ЗАРНИЦА

Мучительно не спится.
Но в сумрачном окне
далекая зарница
подмигивает мне.
Как будто утешает,
стараясь подбодрить,
мол, что тебе мешает
светло и просто жить.
Ведь жизнь не вечно длится —
pronзая бытие,
как быстрая зарница,
сверкнет — и нет ее.
И смысл ее не в этом,
чтоб злиться и хандрить,
а в том, чтоб ярким светом
мгновенье озарить,
и в час, когда не спится
в ночи кому-нибудь,
далекою зарницей
по-дружески мигнуть.

ЛОДКА

Мы в лодке вдоль берега плыли
по старому руслу реки,
где белые звездочки лилий
и сабли тугой осоки,
где тонкими пальцами ивы
чертили по глади круги
и темные рыбы лениво
скользили у самой руки.
Нам было по десять—двенадцать.
О, как нам хотелось тогда
свободой своей упиваться
и плыть неизвестно куда.
И смех наш летел над волнами,
и не было смеха звончей.
И солнце пылало над нами
в сто тысяч спящих свечей.
Так лихо по синей равнине
мы плыли и плыли вперед,
что смех тот ребячий донные
ночами заснуть не дает.
И легкие весла мелькают
сквозь тусклое марево лет,
и лилий созвездья мерцают,
и лодки той пенится след...

БИОГРАФИЯ ТРАВЫ

1

Под щедрым дыханием лета
луга широко расцвели.
И кружат над ними с рассвета
в махровых тельняшках шмели.
В потоках полдневного жара,
густого, как липовый мед,
гудит травяная держава,
колышется, дышит, живет.
Там туго сплетаются стебли
под ливнем небесных лучей,
и листья мигают, колеблясь,
как пламя зеленых свечей.

Там тысячи ярких созданий,
нарядных, как праздничный люд,
в бутонах со сладкою данью,
шурша лепестками, снуют.
Там синих стрекоз эскадрильи
прозрачной слюдой шелестят...
И божьих коровок надкрылья,
как пятнышки крови, горят.

2

Беспрекословница немая,
ты помнишь дымный небосклон,
копыта конницы Мамаю
и тяжесть танковых колонн.
Тебя рвало в клочки железо,
пожары яростные жгли...
Но, все стерпев, упрямо лезли
ростки живые из земли.
Ты бесконечно жить хотела,
рождаясь каждой весной,
и снова радостно шумела
на всех ветрах земли родной.
Ты словно людям говорила,
завет бессмертия храня,
что жизни трепетная сила
сильней железа и огня.

3

Заката киноварь стекла
за холм. Земля устало дремлет.
Травинка в поле замерла
и мирозданию чутко внемлет.
Ей слышен тихий плеск воды
и скрип ветвей в далеком колке,
и в небе тонкий звон звезды,
и сонный голос перепелки.
В туманной дымке за рекой
кричит полуночная цапля.
Земли обманчивый покой,
как переливчатая капля,
висит на тонком стебельке.
И жутко полночью бездонной
травинке слышать вдалеке
железа скрежет монотонный...

Валентина НОВИЧИХИНА

* * *

Любовь не бубен, чтоб стучать...
Она в душе должна звучать.
Когда вокруг тебя светло,
Когда другим с тобой тепло —
На всем лежит Ее печать.
Зачем же о любви кричать?

ДОБРОТА

Что должна быть с кулаками
Доброта порой твердят.
Я машу на всех руками,
Как на маленьких ребят:
— Что вы, люди-чудаки,
Для чего ей кулаки?

Доброта
И дураков
Убедит без кулаков,
Грубого обезоружит,
С добротой дети дружат!
Доброта в любое сердце
Без ключа откроет дверцу,
Вытащит из горла ком,
А попробуй... кулаком!..

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПЕРЕСТАРАЛСЯ...

Моя младшая сестренка —
Вот упрямая девчонка!
Говорю ей: «Это рыба».
Повторяет: «Это лыба».
Говорю: «Вот это рак».
А она мне: «Это лак».
Я так дело не оставлю —
У сестренки речь исправлю.
Час твержу ей: «Терка! Кружка!»
А она все: «Телка! Клушка!».
Я кричу от злости: «Рожь!»,
А она сквозь слезы: «Ложь!»
А сегодня за обедом
Говорит: «Отрежьте хреба!»
Дружный смех в семье раздался.
Видно, я перестарался...

ПРИЯТНАЯ ПРОГУЛКА

Посмотрите: я всех выше!
Смело я иду во двор.
Я могу достать до крыши,
Заглянуть через забор!
Уступают мне дорогу
Страшный пес и ребятя,
И задира Ромка Рогов
Мирно смотрит на меня.
А вокруг все так занято!
Хочется «ура!» кричать.
До чего ж гулять приятно
Мне... у папы на плечах.

* * *

Скажут мне: «Чересчур откровенна...»
И добавят: «Без меры добра...»
И еще пожурят непременно:
Осмотрительней стать, мол, пора...
Только я не привыкла иначе,
А по правде сказать, не хочу.
И о том, что живу на отдачу,
Никогда не жалею ничуть.
С чистым сердцем и взглядом открытым,
Не таясь, я по жизни иду.
В том и сила моя, и защита,
Что живу у людей на виду.

Виктор ТОРШИН

АКВАРЕЛЬ

Календарь теряет числа.
Дождь до стихнет, то польет.
Тучи серые обвисли,
Будто мокрое белье.

Солнце глянет на мгновенье —
Крыши зеркалом блестят,
И рогатые антенны
В них задумчиво глядят.

В огороде нашем пусто,
Но не все там грязь да тлен:
Закаляется капуста,
Зеленеет стойкий хрен.

Снова дождь — стена прямая
На антенны и на стог...
Будто тучи выжимает
То ли дьявол, то ли бог.

ЭТЮД ИЗ ДЕТСТВА

Рассвет. В траву просыпан иней.
Заря всплывает из глубин.
Развешан кем-то ветра синий
На ветках рдеющих рябин.

В деревне тихо. Где-то первый
Петух пропел. За ним другой.
Мать собирается на ферму.
Пол скрипнул под ее ногой.

Я ей помочь иду. Фуфайка
Не греет. Я бежать готов...
Перелетев, синичья стайка
Сбивает иней с проводов.

И за околицей хлебом
В лицо пахнула борозда,
И, соскользнув с вершины неба,
В колодец падает звезда.

Галина КОЛЕСНИКОВА

* * *

Уходишь ты. В полгоризонта плечи,
Усталостью налит свинцовый шаг,
И каждый в сердце навсегда отмечен
Одной из самых дорогих утрат.

Не сберегла. Не стала заземленьем
От горестей, забот и суеты,
И, вскинутые в трепетном стремленьи,
Увяли руки, как в мороз цветы,

И горло жгли слова мольбы напрасной:
Никто еще не вымолил любви...

Сомкнулось за спиной твоей
пространство.
Безмолвствует. Зови и не зови.

* * *

Вечер по-кошачьи за окном крадется.
За село уводит песнею баян...
Чистым, звонким эхом лето отзовется
Под ноги расстелет ласковый туман!

Одурманит мятой, красотой и силой,
Пухом тополиным в руки упадет...
Месяц осторожно, как цветы для милы,
Мне на подоконник робкий свет кладе.

Юрий ОГНЕВ

* * *

Не скажу, что тяжело,
Не сознаюсь в том, что больно.
Пусть опять не повезло —
Мне и этого довольно.

Даже так — сочту за честь,
И под самой страшной пыткой
Я скажу про то, что есть:
Мне и этого с избытком,
Мне и это через край.
Не кляню того, что было...
Боль моя, не догорай,
Чтобы сердце не остыло.

* * *

Над рощей месяц
мне и мил, и люб,

И в роще
как-то бережно и тихо...
Пусть я порой бываю в жизни груб,
Порой живу отчаянно и лихо...
Но сердцем и душой не очерствел,
Я этой ночи чувствую дыханье:
Вот где-то неспопад
петух пропел...

Вот чей-то крик,
тоскующий и дальний...
Зовет кого? Жалеет ли о чем!
Звучит в ночи
неясен и неведом...
...Прохладою пахнуло над плечом

И теплым окатило следом...
Вот, прошуршав, осыпалась листва —
То тут, то там,
как дождь, сухой и ломкий,
Вот различимо-слышимый едва
Случайной птахи
посвист тонкий...
Причудливые тени от ветвей,
И месяца
прозрачное сиянье...
Я сердцем и душой не очерствел,
Я этой ночи слушаю дыханье.

ЛЮБОВЬ

На тонущем спасаюсь корабле,
Но знаю я, что буду жив, покуда
Она живет и правит на земле —
Из всех чудес единственное чудо.
Погас огонь... Лишь угольки в золе...
Но к сердцу не подступится остуда,
Пока горит кострами на земле
Любви неугасающее чудо.
Померкло солнце. Горизонт во мгле.
Но вновь и вновь оно придет оттуда,
Где царствует и правит на земле
Любви вовек немеркнувшее чудо.
...Разбиться в кровь, душой
в надрыв болеть,
Но жить и верить в жизнь,
оно живет покуда —
Единственное чудо на земле,
Любви неумирающее чудо.

Анатолий Владимирович Кирилин родился в 1947 году в г. Барнауле. Закончил Барнаульский пединститут. Работал на телевидении и радио. Первые рассказы были опубликованы в альманахе «Алтай» и в коллективном сборнике «Прикосновение». Живет в г. Барнауле.

Анатолий КИРИЛИН

ДВА РАССКАЗА

Иванов круг

Лет пятнадцать назад у родителей Ивана был садовый участок. Отец затеял на нем строительство дома, но не успел довести его до крыши — стены рухнули. Взамен он наскоро сколотил небольшой — два метра на три — сарайчик. В нем прятались от дождя и солнца, иногда ночевали. Строить что-либо другое отец не решился: вдруг задавит кого? В молодости он работал учителем математики, затем экономистом, начальником планового отдела, жили они все время в казенных домах — в общем, ссоры в делах хозяйственных у него не было, оттого и неудачи в строительстве, неумение обращаться с землей. Бывало, заберется в свой сарай, откроет двери настежь, садится перед входом так, чтобы солнце не попадало на лицо, и читает. Чтение было у него одним из главных занятий и до покупки сада. Менять привычки он не стал. Сначала соседи донимали. Один все баню предлагал строить на пограничной территории и при каждой встрече надоедал:

— Иван, ну когда фундамент-то начнем лить?

Другой настаивал на общем водопроводе, третий сначала приглашал вскладчину нанять машину для подвозки перегноя, а потом стал грозить:

— Погоди вот, вопрос поднимем на правлении, чтобы отобрали у вас участок. Бельмо на глазу, а не сад! От вас зараза вся к нам лезет. Это же надо, сад им! Да я бы запретил вам комнатные цветы держать!

Отец на ругань не отвечал, но переживал и после подобных разговоров ходил по участку с лопатой, срезал сорняки. Вдруг и вправду отберут? Жалко, место уж очень красивое: откроешь дверь — и бор прямо перед тобой, в ста метрах пруд. Дома он говорил о своих опасениях жене, она переживала вместе с ним, но помочь не могла. Мать Ивана была учительницей, они с отцом и познакомились, когда работали вместе. Почему-то мать всегда кого-нибудь заменяла, выручала, домой возвращалась поздно, с кучей тетрадей. И лета, казалось, не существовало для нее, отдыхала только в августе, когда все садоводы наслаждались плодами трудов своих. Каждый год отец доставал ей на это время путевки в дома отдыха, на курорты — куда угодно, лишь бы подальше, что, по его мнению, необходимо для настоящего отдыха. Сначала мать протестовала и ездила с ним на участок. И если он сидел в своем сарайчике, вполне удовлетворенный видом сизоватого бора через открытую дверь, то она не выходила на улицу, стыдясь запушен-

ности их земли, многократно подчеркнутой богатым августовским убранством соседских участков. Отец понимал это и с возросшим упорством настаивал на ее отъезде. В конце концов она перестала бывать на своем участке совсем. Иногда после очередной садовой неприятности родители, переговорив друг с другом, молча сидели рядышком на диване и с укором поглядывали на сына. Стараясь повернуться к этим взглядам спиной, он быстро заканчивал свои домашние дела и убегал. Разговоры, просьбы, упреки — все это было позади и возврату не подлежало, потому что Иван однажды пригрозил уйти из дому.

— Вы уж, пожалуйста, без меня удовлетворяйте свои мелкобуржуазные прихоти. Педагоги!

Вполне возможно, одной из причин материнского отказа от сада было это слово, брошенное сыном как обвинение. Человек она честный и щепетильный до такой степени, что готова в чужой несправедливости, даже необдуманном чьем-то поступке, видеть свою вину. Кончилось тем, что участок продали. Напоследок мать посетовала:

— И зачем мы, Ваня, тогда мамин дом бросили? Глупые были, отдыхали бы безо всякого огорода. Кто в деревне спросит?

Родители матери жили в пригородном поселке, у кромки бора, на берегу петляющей оврагом речушки. Дочь с семьей приезжала к ним так редко, что каждое появление их наблюдал весь поселок. Дед на радостях устраивал праздник, приглашал соседей, не жалел ни выпивки, ни голоса: без песен не гулял. Так и проходил выходной, не успевали оглянуться за весельем. Тогда отдыхали всего один день. Бывало, дочь с мужем и не заглянут в огород — что там зеленеет? Зелень на столе, значит, с огородом порядок. Вины их в том не было: уж очень искренне радовался дед, попробуй начини что-нибудь делать — тут же помешает.

— Вон у меня уже есть помощник от вас, слава богу, справляемся.

Это он говорил об Иване-младшем, проводившем в деревне все летние каникулы.

Должно быть, когда родители захотели приобрести собственный садовый участок поближе к дому, это желание было подсказано все тем же праздником, а не потребностью покопаться в земле.

После смерти стариков мать не стала продавать их домишко, не могла себе представить, как это родительским торговать? Пришла в поселковый Совет и передала все оставшееся безвозмездно — нам, дескать, ни к чему.

Вот так и случилось, что родители Ивана еще задолго до пенсии перестали вслух поминать участок, а сын Иван и думать о нем забыл.

Родители потихоньку старились, он ездил по белу свету, учился уму-разуму, добрался до самого океана и наконец вернулся домой.

Однажды Иван предложил жене:

— Давай съездим в деревню? Увидишь, какая красота у нас под самым носом.

Всю дорогу, вглядываясь в пробегающие за окном электрички забытые места, Иван прислушивался к себе, пытался найти в душе отзвук далеких счастливых лет. Но глаза воспринимали, а сердце не отзывалось. И на станции, и на лесной дороге, по которой нужно было идти до поселка несколько километров, все явилось ему без ожидаемого узнавания — обыденно, привычно. Только угол зрения будто иной. «Все дело в росте, ниже был, считай, наполовину», — пояснил сам себе Иван. Дорога стала разъезженной, многоколейной, следы от машин петляли между деревьями в объезд колдобин и вечных луж. На полпути он попытался отыскать курилку, грибок со скамеечкой, но она исчезла. Точно кто-то решил: теперь Иван в два раза выше, значит, дорога ему вдвое короче, а потому и отдыхать незачем, перекуры

устраивать. Да и поселок был уже не тот, он переродился в солидный дачный массив. Среди пестрой дачной архитектуры выделялись своим традиционным однообразием редкие строения коренных жителей. Приземистые постройки, большие дворы, огороды, окруженные плетнями, подчеркивали своей основательностью преимущество истинных хозяев земли перед тянущимися кверху с гаражами-подвалами дачами. Прежним остался только лес, подковой охватывающий дома.

— Красивое место, — вздохнула жена. — Представляю, сколько здесь дачка стоит.

Она кивнула на сверкающий желтизной свежеструганого дерева дом, со второго этажа которого доносились звуки бильярдных шаров, мужские голоса. «Красиво, — подумал и он, разглядывая теряющуюся в прибрежных кустах извилистую речку. — Раньше как-то и не замечал. Лес, река — деревня... Неужели недоставало этих кукольных дворцов?» Он оглядел обрыв, спускающийся к реке, огромные серебристые тополя, уходящие вдаль заливные луга.

К весне Иван решил. Жене говорить не стал, отправился в поселок один. Первым делом изучил объявления о продаже участков, списал адреса, затем подошел к ближней калитке, постучал. Хозяйка видела его, но продолжала заниматься своим делом, выгребала навоз из хлева. Наконец отозвалась:

— Во-он, видите, дача строится? — Она показала на другую сторону улицы, наискосок. — Это Пименов. Новую построит — старую продаст. Третья будет у него. На заводе он строительством руководил, так, говорят, завод все не поднимался, зато дачки — вот они! Ну и выгнали. А вы покупайте, дом хороший, теплый, он туда всю зиму с бабочками развлекаться ездил — не замерзли. Сейчас только у них нет никого, хозяин на выходные будет, вот и приезжайте, сторгуется.

— А Ветелкиных дом знаете где? Они, мне кажется, здешние. Да?

— Тутошние, однако тоже в отъезде. На восток куда-то перебираются, сейчас пока у дочки в городе живут. А дом-то рядом, сходите, посмотрите. Свернете в первый переулок, у самой речки как раз и будут Ветелкины.

Фамилию Ветелкиных Иван сразу приметил в объявлениях, здешняя фамилия, даже вспомнил, что связана она каким-то образом с рыбалкой. И точно, дом на самом берегу, значит, и рыбаки в нем есть. Окна большие, без ставен, в них видно, что хозяева уже вывезли имущество, на полу разбросан хлам. Дом Ивану не понравился: какой-то ненадежный, так и хочется потрогать бревна, не трухлявые ли. С виду вроде дом как дом, а впечатление, будто стоит он и ждет только, чтобы старые хозяева продали его поскорее. А он возьмет да и рухнет. На всякий случай Иван решил побеседовать с соседями. На самом краю обрыва, очевидно, боясь загородить проход по берегу реки, кто-то соорудил не то крытый загон для скота, не то летнюю кухню — трудно разобрать. Подойдя ближе, Иван разглядел хозяина, лет сорока с небольшим, помятого вида, кепка надвинута на самые глаза, щека перевязана. Работал он как-то вяло и неумело. Брал деревянный обренок, прилаживая его так и этак, снова откладывал и все-таки не мог решить, как же лучше. На вопрос Ивана он пробурчал что-то невнятное и махнул рукой в сторону дома, мол, там разговаривай. Постучав и не дождавшись ответа, Иван толкнул дверь и попал в неудобную захламленную комнату. Стол завален немытой посудой, хлебными объедками, банками с молоком. На полу тоже стояло несколько чашек с едой, возле них терлись две кошки с нечистыми, слезящимися глазами. Повсюду разбросаны старые матрасы, телогрейки, кучи тряпья непонятного происхождения. Казалось, кто-то долго зимовал в огромном коконе, свитом из хлама, пробудился по весне, разворошил свое гнездо, но не успел еще избавиться от мусора. Посреди комнаты на низенькой табуреточке, тяжело опершись на колени, сидела старушка. На ней был

черный сатиновый халат, какие носят скотники на фермах, ноги обуты в обрезанные по самые головки старые резиновые сапоги. Приглядевшись, Иван понял, что хозяйка не так уж стара: голову держит прямо, лицо довольно гладкое, вот только глаза безжизненные, матовые какие-то, даже появление Ивана в них никак не отразилось. Вроде не вошел он только что, а был тут вечно вместе с этим тряпьем. Она долго не могла понять, чего от нее хотят.

— Ветелкины? Да, знаю, краем живут. Дом-то? Ясное дело, дом. Самих-то и спросил бы... Не знаю, сынок, не знаю.

Тогда Иван решил зайти с другого конца.

— А вы не помните, Банниковы у вас тут жили, во-он там, наверное, у леса?

— Это какие, дядя Миша, что ли?

Неожиданно старуха подобралась, в глазах промелькнула мысль.

— Ну конечно же, Михаил Семенович, вспомнили? Так я внук его.

— Чей же это, старшей?

— Да, Катерины.

— А девочка была большая?

— Сестра моя двоюродная, Нина. Уехала она в другой город.

— Та-а-к. Родители, значит, живы-здоровы?.. Эх, помню, весело было у дяди Миши! На гармонии не твой ли батька играл, черный такой, кудрявый, на цыгана похож?

— Он.

— А я — Тарасиха. Слышал про такую?

Иван вспомнил фамилию Тарасовых, но связать ее хотя бы с одним лицом не смог.

— За молоком вы к нам ходили. Сестренка-то уж больно лядащая у вас была, парным молоком отпаивали.

Про молоко Иван помнил, точно вчера только держал в руках тепловатую кринку с пеной поверху. Надо же, а вот лица смазались как-то. Он виновато улыбнулся:

— В деревню, как на курорт, ездили, отъедались, отпивались. Худо в городе тогда было.

— Да, у нас пораньше полегчало, а то ведь тоже горе мыкали — война. Дядя Миша помогал как, спасибо ему. На машине он тогда ездил, то дров привезет, то муку. Выпишут, получишь, а на чем везти-то? Помню, время было тако же, весна, я в огороде, сам на работе, а дома одна старшая наша, Галя. Маленькая тогда была, ходила, нет ли. Как раз дядя Миша подъехал, мне-то его не слышать, в избу зашел, там дите надрывается. Мне ни слова, взял наварил ей порошка этого, давали тогда — яичный, накормил, еще нам отсыпал. Я погода в дом зашла, увидела — ноги не держут, плачу. А он с ней нянькается — сытая, улыбается. Хорошие были люди и дядя Миша, и тетя Маня, жили-то как ладно и от детей никакой беды... Вот нас с хозяином забыл господь-то. Самого детки дорогие отправили уже в могилку, шестой годок пошел, скоро и меня следом. Нонче ничего, полегчало, спасибо, Сашку посадили, а то ведь все до копейки пропивал, ирод. Тверезый куда ни шло, а уж выпил маленько — давай ему еще, хоть из-под земли достань. Чем и жила-то: молоко продам, денежки припрячу. Ладно, не напьется в этот самый день, а нет — все равно отберет. С топором гонялся...

Жалко и страшно было Ивану слышать все это; видеть полные безразличия глаза и в то же время слезы на них. Он замер на скрипучей табуретке, не зная, как в таких случаях утешить.

— Средний-то, Анатолий, утоп запрошлый год, — продолжала она. — Напился и прямо тут вот, под домом... Я все говорю, это он не в речке, в слезах моих захлебнулся. Старика-то они с Сашкой на покосе напоили, он с воза упал, грудь расшиб. Вскорости и помер, заступник мой... Слабый был против сынов-то. А у меня ноги, вишь, хо-

дить перестали. На какую копейку жить? Прошлый год соседи помогли с сеном управиться, понче уедут — продавать кормилицу поведу. И то, доченька уже подкатывалась с муженьком. — Она кивнула на окно, прямо под ним копошился неопрятный строитель. — Получишь, говорят, деньги за корову, дай займы, мол, у тебя лежать будут, а нам для дела нужны. Да еще, говорят, с прошлого году картошку продавала — все, вишь, знают, считают. А что мне без тех денег, какая моя пенсия? Всю жизнь детей растила, не заработала, а детки-то — двое померли, двое... Э-эх! Сашка в письмах все пишет, когда отпустят, как приедет, так мне, слышь, в том нету надобности, не приезжал бы лучше совсем, мучитель...

Она надолго замолчала, и Иван, подождав, спросил:

— Бабушка, а чем зять это ваш занят?

Ему показалось, что лицо ее на мгновение тронула хитроватая улыбка.

— Дачу строит.

— Дачу?!

— Ну да. Они с дочкой в огороде хотели — не дала. Ругаются. Дура ты, говорят, мать, тут теперь все строятся да продают, деньги большие получают. Давай и мы, а деньги пополам. Мол, и огорода много не убудет... Знаю я их половину. Вон ничья земля, там и стройтись.

В окно было видно, что зять Тарасихи бросил работу, курил. «Да, — подумал Иван, — вот уж не знает пределов жадность человеческая!» Место, где сооружалась так называемая дача, было сплошь усеяно многолетним мусором, улитко помоями из окраинных домов. Земли к дому прирезать не от чего: с одной стороны дорога, с другой — обрыв. И домом-то это строение грех назвать: из чего сделан каркас, Иван не разглядел, но стены лепились из обрывков, обломков, кусочков, подобранных, казалось, прямо здесь, на помойке.

Выйдя, Иван оглядел дом старухи: прочный, добротный, он не вызывал, как ветелкинский, желания потыкать бревна. По огромному огороду тут и там разбросаны кучи перегноя. «Скоро начнутся посадки», — подумал он и невольно прикинул, сколько же картошки можно накопать с такой площади. Выходило порядочно. Это обстоятельство вдруг набросило тень сомнения на бедственное положение старухи. Уже за оградой Иван оглянулся и увидел придвинутое вплотную к стеклу лицо бабки Тарасихи. Она внимательно смотрела на него.

Иван ходил по дворам, спрашивал, удивлялся. С одной стороны, непомерно высокие цены, с другой — обилие желающих расстаться со своей дорогой собственностью.

В одном дворе за развалюху, куда опасно даже заглядывать, запросили как за добротную дачу, объяснили: «Земли-то вот сколько, постройте себе новый дом, а этот опять же продадите. Еще и с выгодой пойдет: тут с каждым годом цены растут». «Спекулянты чертovsky!» — ругался про себя Иван и вспоминал дедов дом, огород, оставленные родителями. А доведись им сейчас получить такое наследство — тоже отказались бы? Эта мысль показалась ему несправедливой по отношению к матери: время ее не изменило. А что, собственно, такого? Люди всю жизнь наживали добро. Для кого? Для детей, разумеется. Но и эта ясность тоже казалась сейчас несправедливой. Был огромный огород, на котором честно росла картошка. Но прошло время, и владельцы его превратились в каких-то нуворишей. Теперь они передают своим наследникам не просто домик на свежем воздухе, а состояние...

Иван думал, что нынешним появлением здесь он замыкает некий круг в своей жизни. Очевидно, пока он его проходил, все и случилось. Родители Ивана задаром отдали дедову усадьбу. А он вернулся сюда, чтобы за большие деньги приобрести право на клочок земли, во много

раз меньший дедовского огорода. «Да денег мне, что ли, жалко? — успокаивал себя Иван. — В конце концов спрос определяет предложение».

Дома был большой совет, много спорили, рисовали, уже добрались до семян и планирования участка, но потом все-таки вспомнили, что денег никак не хватает. Трудность эту Иван считал разрешимой при наличии главного, на его взгляд, — поддержки жены. И тут выяснилось, что она давно мечтала о такой покупке и лучшего не надо и желать. Обсуждение не ограничилось одним вечером. После работы они все собирались в родительской комнате и спорили, на каком участке остановить выбор. Больше других недоверие к этому предприятию выразила мать, отец тоже предостерегал, но не так решительно. Поначалу известие о даче в старом поселке прямо-таки ошарашило его, но постепенно он стал принимать участие в обсуждении и наконец предложил самый разумный путь в поисках денег. На сына он поглядывал с веселым любопытством и удивлением.

За три дня деньги были собраны, и вот уже Иван ходит с хозяйкой вокруг домика, ярко-голубого, с высокой крышей, нарядным крыльцом, верандой с разноцветными стеклышками-вitraжами.

— Дом хороший, мы сюда зимой несколько раз приезжали с лыжами, топили — тепло. Муж сам строил, все из нового материала. Жалко, да вот...

Она рассказала, что мужу предложили хорошую должность где-то в соседней области, они решили переехать, потому и дачу продают. Он уже год живет на новом месте, купил там участок, скоро подойдет очередь на машину — старую здесь продали. А она вот продаст дачу, в квартиру перевезет мать, гараж сдаст в аренду — и к нему. Почему в аренду? Мало ли что. Вдруг не поживется там? Иван дивился практичности и разворотливости молодых людей, судя по хозяйке, вряд ли намного старше его.

— Песок у нас тут, удобрения нужны, но это не проблема: соседу дяде Грише бутылку поставите — он это дело любит, — будет у вас навоз. Он и за домом посматривает, молоко можно у них покупать. Мы и воду с ними вместе качаем. Дядя Гриша трубы протянул от речки, а мы насос купили. Он себе накачает воды, ну и нам заодно. Вон бачок стоит — на неделю поливать хватит. Муж ему бутылку купит, так он сам все и сделает. — Она как-то странно улыбнулась одной верхней губой. — Здесь кругом все его, дяди Гриши, владения. Зеленый дом — это он сыну построил, а тот жить не стал, продали. На нашем участке сарай какой-то стоял, прирезали земли — дача. Сейчас вот этот построил, сыну, говорит, из Н-ска. Как вам нравится, дача за двести пятьдесят километров от дома?

Говорила она слишком уж бесцветно. «Справочное бюро», — подумал Иван.

Они вместе сходили к председателю уличного комитета, Ивана удивила эта должность здесь. Та сказала, что нужны подписи соседей. Дома никого не оказалось, мальчишка, карауливший с рогаткой, когда из скворечника выглянет птица, нехотя объяснил:

— На кладбище все, родительский день седни.

Кладбище напоминало давно брошенное место. Большинство могил провалилось, над ними ни креста, ни кола. Иван хотел пойти поискать своих, но его спутница покривилась недовольно: времени мало. В стороне, на полянке, общим столом расселись за поминками старики. Среди них были и такие, кому не больше пятидесяти, но на общий фон они не влияли. Всего их было человек пятнадцать, раскрасневшиеся, они пили самогон, домашнее пиво, закусывали яйцами, салом, ранним зеленым луком-батуном, негромко переговаривались. На подошедших некоторые даже и не взглянули. Иван объяснил, в чем дело, попросил расписаться.

— А где ваш дом? — поинтересовался худощавый старичок с плутоватыми глазами.

— Рядом с Омельченками, голубенький такой.

— Так они что же не подпишут, Омельченки-то?

— Нет их дома, ушли куда-нибудь.

— Куда им идти! — Он отвернулся, давая понять, что говорить больше не о чем.

— Ну какая разница, кто подпишет? Вот она продает, я покупаю, остальное так, для видимости. Сами ведь знаете... Банниковых внук я, — добавил Иван, видя, что старики на его уговоры не реагируют.

— Ишь ты! — без особого удивления отозвался тот же плутоватый дед. — Михаила, значит. Ну и ну!

И опять свои разговоры, посторонних будто и не существует. Другой, немного помоложе первого, не по-деревенски желтый, болезненный, налил стопку и, протягивая Ивану, с тяжелым придыханием сказал:

— За упокой души...

Иван нетерпеливо отмахнулся:

— Давайте дело-то сделаем!

— Вершинина, распишись, что ли! — обратился самый молодой мужчина к полной неопрятного вида соседке, так и не повернувшейся ни разу.

— Тетя Таня!? — горячо воскликнул Иван, не столько обращаясь к ней, сколько от неожиданности.

Татьяна Вершинина была первой красавицей в поселке. Иван тогда еще не мог понимать женскую красоту, но по отношению к Татьяне взрослых парней, по осуждающим разговорам старух знал: что-то отличает ее от других. Парни дрались из-за нее насмерть, но она никому не отдавала предпочтения. Вечерами танцы устраивались у самого вершининского дома, а Татьяна демонстративно уходила танцевать в соседнее большое село и возвращалась ночью через лес одна. Семья у них была большая, дом самый добротный, во всем достаток, прочность. Мать Татьяна работала в магазине, отец — лесником. Об этом Иван вспомнил без труда, потому что во всем были Вершинины первые люди в поселке. Что стало с гордой, своенравной красавицей потом? Ни разу этот вопрос не приходил ему в голову.

— Ну?

Она лениво повернула голову, и Иван увидел чрезмерно полное, безбровое, невыразительное лицо с апоплексическим румянцем. Волосы прятались под низко спущенным на лоб, туго завязанным платком, отчего голова была похожа на передутый шар с расплывшимся рисунком. Его поразило это тяжелое лицо, вся ее оплывшая короткая фигура, точно свеча, оставшаяся на один запал. Иван стоял и молчал. Она опять отвернулась и небрежно бросила молодому:

— Хошь, подпиши за меня.

Тот размашисто накидал свою роспись и, подумав, измененным почерком, почти печатными буквами вывел фамилию Татьяны.

Все. Наконец в руках у Ивана ключи, высокая прическа бывшей хозяйки проплыла над оградой и скрылась. Он пошел по огороду, огляделся. Где-то во-он там стояла дедова избушка, сейчас в той стороне из-за дома выглядывает дом, а там третий и четвертый... Когда они приезжали, их всегда ждали. Бабушка выходила в огород и смотрела на пригорок, куда поднималась дорога от станции. Вот они выходят наверх и видят бабушку, машут ей. Ивану иногда казалось, что он даже различает ее руку, козырьком приставленную к глазам. Удивительным она была человеком, самым незаметным и самым необходимым в семье. Все поняли это только после ее смерти. Никто никогда не думал о месте бабушки за столом, зато каждый знал свое. Она

присаживалась на минутку с краю и тут же убегала. У всех были свои чашки, ложки, кружки, и никто не знал, какая чашка у бабушки. Сейчас про себя он называл ее бабушкой Марией. Откуда это взялось, сам не знал, все звали ее бабкой Маней. После смерти бабушки никогда уже за праздничным столом не было того веселья, каждый ощущал рядом с собой холодок незаполненного пространства. Вслед за ней умер дед, никогда не болевший. К тому времени изба села, точно ее подрубили.

Походив еще немного по участку, Иван присел на крыльцо. Прямо перед ним, в двадцати шагах, речка, широкая и мутная, — половодье. За спиной — лес. Хвоя на соснах кажется какой-то несвежей, будто шуба медведя, только что вставшего после спячки. Другой зелени пока нет, но глаз уже начинает различать едва заметный прозрачно-изумрудный муар в потяжелевших от набухших почек ветвях. Скоро огород сажать.

Назад Иван решил пойти верхней дорогой, в обход поселка. То, что он увидел, несколько озадачило его. Среди домов отгорожен довольно большой участок, ничем не занятый, не засаженный. В центре — покрашенный суриком не то камень, не то кусок застывшего бетона. На нем неровно выведено белилами: «Здесь будет памятник землякам, погибшим на войне». Наверняка чья-то самодеятельность. Какой памятник в дачном поселке? Кому? Кто будет ставить? Коренных жителей осталось — по пальцам можно перечесать, да и те едва ходят. Но камень стоял, участок никто не трогал, и это вызывало уважение.

Под выходной он приехал с намерением наладить отношения с соседом, дядей Гришей. Еще издали Иван увидел свою калитку открытой, удивился. Одна шипка в окне выбита — кто-то лез через окно. Он открыл дверь — замок цел. «И взять-то нечего», — усмехнулся. Осмотрел дом, на место выбитого стекла приколотил фанеру. И только когда выходил, обратил внимание, что на двери нацарапано ругательство.

Дядя Гриша оказался довольно крепким на вид стариком с лошадиным лицом и зубами, как у лошади, длинными, желтыми. Чувствовалась в нем былая сила, тяжелые узловатые руки, неподвижно висевшие вдоль тела, указывали на немалый остаток ее и сегодня. Двигался он как-то неохотно, словно экономил на каждом жесте. Изредка, с той же неохотой, медленно прижимал к груди одну из своих огромных ладоней, надсадно, но коротко, скупко кашлял.

— Банниковых помните? — сразу приступил Иван.

— Каких это? — хмуро поинтересовался дядя Гриша.

— А на пригорке том жили, крайний дом у леса. Дядя Миша.

— Так.

— Внук я им буду.

Сосед недоуменно захлопал глазами и неожиданно, полуобернувшись, позвал:

— Поля!

Иван решил, что дед не может вспомнить сам, обращается к жене за помощью. И точно, на его оклик вышла маленькая аккуратная и удивительно проворная старушка. Одета чисто, голова повязана белым платочком — прямо из сказки про деда и бабу.

— Глянь-ко, сосед наш новый — внук дяди Миши Банникова.

Она всплеснула руками, заойкала, сразу начала вспоминать, но все это показалось Ивану неискренним. Мимо погнала коров, и она заспешила встречать свою.

— Дядя Гриша, надо бы посидеть, отметить встречу.

— Это, конечно, надо, — важно согласился сосед. — Вот помогу хозяйке с коровой управиться — приходи.

В доме у них тихо, слишком темно для раннего вечера. На столе опрокинута в тарелку банка рыбных консервов, рядом хлеб.

— Ты-то, не знаю, помнишь ли. — Омельченки мы. Я и дедов твоих помню, и родителей хорошо знал, с мамкиной сестрой в одном цеху работали, в литейном, она у нас бухгалтером была.

Откуда-то издаലെка Иван вспомнил разговоры взрослых о соседелитейщике небывалой силы, на спор поднимавшем отливки, которые другим не под силу и с места стронуть. «Так вот он, литейщик! Что-то не больно похож на рабочего человека — земельный собственник». И тут же он подумал, что, наверно, несправедлив к деду, тот свое отработал. Сосед, выпив, разговорился.

— А весело было, когда батька твой с гармошкой приезжал! Дядя Миша песни все больше любил, а нам давай плясуюю. Но Михайло характерный был, ждали, как напоеется. Помнишь, мать, я в огороде-то ихнем ночевал? Дом рядом, а не дошел — крепко гуляли. Да-а... А ты чего же в те разы приезжал и не сказался, что банниковский?

— Так откуда же я про вас-то знал? Ну ничего, теперь вот в соседях будем.

— Оно так, да я бы тебе отсоветовал тот дом брать.

— Почему? — насторожился Иван.

— Да есть построены вернее. Вон за Малышевыми продают — фундамент бетонный, земли поболе. Тут воды опять же нет.

— Как нет? Она сказала, что вместе с вами. И насос...

— Что насос! — Дед будто поджидал разговора о насосе. — Он у них и дня не работал — бракованный. Хошь, теперь же и отдам.

— Зачем он мне? — Иван совсем растерялся. — Как же без воды-то?

— Вот я и говорю, чего не сказался? Молодой. Надо все сперва проверить, соседей спросить, а то мало ли что она сказала. Тоже хозяйка! Она тут и знать-то ничего не знала, все по курортам ездила, больная, вишь ли. Появится раз в год на праздник — и с концами. Мужик ейный один тут со всем управлялся. А управа у них какая? Материалу ворованного привезет, друзей напоит — и давай строить. Вот они и робили этот дом больше двух лет.

Чем разговорчивее становился дед, тем больше мрачнел Иван, ниже опускал голову.

— Да ты не отчаивайся, ничего страшного. Ну уладишь как-нибудь с водой, первое время и я тебе помогу.

— А потом как?

— Сам проведешь, чтобы ни у кого не просить. Или вон с Николаем напару, он только строится, тоже вода нужна будет. А то и скважину пробурить, тут многие сделали себе.

Иван задумался. Огород надо поливать каждый день. А где он возьмет воду? Ну протянет он когда-нибудь трубы от речки, невелик фокус. А времени-то сколько уйдет? Видно, нынче не придется сажать огород.

— Хулиганят часто? — вспомнил Иван первую сегодняшнюю неприятность.

— Не замечали, чтобы сильно, как везде. Я всегда посматриваю туда, на вашу сторону, а тут не слыхал, наверно, сторожил в ту ночь. Здесь недалеко дом отдыха, вот там дежурю... Вижу, калитка-то открыта — и не стал закрывать. Извини уж, откуда известно, что за люди, новые хозяева? Может, сами открыли для чего? Ты же не сказался... Она, бывшая-то хозяйка, говорит, краску новым дачникам отдайте. Мне ту краску Геннадий, муж ее, еще в прошлом годе навялил. Нужна она мне — заберите.

Туповатая медлительность постепенно исчезла в нем. «Вон почему ты не закрыл калитку», — догадался Иван.

— Не нужна мне эта краска, оставьте себе.

— Так и нам зачем чужое?

Ночью была гроза. Первая в этом году, но почему-то не по-весеннему злая. Иван сидел один в пустом доме, грустил. «Надо будет пойти к бывшей хозяйке, — решил он. — Может, согласится расторгнуть договор, деньги вернет? Обманула ведь, если разобраться. Жена расстроится...» С такими невеселыми мыслями он засыпал под шум дождя и раскаты грома. И вспомнил в дреме, как бабушка Мария успокаивала его и сестру, чтобы не боялись грозы, распахивала дверь и в громящую ночь кидала кочергу, недобрим словом поминая черта.

Утром он увидел уже явственно зеленеющие, но пока прозрачные деревья, оживающую на глазах землю и почувствовал, будто его самого освежил, обнадежил ночью дождь. К бывшей хозяйке он не поехал, жене не стал ничего говорить.

— Ну что, Иван Иванович, — спросил вечером отец, — нанкал себе хлопот? Может, не поздно еще отказаться, купят, поди, по весне-то, а?

— Самим пригодится. И старики у меня есть, пенсионеры. Слышал небось? Им огород в самый раз, чтобы позвоночник не ржавел.

— Нет, вы уж сами давайте, на нас не рассчитывайте. Мы с матерью второй день разрабатываем планы на лето. Сначала решили на озера ехать, порыбачим, потом ягода пойдет, грибы, будем наши места прочесывать. А там, может, и в горы махнем, давно собираемся.

— Ничего не скажешь — напланировали!

— Все равно ведь купил бы, знаю, так что не кипятись попусту.

Иван не стал возмущаться, понимал, что отец прав. «Помощи от родителей не будет. Старики. Их приобретенный однажды опыт становится вечным правилом. От чего бы я отказался — начнись этот разговор раньше — от родительских денег. Молодец, батя! Хорошая эта штука — мудрость!»

— Что ж, даже в гости не заедете? Посмотрели бы хоть, куда любимые дети деньги угрохали.

— Не волнуйся, к урожаю объявимся, — весело сказал отец.

— А вас там помнят, особенно как ты им на баяне играл. Они, правда, почему-то гармошкой его называют.

— Было дело... Я уж и забыл про баян-то. Может, заберешь к себе на дачу?

— Зачем? — не понял Иван.

Отец задумался.

— Да, кстати. Мне тут вчера сосед анекдот рассказал, у него тоже дача. Встречаются, значит, в городе двое, один другому и говорит:

— Слушай, а ведь мы знакомы, у нас дачи рядом.

Тот посмотрел внимательно, не узнает.

— Ну-ка повернись спиной. Так, теперь нагнись... Николай! Здорово!

В комнату вошла мать. Они начали все вместе вспоминать свои поездки к старикам в деревню.

— Помнишь, как Николай чуть Людмилу не утопил? Плавать-то оба не умели.

— Ух, я готов был тогда прибить его — шутник безмозглый!

— А как ты утенка поймал на удочку вместо рыбы? Вот потеха! Перепугались оба, тот, дурачок, бьется. Хорошо, крючок чуть-чуть зацепился, освободили...

— Вот кого я все вспоминаю — это Никанор Ивановича. Интересный такой, сам, бывало, не улыбнется, а все, глядя на него, хохочет.

— Кто это — Никанор Иванович? Я не помню.

— Да он часто приезжал, важный такой, худю-ущий! Все время в шляпе, в очках и при галстукке. Ходил степенно, ноги высоко поднимал, как цапля. А видел-то плохо, смотришь — уже наступил в коровью лепеху. Виновато так оглянется вокруг и скажет: «Какое совпадение!» Вы, ребяташки, и прозвали его так. Все кричали: «Бабушка,

бабушка, гляди, «Какое совпадение» приехал!» Да, забавный был мужик. В огород зайдет — ну слон на тротуаре. Ступит и смотрит, на чем стоит, на траве или на картошке.

Мать отправилась на кухню, а отец по инерции ушел в воспоминаниях к самому своему детству.

— Так вышло, что из деревенских я самый недеревенский. Почему? Шесть сыновей в семье, я последний. Вот и был везде крайним. Работа какая — рук всегда хватает. Меня посадят куда-нибудь в угол, в тенок ли, корку сунут — грызи, не мешай только. Долго так я ученый будет, не отвлекайте. Братья посмеивались иногда, дескать, интеллигент доморощенный, но смеялись беззлобно, как над Алешкой-дурачком. Был у нас такой. Потом в школе уже работал и учиться продолжал — и все довесок какой-то при хозяйстве. Да.

Он опять замолчал, теперь уже надолго. Потом взялся точить карандаши. На столе перед ним всегда стояла полная карандашница безукоризненно очиненных грифелей, но едва он задумывался о чем-нибудь, сразу брал нож и аккуратно, не торопясь, снимал тонкую до прозрачности стружку.

Иван жил на даче вторую неделю. Взял отпуск, чтобы посадить огород и провести воду. Решил сам бить скважину, прямо во дворе. Работа тяжелая, не для одного, но за отпуск он думал управиться. Сам сделал фильтр, сам нарезал резьбу на двухдюймовых трубах и соединительных муфтах, изготовил и приспособил, чтобы удобно было работать одному, специальную «бабу» для забивания труб. Дело понемногу шло. Иногда к жердям, разгораживающим его участок с соседним, подходил дядя Гриша, советовал, жаловался на боль в груди. Иван злился и с остервенением колотил «бабой», делая вид, что сейчас ему не до разговоров. Кто-то утащил доски из-под крыльца и разгородил куст смородины, стоящий как раз на границе с дедовым огородом. Кроме бывшего соседа, сделать это, пожалуй, некому, но не пойман — не вор. От жены его отделаться было трудней. Она расспрашивала, что у них посажено, просила показать, как они спланировали участок. Тут же выяснялось, что интерес у нее праздный, поскольку им не хватает места даже на помидоры с огурцами. Вся земля под картошкой: самим сколько надо да скотине. А летом дети с внуками приезжают, тоже корми. «Где ж тут земли напастись? — усмехнулся про себя Иван. — Скоро третью дачу отделять надо, а без земли кто купит?»

Постепенно он втягивался в работу, а заодно и в дачную жизнь. Интересно было наблюдать за соседями. Отцовский анекдот оказался справедливым лишь отчасти. Кое-кто действительно работал на своих карликовых участках не разгибаясь. А вот, к примеру, нижние соседи целыми днями сидели в шезлонгах, лениво переговаривались, даже приветствовали знакомых прямо со своего места не вставая. У них машина, мотоцикл и мотороллер, на каждого члена семьи по транспортной единице. Приезжали все вместе на «Волге», а в магазин или еще куда-нибудь поблизости отец отправлялся на мотороллере, иногда на нем же выкатывался в лес. Сын гонял пыль по деревне, оседлав ярко-красный с хромированными боками импортный мотоцикл. Другой сосед, через дорогу, тот самый Николай, кого дед Гриша предлагал Ивану в напарники, вел нескончаемое строительство. С утра он затаскивал вверх пару досок, с решительным видом начинал наступивать молотком, но скоро бросал и надолго затихал. К вечеру он уже пел громко и всегда одно и то же — «Не плачь, девчонка!». К работе Николай приступал неизменно в белой сорочке, а когда напивался, на нем появлялась старая, выцветшая, с продранным плечом рубаха. Таким

образом он выражал отношение к своим занятиям. Сосед слева приходил, усаживался возле Ивана на корточки и молча наблюдал, курил. Его свирепая физиономия с огромными мохнатыми бровями, набычившимся взглядом и необычайно узким лбом, кроме этой нечаянной природной свирепости, ничего никогда не выражала. Наблюдал он долго, затем поднимался и так же молча притрагивался коротким заскорузлым пальцем к горлу: пойдём? Компания соседу не нужна, жена охотно поглощала вместе с ним неисчерпаемые запасы домашнего вина. Судя по всему, он просто жалел заработавшегося Ивана. По субботам и воскресеньям в одном из соседних дворов, не умолкая, гремела современная музыка. Молодые люди выносили динамики на улицу — вот как мы отдыхаем. Вечерами все стихало, а дачники — трезвые и подгулявшие, шумные и спокойные, лентяи и работяги — с удивительным единодушием садились к телевизорам. Иван продолжал ухать своей «бабой», но старался потише, стеснялся нарушать дачное благолепие. «Надо же: телевизор на даче!» — удивлялся он.

Кроме молчаливого соседа, никто к Ивану не заходил, только иногда прибегала за куском черная дачная дворняжка да терся об изгородь чей-то рыжебокий теленок. Глаза ему закрывала дощечка, наверно, чтобы не уходил далеко и не лазил, куда попало. Если теленку надо было посмотреть перед собой, он резко вскидывал голову, и тогда дощечка на мгновение открывала глаза.

Иван без устали колотил тяжелой «бабой» и сам для себя то и дело повторял любимую поговорку армейских младших командиров: «Не доходит через голову — дойдет через руки». Иногда его беспокоила мысль о том круге, который замкнулся для него здесь, в этом поселке. Вспоминался неблизкий путь через далекие земли, люди на этом пути. И были в этом круге дед Михаил, отец Иван, Никанор Иванович и даже — ничего не поделаешь — дядя Гриша. «Не слишком ли заурядно все кончилось? — сомневался он. — Дача. — И успокаивал себя: — Будет кусочек земли сыну... Вот возьму и назову его Иваном, появится в семье еще один Иван Иванович. Кто знает, на кого из дедов вырастет он похожим? Может, вообще будет каким-нибудь Иваном, не помнящим родства?..»

Помани мне из окна

С того самого времени я стал подолгу гулять вечерами, каждый раз меняя маршруты. Первоначальное желание обновлять впечатления превратились в боязнь замкнутого пространства. Клаустрофобия — психическое заболевание, обычно квартирное, у меня же — в масштабах города. Впрочем, ерунда, это плоды повышенной мнительности, которая обострилась у меня с того самого времени.

— Великолепно! — заключил доктор.

— Что великолепно?

— Н-ну-у, все. — Он на секунду растерялся, пойманный на слове. Я и без того знаю, что все великолепно...

— Хотите анекдот? Свежий!

Профессиональные методы в разговоре действуют на меня удручающе.

— Я его знаю.

— Но вы даже начала не слышали.

— Извините.

Долго сижу в аллейке перед собственными окнами. Это очень интересно — смотреть на свои окна. Иногда кажется, что вот-вот выглянет светловолосый человек с испуганными глазами, серым усталым лицом и кивнет. Сам себе. А чаще всего пытаюсь угадать, что там про-

исходит в мое отсутствие. Что там будет после меня? Люди уходят — дома остаются. Оттого, пожалуй, не я смотрю на окна, они на меня.

Перед глазами безукоризненный порядок, который стараются соблюдать все. Из боковой двери магазина выходят два грузчика, сейчас они начнут собирать лотки с овощами. А через пять минут стукнет дверца киоска «Союзпечать». Киоскерша посмотрит на часы, зайдет за хлебом — дверь в дверь — и отправится домой. Затем очень важный человек с непроницаемым лицом соберет стаканы и отключит автоматы с газированной водой. Утром, когда я выхожу на работу, то же самое проделывается в обратном порядке. Лица у всех одинаковые и утром и вечером. Может быть, и киоскерша и грузчики в это время не здесь, а где-то в своих других заботах? Нарушает картину привычного действия только один человек. Хотя вполне возможно, наоборот, дополняет. Он все время сидит у окна и курит. Ничего не делает, только курит. Живет он прямо подо мной, и я, глядя на свои окна, всегда вижу его. Окурки он бросает на тротуар, не заботясь нисколько, увидел ли кто. Времени для него, судя по всему, не существует, а потому — и порядка и необходимости подчиняться ему. Человек, которому все равно, — так прозвал я его. Остальные живут по графику, казалось бы, составленному с учетом всяких незначительных отклонений: болезней, отпусков, опозданий...

Вот идет старушка. Она проходит здесь в одно и то же время, и кошелка в руках у нее одна и та же. Старушка быстро отмеряет семь-восемь шагов и внезапно останавливается. Не просто останавливается — замирает. Носки широко разведены, свободная рука застывает на отлете, неподвижное лицо напряжено. Всякий раз в эти мгновения я едва не бросаюсь к ней, чтобы предложить свою помощь, но тут же она как ни в чем не бывало делает снова семь-восемь быстрых шагов, потом опять остановка, и так, пока не скроется из виду. Можно подумать, старушке тяжело идти, поэтому она так часто отдыхает, но легкие скорые шаги не вяжутся с усталостью. Должно быть, здесь другое: она то и дело вспоминает, что спешить давно уже не надо никуда, и если бы не инерция, не привычка, можно было вообще не двигаться. Тогда она останавливается и пережидает ненужную спешку. Постоит, опять забудет — и вперед.

— Может, мне бросить курить?

— Курить? Пожалуй... А впрочем, не стоит. Организм перестраивается в течение трети курительного стажа, перестройка эта болезненна, неприятна — давление, аппетит. Вы сколько лет курите?

— Около двадцати.

— Вот видите, не стоит.

Удивительно деликатный человек! Он, по-видимому, понял, что допустил ошибку и тут же попытался утопить ее в потоке слов.

— И вообще никаких ограничений! Что вы в самом-то деле? Курите, пейте, имейте любовниц. Вы ведь, кажется, не женаты?

— Нет.

— Женитесь наконец.

— Послушайте!

— А, перестаньте, бога ради! Хотите спирту?

Чудовище! Он нисколько не думает, как могут подействовать его слова. Зачем же лишнее подтверждение, что шансов у меня немного?

Я могу не работать, вернее, не ходить на работу: с тех пор, как заключил договор с редакцией, дел хватает дома, за письменным столом. Однако тут вступает в силу противоречивость порицаемого мной распорядка. Если лишить себя ежедневной обязанности являться на службу, волей-неволей придется упорядочить свои прогулки. Ведь маршрутов становится все меньше и меньше. Тогда моя борьба с неизбежностью потеряет остроту и станет наконец бессмысленной. Нет, буду ходить на работу, в принципе это не составляет труда, вот только

утром... Тугая боль всю ночь ворочается в желудке, а наутро вместе с тошнотой подступает к горлу. Главное — пережить эти утренние часы, днем я чувствую себя отлично.

Всю территорию городского сада-дендрария я разбил на секторы и по очереди обхожу их. Сколько секторов — столько маршрутов. Удивительно, здесь никто и никогда не спрашивает, что вам нужно. Все заняты своими делами и на посторонних не обращают внимания. Хожу по дендрарию, изучаю таблички с надписями. Ломонос. Далее следует по латыни и часть света — его родина. Теплые края! Растение представляет собой конус правильной формы, метра два высотой, весь в фиолетовых цветах, зелени совсем не видно. Правда, с теневой стороны фиолетовый купол заметно поредел, оголились тонкие извилистые ветви. Гость поневоле, ему не переспорить здешнее время — конец августа. А как же зима, снег?.. Люди укроют, позаботятся о том, чтобы он не погиб, чтобы опять увидел лето и смог распустить свой роскошный фиолетовый купол. Он вберет в себя тепло, медленно напьется им и выдохнет могучее цветочное облако. Но опять не успеет понять, где он и что с ним. Не успеет даже подумать, что его обманули. Спи, — скажет сентябрь. Так горький пьяница, не протрезвев еще, напивается вновь.

Весь дендрарий кажется смещенным по меридиану далеко к югу. Он, как остров, со своим, непонятно откуда взявшимся, микроклиматом. Мне кажется, рядом, за оградой, все эти деревья, кустарники и плоды ни за что не стали бы расти.

Однажды я познакомился с виноградарем. Специальность необычная для Сибири, и слово звучит необычно. Еще один, кто хочет обмануть порядок. На вид ему далеко за семьдесят, хотя не заметно обычных для этого возраста сутулости и шаркающей походки. Выдает только белая борода. Широкополая соломенная шляпа на самых глазах, отчего все лицо и даже шея надежно защищены от солнца. Но, несмотря на это, загар у него, как у настоящего южного виноградаря.

Виноградник разбит в небольшой ложбине, открытой солнцу весь день. Зимой ее наверняка заметает глубоким снегом, в дождь хорошо смачивает, от северных ветров защищают три огромные липы.

Наблюдаю за стариком. Он ходит от лозы к лозе с большим тазом и долго примеряется, прежде чем срежет гроздь, совсем маленькую — можно спрятать в ладони. На меня старик не обращает внимания, словно не замечает. Но это не так. Он ставит наполненный таз на столик и неожиданно направляется ко мне.

— Первая проба. — Он протягивает две кисточки — зеленую и синюю. — Другие еще не скоро, это опытные.

Кисточки не вытянутые, не суженные книзу до одной ягодки, как обычно, а круглые, прохладные и тугие.

— Давно вы этим занимаетесь?

Он притрагивается к шляпе, словно хочет почесать затылок, но тут же сразу убирает руку.

— А вот вместе с ними первый раз высаживал. — Он кивает на могучий бруствер из трех лип и, как-то сразу потеряв интерес ко мне, медленно уходит в другой конец виноградника.

Немного отойдя, решаюсь попробовать виноград. Ах ты, старый обманщик! Так ничего у тебя и ни получилось. Под грубой кожицей — нечто напоминающее недозрелый крыжовник. Как долго можем мы обманывать себя! Гораздо дольше, чем других...

На высоком берегу небольшая открытая беседка, слегка напоминающая ротонду. Отсюда хорошо видны большая часть дендрария и виноградник. Уже не различить отдельные знакомые мне растения, они

сливаются внизу в единый массив и почти не выделяются из обычной беспризорной зелени. Это не оазис — мираж.

— Скоро мы с вами распрощаемся.

— Думаете, можно будет снять меня с учета?

— Вполне возможно, но дело не в этом. Я уезжаю.

— Далеко?

— Жена тут потихоньку занималась обменом, так, на всякий случай — подвернулся интересный вариант. Представляете, черноморское побережье, курортная зона — о-бал-деть! И пациенты — не больные, а отдыхающие, люди, приехавшие поддержать свое здоровье. Заметьте: здоровье! всю жизнь завидовал этим розовощеким эскулапам с ласковых берегов... Кто не видал, тот не полюбит никогда-а-а!

— В сущности, это добровольный отказ от практики.

— Совершенно верно. Де-зер-тир-ство! Красота, черт побери!

— Но...

— Я утоплю позор в морской пучине!

В моей аллейке недавно выставили пост. Дежурят три милиционера по очереди, следят, чтобы улицу переходили в положенном месте. Работы у них хватает. Один невысокого роста, в ладно подогнанной форме — я прозвал его служаккой. Стоит кому-нибудь лишь глянуть на противоположный тротуар в стороне от перехода — уже свистит. Долго и пронзительно. А уж если замечена прямая попытка к нарушению правил, он непреклонен. Подходит к «жертве» строевым шагом, козыряет и представляется — все как положено. Затем беседа. Если кто-то из торопливых нарушителей вздумает перебить его, беседа возвращается к началу. Другой, его сменщик, старается сесть в укрытое кустами место и прежде времени не шуметь. Он ведет массовый отлов. Штрафует без лишнего слов, понимающе кивая и разводя руками: сожалею, но что поделаешь? Снайпер. С третьим все не так, этот не пойдет по службе. И без того верста коломенская, еще и садится на самое видное место: вот он я, бойтесь. Никто его не боится, потому что смотрит он исключительно себе под ноги и думает, по-моему, не о службе. Мечтатель. Милиционерам в помощь выделяют мальчишек, так называемый «зеленый патруль». Нарушители не только пренебрегают правилами дорожного движения, но еще топчут газоны. Не знаю, как в другом месте, но на нашем участке милиция смело могла бы положиться на одних мальчишек. Сужу по своему соседу-пятикласснику. Мало того что он ежедневно прихватывает три-четыре дежурства сверх своего, бдение продолжается и дома: его окна, как и мои, выходят на улицу. С милиционерами он накоротке: Сашка, Витька, Петька... За остальных не ручаюсь, а Сашка — долговязый. Однажды и ему надоел несмолкающий соседский свисток.

— Ты кончай, — погрозил он свесившемуся с подоконника помощнику.

Тем временем целая вереница мальчишек прокладывала дорогу через газон.

— Да ты что, Шура!.. — От возмущения сосед растерял слова и, махнув рукой, засвистел снова.

— Как дела с переездом, доктор?

— Нормально... неизбежные глупости при суете. Покупатели за мебелью пришли, по объявлению. Я ее, честно говоря, выбросить собрался — не везти же рухлядь за тридевять земель. А тут случай представляется. И что вы думаете? Не могу! Дьявольщина какая-то, будто держит кто. Сделал вид, что не сторговались. Жена не разговаривает. Ну не идиот ли?

— Корни.

— Что?

— Корни, говорю, держат.

— Глупости! Я там, на благодатной-то земле, такие корни пушу — ни одному дантисту не снились. Просто опыта не хватает.

— Ничего, придет время, на рынке научитесь торговать.

— А что, вариант допустимый, хотя и необязательный.

Сегодня иду к реке. Город тянется по берегу километров на двадцать, так что впереди масса новых маршрутов с речными пейзажами. Немного прохожу берегом маленькой речушки с таким же названием, как у города. Она тихо крадется к устью и, кажется, не впадает, а вползает в большую воду. По дороге совсем стемнело, и на берегу я очутился в ночи. День, видимо, окончательно признал осень, стал уходить поспешно. Однако в остальном осени не чувствуется: высоко звенят комары, весело поигрывает рыбешка. На другом берегу мерцает рыбацкий костер. Световая дорожка от него тянется по долгой диагонали и останавливается у самых моих ног. Костерок совсем небольшой, но свет его не тает в черной глубине, доходит таким же ярким, как начинается. Иду по берегу, дорожка бежит следом и все тычется мне в ноги. Прохожу дальше — она за мной. Ноги сами собой тянутся к бликующей тропке, будто к единственному мостику через бесконечную воду. Совсем рядом увесисто шлепает по воде крупная рыба, дорожка волнуется, рябит.

На обратном пути неожиданно замечаю, что маленькая речушка шумит. Непонятно. Может, днем ее шум не был замечен среди другого? Нет, здесь всегда тихо. А вдруг ночами она бежит обратно и шумит оттого, что сталкивается сама с собой. Хочу посмотреть, но большие темные кусты отгораживают меня стеной.

— Думал, не увижу вас больше.

— А я вот он. Мои коллеги считают, что акклиматизацию лучше всего начинать с весны. Вот мы и решили подождать.

— Вот те раз!

— Вам что! Сиди себе за столом — утро, вечер, выходной. А мне надо строго отдых от работы отделять, иначе смещение произойдет, оно опасно в любую сторону. Как же быть среди всеобщей отпускной вакханалии?.. Знаете что, давайте я вам уступлю свой обмен, хотите? Квартиры у нас почти одинаковые, район тоже. Море, фрукты, солнце — с ума сойти! Сплошной праздник! Надо по возможности продлевать себе жизнь. Она ведь, жизнь-то, короткая.

— Чья?

— Что вы на самом-то деле! Моя, твоя, наша! Кто вам сказал, что жизнь — ваша. Вбили себе в голову, дескать, самая неоспоримая моя собственность, могу распоряжаться ей как хочу. Черта с два! Это она, что хочет, то с вами и сделает. Захочет — сбежит. Так что вопрос — кто чей — открыт.

С высокого берега река совсем другая: не бесконечная гладь, а извилистая лента. За дальним берегом до самого горизонта пойменная зелень — заливные луга. И река, и пароходы, и люди у воды — все смотрится отсюда примерно в масштабе один к ста. Казалось бы, именно здесь и ощущать свое величие, но нет. Ты сжимаешься вместе со всем, что видишь. Так думаешь, когда нечаянно раздавишь бродячего жука: а какой башмак занесен над тобой?

Здесь самое красивое место на земле. Может, все дело в моем состоянии, но раньше ни об одном месте я так не думал. На переполненном вдохе начинает покалывать в груди, а хочется вдыхать еще и еще. Хочется поглотить весь этот воздух, раствориться в нем и вместе с ним обнять все — от голубого неба до синей воды.

На следующий день маленьким пароходиком перебираюсь на другую сторону реки. Оттуда, оказывается, очень трудно сориентироваться,

потому что берег совсем не такой, каким видится издалека. Он изрезан небольшими фиордами, местами топок. Пройдя с километр, начинаю жалеть, что забрался сюда, но вдруг замечаю впереди маленькую приземистую палатку. Ее владелец поначалу никак не реагировал на мое появление, будто сидит на проспекте, а мимо идут и идут прохожие.

— Как рыба? Клюет?

Он пожимает плечами, и только тут я замечаю, что у воды не видно никаких снастей — ни удочек, ни закидушек.

— Вы что, не рыбачите?

Вместо ответа он неожиданно предлагает:

— Хотите чаю?

За чаем честно рассказываю про костер, про дорожку. Ему это понятно: улыбается, медленно покачивая головой.

— Сказать по правде, не ожидал здесь встретить человека без удочек.

— А вы-то сами?

— Я на огонек.

— А мне там тесно... С детства занимает одна штука. Помню, по географии в школе учили: на земном шаре сколько угодно районов, даже целых государств, где плотность населения меньше одного человека на квадратный километр. Сколько тут вот будет? — Он кивает на заливные луга. — Много! На каждый палец по километру, дыши — не хочу.

— Для разнообразия неплохо. По ту сторону на квадратном метре давка.

— О каком разнообразии вы говорите? Это ведь как компот из сухофруктов: чего только не намешано, а вкус одинаков, кто ни вари, сколько ни пробуй. Я вот сижу здесь, а смотрю туда. Туда и притопаю.

— А потом опять сюда?

— Жена у меня болеет, с кровью что-то. — Он молчит, думает, продолжать ли. — Всех врачей обошел — безнадежно. Переливание уже не помогает, надо делать пересадку спинного мозга, и это — один шанс из тысячи. Видите, у нас с вами ногти и ладони розовые, а у нее — белые. Болезнь почти никак не проявляется, разве что устает она быстро. По-моему, она прекрасно все понимает, только обычно в таких случаях человек жалеет самого себя, а она нет. Сядет напротив и смотрит так, будто это я болею неизлечимо. Ну точно на собаку, умирающую от старости, смотрит. Я в эти минуты цепенею — жуть какая-то! Ненормальность. Принес ей на днях орехов грецких, врачи посоветовали. Утром просыпаюсь — а они у меня на тумбочке лежат, расколотые уже. Или вот белье теплое мне купила — в жизни его не носил. Если б она, допустим, мстила за жалость, это ведь многим не нравится, но я же вида не подаю. Состояние идиотское, каждый день в напряжении, не знаешь, чего ожидать.

— Больные мстительны, вы правы...

Пароходик пришел поздно. Я уж думал, придется ночевать здесь и соорудил нечто вроде шалаша возле самого дебаркадера, чтобы утром вернуться с первым рейсом. Стемнело. На противоположном берегу сверкала целая иллюминация, но ни один огонек почему-то не оставлял следов на воде. Наверное, они слишком далеки от берега.

— Хотите спирту?

— С утра, доктор? А как же ваша граница?

— Какая граница?

— Ну, между отдыхом и работой. Забыли.

— А-а! Пропади все пропадом! Сплошные границы. У вас не было когда-нибудь желания пойти и сказать кому-нибудь с самого утра, что он порядочная свинья?

— У вас, я чувствую, появилось? И кому же?

— Ха-ха-ха! Самому себе!

— Послушайте, какого дьявола вы-то рефлекслируете? Здоровый, сильный, неудачником вас не назовешь.

— Я-то? Все дело в том, что больные рефлекслируют, как вы изволили выразиться, из-за болезни, а здоровые, наверно, от здоровья. Логично? Кстати, вам надо заново сдать все анализы.

— Если бы это хоть как-то отразилось на моих внутренностях.

— Ну, мил человек, сумели заболеть, умеете и лечиться. Так что насчет спирта, отказываетесь?

Неожиданно пришла настоящая осень. В детстве мы часто играли в догоняшки. Бывало, выпадет гоить кому-нибудь из ребят постарше, посильнее. Бежит он за тобой, и ты, удирая, знаешь: все равно догонит. А дотянется до плеча — визжишь.

Началось обострение, обычное для этого времени года. Почти две недели я сидел взаперти, наблюдая из окна, как стремительно расправляется осень с зеленью.

Внезапно умер сосед, тот самый, которому все равно. Его не спасла даже самая безопасная из занимаемых человеком позиций. Просто остановилось сердце... Я никогда не узнаю, о чем думал он, когда его сердцу надоело работать, когда оно смертельно устало. Может, он подумал, что лучше было бы вообще не иметь сердца, чтобы не было так больно. А может, решил наконец, сидя у своего окна, что действительно все равно. И тогда он сказал: стой!

Доктор уехал в отпуск, не позвонив, не оставив записки. Наверно, решил передать мне что-либо через сестру. Но ни в кабинете, ни в регистратуре ничего для меня не было. Сестра только пожала плечами в ответ. Как же так, ведь он знает, что в это время бывает особенно тяжело. Неужели списали? Или он специально, мол, все хорошо, живите покуда нормальной жизнью, без моего вмешательства? Вполне возможно, что это одна из его изуверских шуточек: давай, дескать, годом раньше, годом позже... Чертов коновал!

В аллее многое изменилось, а самое главное — нарушился привычный порядок. Лотки с овощами убрали до следующего лета, до той же поры заколотили автоматы с газировкой. Под черными фанерными колпаками они похожи на старые потемневшие грибы. Милиционеров не видно, мальчишек из «зеленого патруля» — тоже. Впрочем, «зеленый патруль» — это, наверно, самая недолговечная организация, на три месяца в году. Мой маленький сосед, похоже, бунтует против этой несправедливости: то и дело слышен его свист. Но прохожие почему-то не оглядываются и спокойно идут через газоны.

А вот и старушка. Вместо привычной кошелки в руках у нее горшок с цветами. Зелени почти не видно, ее закрывает белая шапка из небольших цветков-звездочек. Старушка застывает на месте, а звездочки мелко-мелко дрожат. Куда это она? Где и что хочет спрятать от неминуемой зимы?

Окно подо мной пусто и кажется самым черным окном на свете. Вдруг сердце замирает: и в моем окне пусто? Этого не может быть, неправда! Вот он я, махни мне рукой! Что тебе стоит?

Через голые ветки просматриваются очертания бездушных коробок с пустыми окнами и бесконечное серое небо. Осень все привела в такой вид, будто ничего и не было: ни зелени, никаких других красок, кроме серой.

А может, и правда, ничего не было? Совсем ничего. Я никуда не ходил. Я еще не родился.

Ступин Владимир Иванович родился в 1952 г. в с. Курья, на Алтае. Закончил Алтайский сельскохозяйственный институт. Работал учителем физкультуры, экономистом райсельхозуправления, вторым секретарем райкома ВЛКСМ, в настоящее время — секретарь парткома совхоза «Дальний» Краснощековского района. Публикуется впервые.

Владимир СТУПИН

ВЗАПРАВДАШНИЕ ИСТОРИИ

Мужицкая наука

Василий Губин, учетчик отделения, был в это утро чем-то обеспокоен. На вопросы рабочих отвечал через раз, постоянно посматривал на дверь. Кого-то ждал. Часы показывали начало девятого. «Вот шнурок, — мысленно ругал он своего помощника. — Ведь сказано было к восьми...» Но вот в дверях показался Володька Спириин. Губин облегченно вздохнул и вышел вместе со своим помощником из конторы. Доверительно заговорил:

— Слушай и не перебивай. Поклеп на меня возвели. Кто-то из механизаторов накапал директору, мол, зябь не замеряет, то и се. Значит, так. Ты сейчас бери коня и дуй в поле, замерь ночную пахоту. Замерь и бегом на полевую бригаду. В десять часов приедет директор... Усек? Подведешь если — башку сорву.

— Да ясно.

— Ну дуй. Сажень лежит в ходке.

Володька в этом году закончил среднюю школу. «Провалился» на вступительных экзаменах в институт. Вернулся домой, пошел просить работу. Предложили технику. Отказался: не любил ее. Вот и направили его в отделение помощником учетчика. Работа Володьку устраивала. Несложная и, главное, среди людей. Василий, понятное дело, к самостоятельной работе пока не допускал. Не все сразу. И вот на тебе — ездай замерь...

До поля пять-шесть километров. Значит, час на езду, — размышлял Володька. Получается, что где-то без четверти десять он должен быть в бригаде. Надо выручать Василия. Мужик он ничего. И в отделении его любят. Даже непонятно, кто это на него наябедничал?

Так за размышлениями он добрался до места. С пригорка заметил ровный прямоугольник свежей пахоты. Обрадовался, что площадь ровная, без клиньев. Замерил он быстро, без суеты. Внимательно подсчитал, записал результаты. И, не теряя времени, тронулся в обратный путь, в бригаду. И тут случилось непредвиденное. Распрягся конь. Дуга свалилась на одну сторону, все привязи ослабли и сбились. Володьку бросило в жар. Он выскочил из ходка, внимательно осмотрел все это замысловатое снаряжение и с ужасом понял, что не знает, как ему быть и что делать. Волнуясь, он отвязал несколько ремней, примерил дугу так и сяк и окончательно разладил упряжь. Его охватила паника. Хоть плачь. Конь стоял смиренно, поглядывал на Володьку выжидающе: ну, мол, чего же ты?..

Так Володька просидел в ходке около получаса. Он уже и не ду-

мал о том, как выйти из создавшегося положения. Беспокоила встреча с Василием. Как ему объяснить непредвиденную задержку? Предчувствие унижительной сцены заняло все его мысли. Вдруг кто-то тронул его за руку. Володька вздрогнул и поднял глаза.

— Сломался? — перед ним стояла незнакомая старушка.

— Ага, — неуверенно проговорил Володька.

— Ну давай я тебе помогу.

Когда повозка была готова, старушка попросила довести ее до развилки. Володька повеселел.

— А ты откуда взялась, бабушка?

— На пасеку за шипичником ходила. На заварку чая. Да вот ноги не те стали. Видно, отходили свое.

Дальше он не слушал ее, думал о своем. У него даже мелькнула мысль явиться с живым свидетелем его несчастья. Но потом он отбросил эту мысль. Будь что будет.

Володька увидел Василия издалека. Тот не шел, а бежал ему навстречу.

— Убегай! Зашибу! — кричал он, размахивая руками.

Володька остановил коня и на всякий случай отошел в сторону.

— А ну, ползи сюда! — приказал Василий. — Счас я тебя обмеряю... Я тебе такой замер произведу — век не забудешь!.. Иди сюда, кому говорят!

— А бить будешь?

— Вломлю!

— Выслушай сначала, я ж не нарочно...

Василий направился к лошади. Сел в ходок.

— Ты мне больше не нужен.

Володька подошел ближе.

— Говорю же тебе, что не виноват...

Василий немного уже остыл, сказал со вздохом:

— Не виноват... А кто виноват? Не хочешь работать, так и скажи.

— Да не в том дело...

— А в чем? Договорились же... Где ты был? Почему не приехал вовремя?

— Стоял.

— Как стоял? Почему?

— Конь распрягся.

— Ну и что?

— А то: запрягать не умею.

— Бреши. Не умеет он запрягать.

— Честно говорю.

Василий глядел на него изумленно:

— А кто же тебе запряг?

— Да бабка тут одна, шиповник на пасеке собирала...

Некоторое время ехали молча. Потом Василий начал хохотать. Такого смеха Володька еще не слышал. Губин разошелся так, что вывалился из ходка, упал в траву и продолжал корчиться от смеха. Володька смотрел на него с тревогой. Как бы плохо ему не было. Но ничего, обошлось. Василий наконец успокоился. Сказал серьезно:

— Эх, горе, горе! Чо мы ждем от села? Подумать страшно. Десять классов закончил, завтра в армию, а он не умеет коня запрягать. А уж если, Вовка, честно говорить, то смешного тут мало. Ты ведь в селе вырос, а к сельской жизни не готов. Как это так получается? Нет. Надо вас всех к телеге привязывать. А то и от машин шарахаетесь, и про коня забыли. Ты слушаешь меня или нет? Да за это знаешь что делать надо? Это же дезертирство. Понял? Вы все в город, все в город, а село кто поднимать будет? А? Молчишь? У меня нутро переворачивается, когда гляжу на такое...

Вообще-то Василий был молчун. Много говорил, когда допекут.

Но говорить был мастер. Даже ругался он по-особому — приятно было слушать. Закончив длинную для него речь, он вдруг соскочил с ходка и начал распрягать коня.

— Счас я тебе преподам урок. А то бабки скоро перемрут, и ты без них очокуришься! Значит, так. Слушай. Смотри. А что будет неясно, спрашивай.

И Василий стал объяснять:

— Перво-наперво: к коню надо подходить смело. Он чувствует всякую нерешительность. — Он похлопал коня по шее. — Второе, значит: надеваешь вот эту штуку. Называется она «узда». Так вот надеваешь. Усек? А это вот удила. Железные, с двух половинок, на шарнирах. Слышал, говорят: закусил удила? Это про лошадей. — Он усмехнулся криво. — Директор наш сегодня тоже закусил удила. Прямо никакого удержу. Досталось мне... Ладно, пошли дальше. Берем седелку, вот она. Одели. Застегиваем теперь подпругу. Потуже. Так. Теперь хомут с гужами одеваем. Гляди, гляди, как это делается.

— Дак не налезет же на голову.

— Налезет. Развернем его кверху клешнями, а теперь еще разворачиваем. Мотай на ус. Теперь расправляем шлею. Вот так. Хвост перебрасываем. Готово. Тут, Вовк, важно, чтобы шлея не под хвост, а под бедра. — Он опять гоготнул. — Вот у меня вчера она под хвост попала, потому сегодня директор и удила закусил... Ладно. Теперь заводим коня меж оглоблями. Берем дугу. Вставляем вот так в гуж через оглоблю... Переходим на другую сторону. Вишь? Держится, но хреново. Что надо? Закрепить? Правильно. Значит, надо затянуть супонь. Так вот ногой упираешься и тянешь. Готово. Запомнил? Если слабо, надо укоротить гуж. На слабом далеко не уедешь. Вот из-за чего ты меня сегодня подвел! Скажи спасибо, что душа у меня мягкая. Так. Остаётся подтянуть чересседельник. Поднимаем вот столь. С другой стороны вот так. На это дело чутье должно быть. Ну а теперь надо руль установить. Вожжи, значит. Закрепляем их за кольца узды. Вот. А ну, второй конец сам задерни. Все. Конец уздечки протягиваем в кольцо дуги, завязываем — и дело в шляпе. Ну, трудно?

— Да что тут трудного? Просто я не знал.

— Не знал. А спросить не мог? Ладно. Коли взялись за учебу, то пошли дальше. Показываю, как надо распрягать и укладывать сбрую. Учись, Вовка, пока я жив. Мужичья наука — это тебе ого-го!.. Ну вот, вся упряжка на месте. Бичик, правда, язви его, вчера потерял. Ну, это раздобудем, не горюй! А теперь давай-ка сам запрягай.

— Да ладно, Василий, все ясно.

— Запрягай! Погляжу, как ясно.

Володька спорить не стал. Поднял с земли узду и подошел к коню. Не успел надеть узду, как из-за бугра показался «уазик» директора. За рулем был сам Василий Дмитриевич. Приостановив машину, он спросил:

— Это что тут за цирк?

Василий промолчал. А Володька ответил:

— Запрягаю, Василий Дмитриевич. Учусь.

— Ты вон его запряги, — директор кивнул на Василия и бросил к ногам Володьки бич. — А этим вот вдоль спины его, чтоб хорошо тянул. А то выпрягся окончательно...

— Видал? — вздохнул Василий, когда директор отъехал. — Кровосос. Интересно, а где это он мог мой бичик подобрать? Неужто... А, черт с ним! Ты вот что, — весело глянул на Володьку. — Завтра приходи пораньше на конюшню. Будем повторением заниматься. Понял? Ну, поехали.

Наговорившись, оба молчали. Трудно было угадать, о чем думал Василий. Володькино же лицо светилось счастьем. Хорошо, когда тебя окружают такие добрые, замечательные люди.

Что-то точит внутри...

В доме у Тарасовых напряженно. Глава семьи Геннадий Петрович, мужчина лет сорока, одетым лежал на диване и болел.

— Точит внутри. Похоже, червяк завелся, — сказал он жене. — Наверно, капец.

Трусоват был мужичонка. Любую царापину переживал очень болезненно. При гриппе, ангине или если зуб болел, сразу ложился в постель. Ну а если бывало, что где-то подозрительно кольнет, то для семьи наступали тяжелые дни. Он начинал создавать в доме предсмертную обстановку, всех и вся обвинял в его болезнях.

— Ген, — тихо сказала его жена Лена, — ты бы съездил в больницу. Давай я попрошу Рыбалко. Григорий Иванович тебя на «Жигулях» свозит. Что ты себя заживо-то хоронишь?

— Да иди, господи, — простонал он. — Поживей только. А то сейчас начнешь губы красить.

Лена сходила очень быстро.

— Пообедает и поедете. Молодец, прям сразу согласился. Тебе, Ген, ничего не надо?

— Здоровья мне надо!

— Ну что ты на меня злишься?

— А на кого же мне злиться?

— Ну я прям не знаю, что и делать. Как хоть болит?

— Как при родах, — усмехнулся он.

— Ты-то откуда знаешь?

Их разговор прервал забежавший в дом сын — пятиклассник Сашка.

— Мама, где мои железки, что я в сенцы клал?

— Тише звени, — прикрикнула Лена. — Отец болеет.

— Да ты его не одергивай, — отозвался Геннадий. — Ты ему расскажи, как меня во сне в белых тапочках видела.

— Ну что ты при ребенке плетешь?

— Расскажи, расскажи, — не унимался Геннадий, — чтоб готовился. Двадцать лет живу с тобой, и ты каждый год во сне видишь, что у тебя зубы выпадают все до мудрых, очень больно выпадают. Или в свадебном платье избу белишь. Не терпится полюбоваться на меня в гробу. Ну, теперь, похоже, сон в руку. Наворожила.

Сашка молчком выскользнул из избы. Для него такие беседы не в новинку.

— Как тебе, Ген, не стыдно? Всякую чепуху при ребенке собираешь. Тут от одних твоих слов скоро ноги протянешь.

— Да нет, живи. Повиляй еще задом, повиляй.

И так без конца. Одно и то же повторялось в разных вариантах. Геннадиева болезнь приносила гораздо большую боль семье, чем ему самому.

Интересно было и другое. Если недуг одолевал кого-либо из сыновей, угрозы и ругань адресовались в их же сторону:

— Что, ангина? А я знал! Грудь нарастапашку, воду холодную жрешь ковшиками... Утолил жажду? Теперь лежи и чтоб даже писку не было слышно.

Или:

— Что ты корчишься? Зуб! Дупло? А я что говорил... Я уже на языке мозоль натер: запломбируй, запломбируй. Как об стену горохом.

Таков он был, Геннадий. Но это только при болезнях. А так нормальный, как и все люди: умел работать, любил отдыхать.

После обеда за Геннадием заехал его сосед Рыбалко. Соседями жили много лет. Всегда и во всем друг другу помогали.

- Захворал? — просто спросил Григорий.
 — Заболел, Гриш. Ты уж не серчай.
 — Да брось ты! Как маленький. Чо болит?
 — Да что-то внутри, но, кажись, на этот раз серьезно, хоть на стенку лезь.
 — Может, желудок?
 — Да черт его знает.
 — Отравился, поди?
 — Может.
 — А чо ел?
 — Вроде ничего особенного. Рыбу.
 — Какую?
 — Чебак, окунишки. Сашка с пацанами неводил.
 — А-а...
- Замолчали. До райцентра было километров двадцать. Григорий уверенно вел машину.
- Может, и от рыбы давит, — вновь заговорил Геннадий. — Счас ведь не поймешь, откуда беды ждать.

В регистратуре районной больницы работала двоюродная племянница Геннадия. Она быстро отыскала его карточку и сама отнесла к врачу. Возле двери с надписью: «Терапевт» стояло человек пять. Но Геннадия вызвала сразу. Войдя в кабинет, он увидел молоденькую девушку.

- На что жалуетесь? — спросила девушка строго.
 Геннадий молча показал на грудь.
 — Раздевайтесь по пояс. Что болит?
 — Это я вас приехал спросить, что болит.
 Тон разговора да и вообще поведение больного врачу не понравились. Она молча его простукала, прослушала. Потом долго что-то писала.
 — Приедете на обследование, — сказала наконец.
 Геннадий вздохнул:
 — Серьезное что-нибудь?
 — Посмотрим, — уклончиво она сказала.
 — Ну, все! — выдохнул Геннадий. — Приглашаю на лапшу...
 И вышел. В коридоре увидел, как Рыбалко разговаривал со Станиславом Михайловичем Колоколовым, главным врачом больницы. Подошел, поздоровался, сообщил, что дела «смертельные». Станислав Михайлович пошел уточнить диагноз.

— Не дрейфь, Генух! Тут счас практиканты работают. Колоколов перепроверит, — сказал Рыбалко.

Главный врач и в самом деле минуты через три вернулся и пригласил Геннадия к себе в кабинет.

— Ты ему дай чертей, Михалыч! — крикнул вдогонку Рыбалко. — Чихнет не так — и в обморок от страха падает.

— Ты что же это, Геннадий? — спросил главврач. — Из еды одно мясо предпочитаешь? Ты этим брось баловаться, так желудок надсадишь. Вот устанавливаю тебе на пятнадцать дней «пост». Молоко, все молочное, овощи, мучное — и все, баста. Как другу разрешаю один раз за это время курятины попробовать. Все как рукой снимет. Я как раз на этот период уезжаю в крайздрав. А тут, сам видишь, одни практиканты. И выпрямись, выпрямись, а то как на морозе раскрылатился. Про наш разговор никому. Договорились?

— А это в нужник? — Геннадий показал рецепт.

— Это не повредит. Ну, будь здоров.

По дороге домой Геннадий без умолку восхвалял умных медиков:

— Гриш! Ну ведь приятно с такими людьми потолковать. Ешь.

говорит, Генк, все природное, и слона переживешь. Вот, я понимаю, врач! Да, по-человечески сказать, я уже почти здоров. А что делают практиканты? То кишку глотай, то одно, то другое... Вредительство. Между прочим, мне сегодня тоже на такое обследование намекали. Нет, Гриш, видно, поживем еще!..

Домой Геннадий вошел бодро.

— Так, мать, — весело сообщил он. — Был на приеме у добрых людей. Теперь баста! Пост на полмесяца. Всем. Больница кишит практикантами, а им, ясное дело, практика нужна. Чтобы уйти от этих опытов, переходим на природные продукты. И не вздумайте мне потом охать, если не послушаетесь.

Лена облегченно вздохнула. В доме Тарасовых наступили мир и покой.

Взаправдашные истории

Излюбленным местом для мужиков села была совхозная баня. Тут тебе и тепло, и пар. Это само собой. А еще то, что зимой в тесном предбаннике, а летом на полянке перед баней можно было услышать всевозможные новости, прогнозы и открытия, да и просто истории. Кто хоть раз становился их свидетелем, тот не мог к ним относиться равнодушно. Бывало так, что и очередь свою простоят человек, а не уходит — охота дослушать историю. А иной после бани добрый час просидит. Разгар бесед, как правило, падал на вечер, когда люди сделают свои субботние дела и спешат в баню. Вот и сегодня собрались мужики, лениво поначалу перебрасывались словами. Очереди в баню не было. Погода, несмотря на июль, была прохладная.

— Счас бы пивца, — мечтательно произнес Михаил Кучин, средних лет мужчина, работал он слесарем в гараже. — Пользительная штука, особенно после баньки. Эх! Ну и дела, живем как в глухом лесу. Что бы ларек здесь не организовать? Вышел из бани человек, попил пива, погутарил. И ему приятно, и государству прибыль. Не пойму: или такие люди, или сильно умные.

— Ты, Михаил, что-то злой сегодня? Ишь, размечтался, пиво ему подавай.

— При чем тут злой? Надо условия жизни себе делать. Глянь, что в городе? Полный ажур.

— Город есть город, там и бани другие, с бассейнами. Что ж нам тоже сюда бассейн подавай?

Как бы не слыша вопроса, Михаил перескочил на другую тему:

— Бассейн хорошо-о. Ох, средю не забуду одну историю. Ехал со службы через Москву. Ну, остановились с другом, столицу решили посмотреть как следует. Два дня жили. Ну дак вот. Забрели однажды в этот самый бассейн. Ну-к, дай-ка прикурить. — Михаил долго прикуривал от папиросы соседа. — Ага. Явились мы туда с дружкой. Билеты взяли, прошли через что положено. Выходим к бассейну. Мать родная! Водичка, как слеза, иссиня такая. Наверно, купоросу нахреначили. Ну, думаю, заодно и полечимся от бородавок и угрей всяких. Прежде чем туда прыгнуть, я, как у себя на речке, нагнулся, рукой воду пошарил. Теплая. Понюхал — купоросом не пахнет. А тут еще вот какая потеха. Облюбовали мы место, где девчат побольше, и прыгнули. Что такое? Мы к ним, а они с визгом от нас. Я уж когда оглянулся, понял. У нас трусы фонарями надулись, и мы с дружкой, как павлины, понимаешь, воду рассекаем. Что там было! Уморили весь бассейн.

— Опять что-то травит. — Это был голос подошедшего Алексея Лапина. — Ты тут, наверно, с обеда, Кучин?

— Пусть немного повеселит, — заступился кто-то. — Он сегодня злой: райкоп пива не привез.

— Да ему что пивом делать? Только на каменку разве брызгать. А если вовнутрь, то одна растрата. Надо чего покрепче. Тем более с выигрыша. Или все в чулок спрятал?

Все знали, что Михаил выиграл на облигацию.

— Не, мужики, я ни чулков, ни сберкнижек не имею... Это вон Луконин, когда целинником был, прославился на все сто... Ага. Он в 1956 году получил денег за уборку полмешка. Урожай-то был чертенный. А что, братцы, — вдруг перескочил на другое, — опять нынче посохнет все? Гляди-ко, за все лето ни дождинки. Вот дела. Сегодня по телевизору-то что есть? — опять перескочил.

— Балет показывают.

— Это давно понятно, что телевизор только для города существует. Второй программы у нас нет, а по первой в вечернее время балет да фуги. Или взять сейчас, лето. Кино показывают в семь часов вечера, а мы вкальваем до девяти. Не знаю, а по-моему, никто в суть не хочет вникнуть.

Подошел Иван Анохин с чемоданом, что вызвало всеобщий смех.

— Ты, Вань, после бани на гастроли?

— Не говори, гастроли уже начались. Гости приехали, уже два дня гастролируем. Подобралось мужиков шесть человек. Вот чемодан тряпок и получается.

Чемодан был большой и необычного цвета — фиолетовый.

— Это не с этим чемоданом у твоего батьки приключилась комедия? — спросил Алексей Лапин. И, прикурив, поведал историю: — В начале пятидесятых годов поехал Семен Анохин, отец Ивана, навестить брата. Тот жил в Новосибирске, работал на заводе. Дело было зимой. Ну, как положено, взял гостинцев, набил чемодан доверху. А поехали с соседом Федором. А Федор мужик сомнительный, все изпод бровей глядит. Всю дорогу нашептывает:

— Кум, в городе глаз да глаз нужен. Кругом жулье, обшулюкают.

Прибыли они благополучно в Новосибирск. Вышли с людским потоком на привокзальную площадь. Остановились передохнуть. Семен Федору говорит:

— Кум, поглянь, трубень-то какая! Охо-хо-хо!..

Оба задрали головы и стоят хохочают. Вдруг Федор быстро сунул рукой в бок Семена:

— Гляди! Это же наш чемодан... — Семен увидел метра в десяти от себя мужика с фиолетовым чемоданом. В несколько прыжков догнал и, недолго думая, дал ему оплеуху. И тут же услышал голос Федора:

— Кум, назад! Вот же наш чемодан...

Мужики захохотали.

— Ну а дальше что?

— А дальше что? Привели в линейную милицию, что при вокзале. Оштрафовали для порядка. Помогли взять билеты на обратный путь. Затем на лужайке наступил некоторый перерыв, не было подходящего рассказчика. Заговорили о работе.

— Да, мужики, сена, наверно, в этом году не взять. Все высушило.

— Сушь одно, а что мы сами с ним делаем? На кой черт эти сдвижки придумали? Смешаем напополам с землей последний корм — и все. Куда контора смотрит?

— Да тут всем надо. Попробуй за тобой усмотри.

— Что ни говори, а нет лучше ручной метки. А так-то оно и сеном не пахнет. Голимый мазут. Бедная скотина, скоро нефтью доиться будет.

— А сколько, интересно, по совхозу поставили сена?

— Да вчера говорили, что нет и половины плана...

Подошли гости Ивана Анохина. В одном из них признали Василия

Анохина, старшего из сыновей. После армии он не вернулся в село, где-то в городе осел, место хорошее нашел. В детстве слыл мальчишеским атаманом, был смекалист и хитер.

— О Василий, городской человек! Теть Даш, городских не мыть. Василий, чувствуя себя чужим, робко, для порядка, улыбнулся.

— Ну, как там в городе? — начинал его пытаться Кучин. — Говорят, там все уже механизировали. Станки сами по себе работают, без людей. А люди утром придут, скажут станкам, что надо делать, а сами сумки в руки — и по магазинам.

— Кто первый, кто последний? — раздался голос Дмитрия Кузнецова. — Что обсуждаем? Какие последние новости?

— У кого какие...

— Счас по радио слышал, землю сверлят, уже на двенадцать километров забурились.

— Чего доброго, а сук, на котором сидим, в любое время можно обломить.

— Нет, мужики, надо. Без открытий нельзя. Счас на десять, потом на двадцать, потом до середины. А потом, может, и насквозь пройдут. Так что караульте, может, скоро сверло прям около бани вылезет.

— Бреши больше.

— Истинная правда, мужики. Недавно читал новое в мире животных. Значит, пишут так: отлов медведя без риска для человека. Делается очень просто. Выбираем дерево, какое покрепче, болт с резьбой длиной метра два. Просверливаем по болту отверстие в дереве, пропускаем болт. Ту часть болта, которая выступает из дерева, обильно смазываем медом. Вот медведь по запаху и приходит к дереву, начинает сосать болт. Сосет, сосет, покуда с противоположного конца не высушится. Охотник шайбочку, а потом и гайку — бац! Готово!..

Над поляной вновь раздался веселый смех.

Появилась банщица тетя Даша:

— Мужики, кто заходит? Быстро! Можно троим. Да это что за наказание такое, в баню не зятянешь. Вы зачем сюда приходите? Говорят, что бабы сплетницы. Нет, они хоть меру знают. Матвейч, заходи!

— Даш, так не моя очередь.

— Да иди же, они молодые, подождут.

— Потом, Даша, дай послушать.

— Чего слушать?

— Истории.

— Какие такие истории?

— Взাপравдашние.

Махнув рукой, Даша ушла.

— Заботливая баба, — проводил ее взглядом Кучин. — А вот, мужики, еще случай. В прошлом году было. Хотите верьте, хотите нет...

А. НЕВСКИЙ,
секретарь Алтайского крайкома КПСС

ВМЕСТЕ С СОЛНЦЕМ

Взобравшись, бывало, на стог сена, мы, ребяташки, с любопытством рассматривали кучевые облака. В бездонной высоте возникали самые причудливые фигуры: то всадник без головы, то голова Мюнхгаузена... Облака огромными отарами двигались в небесной синеве. Они то курчавились серебристым руном, то расплывались, принимая все новые и новые очертания, в которых возникали замысловатые картины. «Вот интересно бы узнать, — вздыхал кто-нибудь из нас, — что там на облаках есть?..»

«Известно что, боженька! — бойко отвечал вертлявый Петька, прозванный Попенком за то, что у него родители были религиозными и Петьку заставляли молиться. Петька верил в бога не задумываясь, по принуждению, и вместе с нами распевал песни: «Долой, долой буржуев, долой, долой попов», декламировал стихотворение про электричество, которое мы проведем «и в школу и в оwin, только в церковь не дадим». Все это я вспомнил, находясь на высоте одиннадцати тысяч метров в кресле стремительного лайнера ТУ-154. Облака неподвижно и величаво нежались в небесной синеве. Только теперь они были не над нами, а под нами. Когда облака полностью закрывали землю, казалось, мы мчимся на аэросанях по снежным просторам тундры. От горизонта до горизонта белеют небесные «переметы», «заструги» и «сугробы», неровен час полярный хозяин — белый медведь — появится на нашем пути. Но в редких разрывах облаков, в развернутой бездне, вдруг проплывает безымянная деревушка, заблестит причудливо петляющая река, покажутся горы, раскроется лесная глухомань. Петька-Попенок нынче кандидат биологических наук и ни в какие чудеса не верит. А чудеса в наш стремительный век научно-технического прогресса все-таки существуют: по местному времени мы вылетаем в восемь часов из Барнаула и в восемь часов по-московскому прилетаем в столицу. Стремительно взлетев над Барнаулом, мы оставили солнце за Обью. Во время полета горизонт был фиолетовым с нежно-голубым и оранжевым околом... Над Внуково было ясно. Самолет сделал разворот и нырнул в межоблачный провал. Брызнули золотистые лучи солнца, всходявшего над Москвой. Был воскресный день. И нам предстояло еще лететь дальше — в Болгарию. Наша делегация состояла из четырех человек, в составе которой был дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Валерий Николаевич

Кубасов, главный редактор журнала «Социалистическое соревнование» Вячеслав Григорьевич Смольков и лектор ЦК КПСС Валерий Андреевич Январев. В Софию мы прилетели рано утром, и солнце опять где-то пряталось в облачной кутерьме. Вершины гор, проткнув облака, величественно возвышались над белым безмолвием. Самолет круто пошел вниз, в иллюминаторах заплескалась серая муть тумана. Колеса коснулись бетонки. «Твердь родной планеты всегда надежнее тверди небесной», — говорит Кубасов, отстегивая привязные ремни. Ему, дважды побывавшему в космосе, это хорошо известно.

Самолет подрулил к аэровокзалу. В Болгарии я был девять лет назад. Яркие впечатления об этой прекрасной стране не потускнели с тех пор, и я с нетерпением ожидал с ней новой встречи. Болгарские друзья рассказали мне тогда легенду-шутку о своей чудесной земле: «Когда бог делал землю, в это время болгарин работал в поле и ему не досталось земли.

— Как же мне быть без земли? — спросил пахарь.

Подумал бог и говорит:

— Ладно, так и быть: отрежу я тебе кусочек рая».

Болгария действительно райский уголок на земле. Но таким он стал не по божьему соизволению, а в результате огромного труда рабочих и крестьян Болгарии, упорной борьбы за свободу и счастье против извечных врагов трудового народа, сначала против османского ига, которое длилось пять веков, а затем против монархии и фашизма. Эта многострадальная земля обильно полита болгарской и русской кровью. Беспредельная любовь и дружба двух народов уходит в глубь веков.

У трапа самолета нам преподнесли букеты цветов. Дружеское пожатие рук и знакомое восклицание: «Добре дошли!» — «Добро пожаловать!» — «Вы привезли нам солнце!» — сказала Виктория Стойчева, ответственный работник ЦК БКП. По дороге завязался разговор. Узнав, что это вторая моя поездка в их страну, болгарские товарищи заметили: «О, вы не узнаете нашу Болгарию, не узнаете нашу Софию» (болгары свою столицу Софию называют Софией) — за это время многое изменилось. И нельзя было не обратить внимания на болгарские Черемушки, на великолепные микрорайоны, Дворцы культуры, торговые ряды, школы и детские учреждения, зеленые скверы и парки. И мне почему-то

вдруг вспомнилось далекое сибирское село, в котором я родился и вырос, тревожный 1933 год, вой снежной метели за окном и отца, читающего газету. Мир был потрясен чудовищной провокацией гитлеровских мракобесов — поджогом рейхстага и арестом болгарских коммунистов. Мир возмущался и протестовал, мир боролся и защищал правду. Мир восхищался мужественными и пламенными речами Георгия Димитрова на лейпцигском процессе. В тот метельный вечер я, девятилетний мальчишка, не мог себе представить, что пройдет не так уж много времени и я тоже включусь в активную борьбу с фашизмом, пройду с боями пол-Европы и с купола рейхстага увижу развалины поверженного Берлина. Снова будет гореть рейхстаг, только на этот раз от огня советской артиллерии, а гитлеровских преступников будут судить народы мира в Нюрнберге. Судить за все их провокации и преступления: и за поджог рейхстага, и за поджог Европы.

...Первые лекции мы прочитали в аудиториях Софии, а затем отправились по стране, каждый по своему маршруту. Незабываемые дни! Неизгладимые впечатления! Калейдоскоп дружеских встреч и улыбок. Все новые и новые города и села, равнинные и горные дороги и яркое солнце на всем пути.

...Золотым пламенем вспыхнули купола шипкинского храма. А дальше, на вершине горы, показался памятник свободы — символ героической борьбы и немеркнувшей славы, символ дружбы русских и болгар, символ освобождения Болгарии от османского ига.

На Шипке все спокойно. Дорога делает крутые виражи, поднимаясь ввысь. Мое внимание привлекло старое кражистое дерево. Ветви его устремлены в одну сторону, словно истерзанное шрапнелью полотнище боевого знамени на граненом штыке. Исхлестанное бурями, изуродованное морозами, стоит оно, как часовой, на краю обрыва. Каково же здесь было солдатам!... Немирович-Данченко писал: «Такой и останется в моей памяти вершина Шипка. Страшная, суровая, окутанная то снегом, то метелями, то пороховым дымом. Здесь каждый камень свидетельствует о великом подвиге русского солдата, каждая пядь земли облита его кровью. Здесь он страдал, отчаивался, торжествовал».

На памятниках русский названия полков и батальонов: Елецкий, Орловский, Волынский, Минский, Житомирский, Владимирский, Суздальский, Угличский, Иркутский, Енисейский, Красноярский, Ярославский, Шуйский, Коломенский, Серпуховский, Кубанский, Донской, Уральский.

— Здесь лежат и мои земляки-владимирцы, — сказал дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Валерий Николаевич Кубасов.

До пика Столетова на Шипке 1326 метров. Теперь это высота не только воинской доблести и славы, но и первая отметка к предстоящему полету советско-болгарского космического экипажа. Где бы ни встречался наш космонавт с болгарскими, всюду его спрашивали: «Когда полетит болгарский космонавт?» И в каждом округе неизмен-

но добавляли, что это будет космонавт обязательно из их города или села. Валерий Николаевич улыбался и говорил: «Вполне возможно».

Потом весь мир облетело имя славного болгарского космонавта Георгия Иванова, родом из города Ловеч.

Болгарский народ широко отметил знаменательную дату столетия со дня освобождения своей Родины от пятисотлетнего османского ига. И вновь на улицах и площадях, на сценах народных читалищ и театров зазвучало самое популярное, хрестоматийно знакомое стихотворение великого болгарского поэта Ивана Вазова:

«Мама, мама! Вон, взгляни...» —
«Что там?» — «Ружья, сабли вижу...
Русские!» — «Да, то они.
Встретить их пойдем поближе.
Это их послал сам бог,
Чтобы нам помочь, сынок».
Мальчик, позабыв игрушки,
Побежал встречать солдат.
Словно солнцу рад:
«Здравствуйте, братушки!»
Едет генерал-орел,
А за ним вслед эскадроны.
Пахарь с паши подошел.
Их встречает изумленный:
Кажется, что это сон...
Налетели — топот, звон,
Словно вихрь потряс верхушки...
Пахарь шапку снял, глядит,
С поля им кричит:
«Здравствуйте, братушки!»

Шипка! Шипка! Слышен гром.
Турко перешел Балканы!
Шумно, празднично кругом,
И нарядны и румяны
К храбрым девушки спешат.
И в цветах ряды солдат,
Ружья, сабли, кони, пушки...
Словно братьев дорогих,
Все встречают их:
«Здравствуйте, братушки!»

Ну и храбрый же народ!
Сколько сил в нем молодецких!
Вот один казак ведет
Целый полк солдат турецких.
А народ, смеясь, глядит:
Жалкий у злодеев вид.
Тащатся, как побирушки!
Русских храбрецов солдат
Все благодарят:
«Здравствуйте, братушки!»

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного Совета Народной Республики Болгарии Тодор Живков говорил:

«Сто лет минуло с тех дней 1877 года, когда русские войска перешли Дунай. Тридцать три года, треть этого столетия, социалистическая Болгария идет плечом к плечу с Советским Союзом, и с каждым пройденным годом она все теснее и теснее сближается с великой страной, строящей коммунизм. Крепкие братские отношения связывают наши страны, народы, партии. Дружат округа и области, города и села, дружат миллионы болгарских и советских

граждан. Сотрудничают министерства и научно-исследовательские институты, творческие союзы и многие другие. Идеология, политика, дипломатия, экономика, культура, оборона — нет такой области жизни, в которой бы не царил полное единство интересов и взглядов, целей и усилий.

Бесчисленны нити, которые связывают современную Болгарию и Советский Союз. И нет числа струнам, которые звучат в болгарской душе сегодня, когда произносится это святое для нас имя.

Но и сегодня тот, кто хочет проникнуть в современную глубину сознания и духовного мира современного болгарина, должен обратить свой взор в глубь веков, чтобы понять силу, которую мы впитывали с молоком матери поколение за поколением, из века в век».

...Шипка!

Мы стоим у памятника свободы. С горы на все четыре стороны необъятный простор: горы и убегающие вдаль дороги, горные увалы, утесы, уступы, леса и перелески. В сторону Шейново, в сторону Шипки, в сторону Старой Загоры — всюду царит мир и покой. Но по-прежнему оцетинились жерла пушек на Большой и Малой, на Круглой и Центральной батареях. Пушки готовы к бою, но у пушек нет солдат. Рядом с пушками стоят кресты. Орудия охраняют вечный сон героев. И когда враг попытался нарушить покой на Шипке, потомки героев Старой Загоры, Шипки и Шейново снова пришли сюда. Солдаты 3-го Украинского фронта высекли на мраморе слова:

Вдали от русской матери-земли
здесь пали вы за честь отчизны милой,
вы клятву верности России принесли
и сохранили верность до могилы.

Стояли вы незыблемей скалы.
Без страха шли на бой святой и правый.
Спокойно спите, русские орлы,
потомки чтут и множат вашу славу.

Отчизна нам безмерно дорога,
и мы прошли по дедовскому следу,
чтоб уничтожить лютого врага
и утвердить достойную победу.

Нерушима дружба русского и болгарского народов!

* * *

...Ястребино. Тихое болгарское село. Белые домики, виноградные лозы, яблони, вишни, сливы и много, много цветов — ярких, душистых. Всколмленная даль и дубовые рощи. Ясное голубое небо. Такое бывает только в Болгарии, в этой солнечной стране. Когда янтарные гроздья винограда наливаются живительным соком, солнечные лучи играют в них буйными хмельными огоньками. Неистребимая сила жизни! И она здесь во всем: в горячей крови ястребинцев, в скупой каменной земле, в могучем столетнем дубе, в притихшей после звонка школе, в высоком парящем ястребе, в песне пахаря, в звонких голосах детей и даже там, на тихом сельском кладбище, где не увядают цветы и память.

Меж сосновых полос проложена асфальтовая дорога — дорога борьбы и дорога печали, по которой через огонь и смерть шли к победе и бессмертию партизаны. Под скромным обелиском покоятся односельчане: мужчины, женщины, старики и дети. Дети... Здесь, в этом селе, в годы второй мировой войны действовала подпольная партийная организация Болгарской коммунистической партии. Население оказывало всяческую помощь участникам сопротивления. Фашисты называли Ястребино «коммунистическим гнездом». Слепленные злобой, они поджигали дома партизан и казнили их родственников.

...К подножию памятника легли венки из роз и хризантем. Среди живых цветов имена расстрелянных:

Рангел Дончев Джуров на 58 години
Марта Рангелова Дончева на 58 години
Петър Стойнев Калайджински на 50 години
Стоянка Петрова Калайджийска на 50 години
Надежда Петрова Калайджийска на 11 години
Иван Петров Калайджийски на 9 години
Стойне Петров Калайджийски на 7 години
Петко Стоичко Велинов на 56 години
Лазарка Петкова Стоичкова на 51 години
Димитринка Петкова Стоичкова на 51 години
Стойне Станков Велинов на 75 години
Наста Стойнева Станкова на 70 години
Димитър Иванов Богословов на 48 години
Станка Димитрова Богословова на 42 години
Иван Димитров Янков на 53 години
Марийка Иванова Димитрова на 43 години
Ценка Иванова Димитрова на 13 години
Цветанка Иванова Димитрова на 13 години

Фашизм — всюду, фашизм — кровавый, безжалостный, озверелый.

...Ценка и Цветанка, Димитринка и Надежда, Иван и Стойне. Дети под пулями фашистов...

Я стоял у обелиска с болгарскими товарищами и вспоминал огненные дороги Великой Отечественной войны. Под Орлом я видел рвы, наполненные трупами женщин, детей и стариков. Рядом с мертвой девочкой лежала самодельная кукла. Мама любовно смастерила ее дочке...

В кармане болгарского мальчика Стойне был обнаружен войлочный мяч — может быть, подарок бабушки Стояна или старшего братишки Ивана.

Неразлучные сестры-близнецы — Ценка и Цветанка... Они учились в школе. Недоигранное детство, недочитанные книжки...

В этот час я вспомнил и тяжесть фронтовых утрат, и радостные дни победы над гитлеровским фашизмом. Вспомнил небольшую железнодорожную станцию в Германии, где из-под вагона вылез немецкий

мальчишка, живая высохшая мумия, протянул руку, жалобно пропещал:

— Брут, битте... Клеп, пашалюста...

Иванов Флегонт Леонтьевич, солдат России, пехотинец двух мировых войн, смоленский колхозник, развязал вещмешок, отрезал ломоть хлеба.

— Ешь.

Из-под пилотки солдата выпала прядь седых волос. Детей его Ванюшку и Танюшку, жену его Дарью Васильевну, самых дорогих и незабвенных отцовскому и мужнину сердцу людей, убили фашисты. Беспощаден солдат был в бою. Не один десяток гитлеровцев нашли себе могилу от его автомата. Но святая месть — не слепая месть. Зачем же детей-то... Мы — не фашисты... Мы — советские солдаты! Вспомнил я далекое от Орла и Ястребино по расстоянию, но близкое по борьбе и судьбам людей сибирское село Ключи, где тоже стоит памятник погибшим односельчанам. На нем имена:

Бодня Герасим Иванович
Бодня Григорий Герасимович
Бодня Степан Герасимович

Кровопролитной была война. На поле брани оставались целые семьи. Семья Калайджийских в Болгарии, семья Бодни в далекой Сибири... Все мы боролись против единого врага — фашизма. В Ястребино двухэтажная каменная школа. Вокруг нее — деревья, посаженные пионерами и школьниками в память погибших ребят. Классная комната превращена в музей. На стене фотопортреты Ценки и Цветанки, Димитринки, Надежды и Ивана, а вот фотографии маленького Стойне нет. Он так мало прожил на свете, так мало поиграл на солнечных ястребинских лесных полянках, так мало увидел радостного в жизни, так мало посидел за партией с букварем... Не успели его сфотографировать родители. Для бедных людей это было не так просто. На стене в классе вместо портрета пустая рамочка, красная звездочка и надпись... Какой он был, Стойне... Мы никогда уже не увидим его детский образ, но мы знаем, что он был таким же, как Ценка, и Цветанка, как Димитринка и Надя, как Иван, как все ястребинские ребята из трудовых крестьянских семей, с детства знающих цену хлеба, знающих нужду и подневольный труд на богатых. Он был как все дети: любил играть и подражать старшим, огорчался неудачам и радовался успехам, не терпел обид и умел забывать их скоро, гордился первыми познаниями букваря и ждал, когда об этом узнают дома отец и мать, сестра и брат.

В день рождения дарят цветы и подарки.

Иван Калайджийский родился 19 декабря 1934 года. Его братик Стойне — 18 декабря 1936 года. Расстреляли их фашисты 19 декабря 1943 года — в день их рождения. Когда нагрянули фашисты в их дом, мать вынимала из печки хлеб. Сладкие булочки румянились для Стойне и Ивана. И нам неизвестно, успела ли поцеловать утром в детской кровати маленького Стойне мать, как это делают матери всех стран и народов, поздравляя своих детей с днем рождения. Известно другое: день

19 декабря, холодный и пасмурный, был последним в их жизни.

В домике-музее есть детский уголок. На столе лежат пионерские галстуки, книжки, рисунки, альбомы и целый набор красивых детских мячей. Все мячи предназначены маленькому Стойне. Если бы в его коротеньком детстве были такие красивые мячи! Как радовался бы ястребинский мальчик! На одном из них детской рукой написано: «Маленькому Стойне один подаривший мяч». Этот мяч принесли учащиеся школы имени Хаджи Димитрова из города Варны. А вот рисунок: фашисты ведут партизан на расстрел. Вместе с партизанами идут дети. Идут они с высоко поднятой головой. Это непокоренные люди. Это герои. Их дело правое. Такими они были в жизни и в делах, такими их изображают дети и сегодня в своих рисунках. Ценку и Цветанку, Димитринку и Надежду, Ивана и Стойне называют маленькими героями Ястребино. Да, они герои. Они сыновья и дочери героев. Фашисты уже тогда видели в них своих врагов. Они знали: растут новые борцы против фашизма. Сегодня Стойне играет в войлочный мяч. А когда ему будет семнадцать... В его руках может оказаться граната. Фашистский головорез подпоручик Йорданов это хорошо понимал: по профессии он был учителем.

— А тебя как зовут? — спросил Йорданов маленького Стойне.

— Стойне Петров, — с достоинством ответил мальчик.

Трудно представить более тяжкое преступление: учитель ведет на расстрел учащихся.

В первые дни победы на площадь Ястребино пришли все жители села и окружающих деревень. Привезли преступника Йорданова. На его груди висела надпись: «Я убил 18 ястребинцев». Народная милиция едва сдерживала односельчан. Потом повели убийцу на место расстрела, где еще не просохла людская кровь. Прошло всего девять месяцев с того страшного дня, когда прогремели выстрелы фашистов. Йорданов получил по заслугам. Человеческая нога никогда не ступит у его могилы. Проклято то место, где тлеют кости бандита.

...У старого дуба собрался пионерский отряд. Юные димитровцы к подножию дерева положили красные гвоздики. Это дедушке Стояну. Когда его вели на расстрел, ему было 75 лет. Он думал не о себе, а о маленьком Стойне, о всех детях, о их отцах и матерях, которых схватили фашисты. Дедушка Стоян отказался идти к месту расстрела. Его убили под дубом. Так и стало это могучее дерево нерукотворным памятником дедушке Стояну. Пусть будет тебе, дедушка Стоян, родная болгарская земля пухом! Пусть детские голоса, которые ты так любил, будут тебе вечной наградой! Непокоренный дедушка Стоян, ты для них стал примером любви к своей Родине, к своему народу. Дети минутой молчания чтут твою память.

...Вьются виноградные лозы у школы, шумят листвою молодые дубки, растут ястребинские мальчишки и девчонки, постигают мудрую науку жизни по книжкам и рассказам отцов и матерей, на уроках и в по-

ле, в пионерской дружине и в играх, на родной и священной земле, за которую отдано так много жизни и пролито крови.

...У шоссе на дороге, идущей из Софии в Варну, — домик-музей Калайджийских. Он встречает и провожает всех, кто приезжает в Ястребино.

Тридцать пять раз здесь цвели цветы. За эти годы выросли деревья, что были в то страшное время не старше семилетнего Стойне, а дорожка, выложенная из каменных плиток, все так же ведет к ступенькам крыльца, по которому поднимаются все новые и новые посетители. Они приходят сюда, чтобы поклониться смелым людям, жившим в этом домике, почтить их память.

Мы поднялись на холм. С его высоты село Ястребино как на ладони. В центре его выделяется двухэтажное здание школы... Черепичные крыши домов, раскидистые деревья, улочки и переулочки, телеграфные столбы, а за селом — аккуратно нарезанные поля. Осень. Пора листопада. Я улетел из Сибири — мела метель, а утренний холод щипал уши. А здесь до сих пор много солнца и цветов, и осенняя палитра еще не полностью коснулась яркой позолотой дубовых листьев и полей. Листья умирают осенью, чтобы жить весной. Люди умирают в борьбе, чтобы вечно продолжалась жизнь на земле. Село Ястребино у всех на виду. Оно глубоко вросло корнями в родную землю. Навсегда. Поручкой тому смелые, трудолюбивые и мирные люди, строящие на ястребинской земле свободную и счастливую жизнь, за которую они так долго и упорно боролись. Тодорка Грошевска мне сказала: «В Ястребино решено соорудить большой мемориальный комплекс. Здесь все будет напоминать о непримиримости болгар к насилию и гневу. Памятником жертвам фашизма станет и само село Ястребино».

Достойная память героям!

В Болгарии женщинам дают удивительно ласковые имена: Цветанка, Снежана, Лазарка, Димитринка, Добринка, Румяна, Иванка, Невена, Красимира, Милена, Злата... А ее звали Катя. Катя Димитрова. Это имя широко распространено и у нас в России. Но она была болгарка. Родилась в Ястребино. Здесь и росла и училась. Любила читать и петь веселые и грустные песни. В Ястребино вспоминают: когда Катя начинала петь, все село замирало, слушая ее. Красивая, работающая, жизнерадостная, она мечтала посвятить свою жизнь самой почетной и трудной профессии — учить детей, стала учительницей. Притихший класс, детские любознательные глаза, устремленные к молодой учительнице, так интересно уводящей ребят в великий мир грамоты, — все было новым и радостным и для самой Кати. Далеко не все ребята в селе Богомольском были счастливы. Многие из них с малых лет познали тяготы крестьянской жизни. Не знали лучшей доли и их родители. Не видели выхода из беспросветной бедноты. А Катя знала. Катя видела зарю счастья народного. В 1943 году она получи-

ла назначение в новую школу. Но вместо школы ушла в партизанский отряд.

В Торговиште, в окружном комитете Болгарской коммунистической партии, мне показали портрет молодой партизанки.

— Это наша Катя, — с любовью сказала секретарь окружного комитета БКП Тодорка Грошевска, показывая на портрет молодой девушки. — Отважная партизанка, учительница, отдавшая жизнь за счастье крестьянских детей.

А на следующий день с группой болгарских партийных работников мы посетили небольшое село Божицу. На окраине села раскинулся дол, поросший молодыми и старыми дубами. Этот дол называют Партизанским долом, или Долиной Бессмертия. Здесь, окруженные со всех сторон фашистами, отважные партизаны в жестоком сражении отдали свои жизни за свободу и счастье болгарского народа.

Гранитные монолиты рассыпаны по долу. Они установлены на месте гибели павших в сражении. С дубов осыпаются бронзовые листья — листья славы и бессмертия. Мы подошли к монолиту. На нем высечены в позолоте три слова: «Катя Димитрова Иванова». Здесь двадцатилетняя учительница-партизанка первого января 1944 года в последний раз видела голубое небо своей родины, милую землю Болгарии, ее поля и рощи, своих боевых друзей...

Здесь всегда цветы. И приносят их пионеры со всех школ Болгарии. Тихо шуршат под ногами осенние листья вьетса среди холмов проселочная дорога, зеленеют озимые поля, краснеют вдаль черепичные крыши Божицы и Ястребино, высоко в небе прочеркнул белую полосу реактивный самолет, охраняя мир и покой Болгарии, завоеванный в борьбе с кровавым фашизмом. «Жизнь и борьба неотделимы», — говорила Катя.

...Чуть в стороне от места гибели Кати — другой памятник под раздвоенной грушей. Здесь пал смертью храбрых партизан Трайчо Асенов Костадинов. Когда Трайчо был маленьким, его мать, работая в поле, подвешивала под это дерево люльку, качала сына и продолжала работу. Божицкое скучное поле да старая груша колыхали его суровое детство. Это же поле приучило его к крестьянскому труду, привило любознательность и тягу к знаниям, заставило задуматься о смысле жизни. Закончив начальную школу в Божице, он отправился в Торговиште продолжать учебу в гимназии и там вступил в марксистский кружок. В душу молодого гимназиста навсегда запали огненные слова «Манифеста коммунистической партии»: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Получив среднее образование, он возвратился в родное село и включился в активную нелегальную работу партийного функционера. В сентябре 1943 года он вступил в Омуртагский партизанский отряд. Там он принимает участие в боевых операциях, выпускает антифашистские листовки. Правда, изложенная в этих листках, страст-

ные призывы к борьбе проникали в крестьянские дома, зажигали сердца людей, звали в бой с заклятым врагом.

...Новый 1944 год он встретил у родного села Божица в последнем и неравном бою с фашистами. Нам никогда не узнать, о чем думал в последние минуты жизни Трайчо. Но клочок родной земли, который он прикрыл своим телом, был под той самой грушей, раскинувшей на две стороны свои кражистые ветви, на которых качалась его детская люлька. Дерево стояло прямо и твердо, прикрывая собою молодого партизана, но оно не могло защитить героя. И с тех пор, говорят в народе, оно пошатнулось в горе великом, протянув свои ветви-руки к небу, взывая к святой и праведной местности... В эти трагические минуты Трайчо, как и все партизаны, сложившие головы в сражении с фашизмом, думал о жизни, о счастье людей, о свободе всего болгарского народа. Это была главная цель их жизни и борьбы. Трайчо никому не мог отдать этой земли, ибо она была ему родной, она вскормила его и вспоила, она дала ему силу, научила любить народ. Под деревом стоит маленький памятник-obelisk, чем-то напоминающая в миниатюре памятник свободы на Шипке. Да, это была «Шипка» Трайчо, его боевая и бессмертная слава.

...Набежит легкий ветерок, закачаются живые ветви дерева, зашепчут листья биль, невыдуманную легенду о молодом партизане Трайчо: «Слушайте все! На земле бол-

гарской, в Божице, под зеленой грушей спит вечным сном молодой богатырь. Земля впитала в себя его кровь, ибо это ее родная кровь. Алый свет утренней зари окрашен его кровью, ибо кровь эта пролита во имя рассвета. Красный стяг революции вобрал частицу и его крови, ибо под этим знаменем он боролся за свободу и счастье народа. Богатырь спит, но по земле ходит Память Народная. Светлая память о нем. Она зовет людей любить голубое небо и цветущую землю Болгарии, ее горы и реки, леса и озера, хлебные поля и виноградники, любить правду и труд. Люди! Берегите мир на земле. Пускай не остывает железо мира на наковальнях, пускай колосится хлеб на полях!»

...Рассыпались гранитные монолиты по долу: «Антон Кристаев Найденов», «Никола Манасиев Новков», «Ангел Стефанов Василев», «Иван Стефанов Василев», «Иван Якимов Цонев», «Илия Райдоков Стоянов», «Йовка Николова Миланова», «Кольо Савов Митев», «Наза Цекова Мицова», «Никола Веселинов Найденов», «Трайчо Асенов Костадинов», «Катя Димитрова Иванова»... Они отстояли родную землю в бою и стали ее неделимой частью. Вечная память героям!

Встало яркое солнце над Болгарией. Утренний свет зари зажгли болгарские герои вместе с русским солдатом. Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет мир!

И. КОВЕРДЯЕВА,
старший преподаватель кафедры литературы
Бийского пединститута

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Энтузиазм! Разрастайся и длись...
В. Маяковский

Прошлой осенью приехала я в село Верх-Катунское, где живет и работает выпускница нашего института Людмила Попова, Людмила Илларионовна Осипова, учительница литературы и русского языка. Приехала я не случайно: о педагоге Осиповой в последнее время и в районной газете писали, и сами учителя отзывались очень хорошо, говорили как о прекрасном словеснике, умеющем интересно, нестандартно строить уроки, о ее необыкновенной контактности с детьми, а еще точнее, о ее человечности, и я подумала, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

Людмила Илларионовна уже не новичок в школе — шестнадцать лет преподавательского стажа.

— Не устали? — полушутливо спрашиваю. Она улыбается чуть удивленно и весело:

— Что вы! Разве можно устать, если кругом столько интересных и нужных дел...

Вот это, как мне кажется, и есть то самое важное, без чего нет и быть не может настоящего педагога, да только ли педагога!..

И вот еще что любопытно: прежде чем поступить в пединститут, окончить его с отличием и стать сельской учительницей, Людмила Илларионовна испробовала и другие профессии. Сразу после окончания школы ей продолжить учебу не удалось: сначала заболела и не успела сдать экзамены, потом подумала, что одной матери нелегко «тянуться» на двух дочерей со своей скромной зарплатой, и решила поработать. Поехала в Барнаул и поступила на моторный завод. Работала токарем. И уже вскоре, буквально через несколько месяцев, портрет ее висел на заводской доске Почета. А ведь и тогда она не оставляла мысли о поступлении в пединститут, была на заводе вроде бы временным человеком... Да нет, не временным она была человеком, а нужным. И дело свое делала с душой, с искренним интересом и любовью, вкладывая в него все силы.

Вот эти качества сохранила она в себе и по сей день («Разве можно устать, если кругом столько интересных и нужных дел...»), эти качества и делают ее поистине счастливым человеком. Не так давно Люд-

мила Илларионовна за свой труд была награждена Почетной грамотой Министерства просвещения. Есть у нее грамота правления Всесоюзного общества «Знание», грамоты районные и другие. Но самая высокая награда для нее — это по-настоящему искренняя и нежная любовь учеников и уважение товарищей по работе. А Людмилу Илларионовну не просто любят, ее боготворят все «от мала до велика» — от пятиклашек (в одном из пятых она была классным руководителем) до десятиклассников, с которыми она ведет факультатив. Спрашиваю ребят:

— Что же вам нравится больше всего в Людмиле Илларионовне?

— Больше всего? — слегка задумывается пятиклассница Ира Малинина и отвечает серьезно, и как мне кажется, исчерпывающе: — Больше всего мне нравится то, что Людмиле Илларионовне всегда хочется быть с нами...

— А вам с ней?

— Еще бы! — восклицает девочка розовая. — Знаете, как с ней интересно?

Ничего, конечно, не зная о проблеме учительских кадров (сегодня больше половины выпускников педагогических вузов, проработав год-два в школе, меняют профессию), ребенок чутким и любящим своим сердечком уловил, почувствовал, что главное в работе учителя — это преданность своей профессии, а еще точнее, преданность детям. Без этого нет педагога. И тут уж со временем считаться не приходится. Хотя дефицит времени учитель ощущает острее любого другого специалиста, ибо выполнять ему приходится около — как подсчитали социологи — 128 видов деятельности. Это, разумеется, средняя цифра. Но ведь есть у него, у педагога, еще и личная жизнь, домашние дела. Что же в таком случае делает учителя истинным учителем? Энтузиазм и одержимость — прежде всего. Но как редко можно услышать теперь эти слова! И когда думаешь об этом, тотчас на память приходит встреча с Людмилой Илларионовной и непременно хочется рассказать о ней — мастере педагогического труда, беспредельно увлеченной своей профессией, любящей матери и жене, примерной хозяйке, начитанной, эрудированной собеседнице,

спортсменке и обаятельной женщине, умеющей модно, со вкусом одеваться... Темноволосая, высокая, стремительная, столько энергии и естественности в каждом ее жесте, повороте головы, такой интерес к жизни излучают ее выразительные глаза, что кажется, сама природа не устояла и отдала ей все лучшее, что можно отдать человеку... Красоту, любовь учеников, уважение товарищей.

Но с чего же начать о педагоге-словеснике? Конечно, с ее уроков. Помню один из них — в четвертом классе. Шел разговор о стихотворении Лермонтова «Бородино». Все привычно, знакомо — и «программа» пересказа, объяснения, и анализ произведения. Что нового скажешь, чем заинтересуешь учеников? Но она, словесник Осипова, не ограничилась лишь пересказом и анализом, пошла дальше и повела за собою класс, задав один за другим несколько, как принято говорить, проблемных вопросов.

— Скажите, ребята, почему Лермонтов, знавший хорошо офицеров и сам офицер, доверил рассказ о Бородинской битве старому солдату? И еще: зачем нам сегодня изучать это стихотворение, если об этом событии мы знаем из учебников истории? Скажите, ребята...

Минута тишины и раздумий, но эта тишина особенная. Напряженная тишина. А потом ответы прямо-таки посыпались. Равнодушных не было. И каждый понимал по-своему.

— Потому что надо знать литературу...

— Чтоб лучше понять...

— И чтоб попереживать снова... — Вот это уже совсем близко к истине. И Людмила Илларионовна подхватывает:

— Да, да, ребята, правильно. Чтобы снова попереживать...

Вот такой душевный настрой, такая живая атмосфера поиска, доверия, названная профессором Охитиной «психологической мотивацией учения», несомненно, активизирует познавательную деятельность каждого ученика, и в этом мастерство учителя, педагога. Главное достигнуто — дети поняли не только содержание стихотворения, но суть и назначение литературы, призванной пробуждать в людях эмоциональную отзывчивость. Ч. Айтматов сформулировал это так: «Главное назначение литературы — растить доброе в человеческих душах». Вот он урок «нравственного прозрения», по выражению А. Твардовского. Как это точно сказано! И как будто сказано о Людмиле Илларионовне... Спасибо учителю, умеющему слиться душой с детьми, спасибо за путь к педагогике радостной, жизнеутверждающей!

Мне доводилось потом еще не раз бывать на уроках Людмилы Илларионовны, и всякий раз я себя чувствовала так, как будто на моих глазах создавалась картина, яркая и живая, волнующая... Но что же такое «радостная, жизнеутверждающая педагогика»? Только ли умение активизировать познавательную деятельность учащихся средствами учебного предмета? Или есть еще нечто такое, что делает преподавателя-предметника истинным вожаком ребят, учителем. Может быть, кому-то определение

«вожак» по отношению к педагогу покажется неточным, но, я уверена, к Людмиле Илларионовне имеет это прямое отношение. И я еще раз в этом убедилась, когда прочитала ее статью в районной газете «Ленинский путь», в которой Людмила Илларионовна рассказывает о летнем отпуске, проведенном вместе со своим классом. Представьте себе — за лето 36 походов. И один из них на Телецком озере. Четыреста километров за восемь дней на велосипедах. Больше двадцати ребят, с которыми она совершила этот поход (пробег), получили спортивные разряды. А где еще, как не в походе познаются настоящая дружба, истинная доброта, умение преодолевать трудности, взаимовыручка! А встречи с интересными людьми, героями труда и ратных подвигов. Более чем с двадцатью ветеранами Великой Отечественной войны ведет переписку шестой класс, которым руководит Людмила Илларионовна. Особенно тепло и сердечно ее воспитанники поздравляют в День Победы ветеранов-односельчан, каждому из которых преподносят испеченный своими руками торт.

— Честность и доброта — вот чему надо прежде всего учить ребят, — говорит Людмила Илларионовна. — Без этого самая высокая успеваемость, самые высокие оценки ничего не стоят... Но честность и доброта — не таблица умножения, их не зазубришь, они воспитываются не только и не столько словами, сколько поступками, делом, всем твоим опытом, который ты стараешься передать своим ученикам, всей жизнью твоей, которая проходит из глаз у детей и взрослых... Иногда поступки Людмилы Илларионовны могут даже кому-то показаться странными, непривычными. Ну, то, что учительница, не считаясь с личным временем, ходит по инстанциям, «выколачивает» для ребят путевки в пионерский лагерь, это еще куда ни шло, как говорится, это вроде бы ее долг и обязанность; ну, то, что двери в ее доме открыты гостеприимно, такой она по характеру человек, Людмила Илларионовна Осипова, и ребята охотно идут к ней; иногда собираются у своего классного руководителя всем классом, чтобы посмотреть интересную телепередачу, а потом Людмила Илларионовна угощает ребят компотом собственного приготовления... Но вот когда проходит слух о том, что Осиповы приютили в своем доме очень «трудного» мальчика из весьма и весьма «неблагополучной» семьи, кое-кому это кажется действительно странным и непонятным: как так можно? Своя семья, своих забот невпроворот, а тут еще чужой ребенок... Да разве весь мир обогреешь! Но Людмила Илларионовна придерживается другого мнения: конечно, весь мир не обогреешь, но если бы каждый из нас обогрел хотя бы одну человеческую душу, насколько бы теплее было в мире. Да! Вот такая она, Людмила Илларионовна Осипова... И когда я заговорила с ней об этом, она улыбнулась своей широкой и яркой улыбкой и твердо сказала, что любит своих ребят еще сильнее, чем любят ее они. Стоит ли удивляться тому, что класс Осиповой — лучший в школе, больше полови-

ны ребят отличники и ударники, отстающих в классе нет. (Я проверяла тетради ее учеников, посещала уроки и должна была признать абсолютную объективность преподавателя.) Откуда же тогда—встает вопрос—кажущаяся неразрешимость проблемы школьной оценки в новых условиях среднего всеобуча? Вот же, вот он пример исключительно плодотворной работы. Ответ же один: учитель, если он действительно учитель, должен быть энтузиастом. А тех, кто со мной не согласен (имею в виду педагогов), могу только спросить: а что вы сделали для этого? Ставили ли вы со своими драмкружковцами по два спектакля в год, проводили по 10—12 тематических дискуссий, готовили со своими классами читательские конференции?..

Между тем Людмила Илларионовна не ограничивается только своим предметом и своим классом — она еще и секретарь школьной партийной организации, и член парткома совхоза, и лектор-международник, и заведующая кабинетом литературы и русского языка, и руководитель школьного драмкружка, и сама активная участница сельской художественной самодеятельности... Вот как много может успеть и сделать человек, если по-настоящему любит дело!..

А ведь ей, словеснику, еще необходимо и хочется быть в курсе текущих литературных событий, почитать... во всяком случае нет ни одной художественной новинки, с которой бы не познакомилась Людмила Илларионовна. Вообще ей свойственен неизменный интерес к жизни, ко всему, что ее окружает. В этом, как мне кажется, и кроется «секрет» счастливой творческой ее судьбы — в ее живом чувстве времени, чувстве перспективы, остром, нестереотипном уме обширнейшей эрудиции и неиссякаемом, каком-то по-особому цепком интересе ко всему новому в методике (Людмила Илларионовна опробовала и творчески развила многие методические идеи ученых, связанные с поиском путей активизации познавательной деятельности учащихся).

Не могу не вспомнить первую нашу встречу на уроке Людмилы Илларионовны. Обычно в этих случаях волнуются и напряженно относятся друг к другу обе стороны — и проверяемая, и проверяющая. Но здесь все было спокойно и обычно. И меня в общем-то не удивило спокойствие самой Людмилы Илларионовны, глубоко знающей свой предмет, удивило спокойствие ребят, которые без напряжения, с живейшим интересом отнеслись к уроку, ничего другого не выказав — только радостное желание участвовать в общем разговоре, словно это был не урок, а какой-то праздник. И я поняла: ни Людмиле Илларионовне, ни ее воспитанникам нет надобности «работать на комиссию», чего-то опасаться. Обо мне они как бы и вовсе забыли, не обращали на меня никакого внимания — они занимались своим любимым делом.

А позже — факультатив. В тот день Людмила Илларионовна вместе со своими слушателями обсуждала книгу М. Шагинян «Четыре урока у Ленина». Все шло поначалу обычно: от чтения отдельных цитат и от-

рывков к осмыслению идейно-художественного своеобразия произведения, от заранее подготовленных учащимися «моментов» из жизни писательницы, ее творческого пути к ответам на вопросы учительницы. И я заметила, как постепенно нарастает интерес, живее становится разговор. Равнодушных не было, говорили все без исключения, определяя эстетическую и этическую значимость произведения, осмысливая обращенность книги к современникам, отвечая на вопросы и одновременно обсуждая, «рецензируя» ответы друг друга, полемизируя, докапываясь до истины. Ребята горячо отстаивали свою точку зрения. Людмила Илларионовна внешне спокойна.

— Хорошо, — кивает она. — Теперь скажите: если мысль Шагинян о единстве в Ленине просто человеческого и гениального не нова (об этом уже писали и Горький, и Маяковский), то стоило ли это снова доказывать? Или суть книги этой иная?..

Помню прекрасные, логически обоснованные, оригинальные ответы ребят, помню, что некоторые из ребят при всем своем очевидном уважении к своей учительнице не во всем с ней были согласны... «Так ведь это было бы грустно, — говорила потом Людмила Илларионовна, — если бы они слепо соглашались со всем, не имея собственного мнения».

И словесник Л. И. Осипова, мастерски овладевшая методикой проблемного преподавания, сумела добиться того, что знания учащихся становятся их убеждениями, ибо она, педагог, всем своим душевным строем, всей жизненной позицией утверждает бойцовское отношение к жизни, проявляя в борьбе за каждого своего воспитанника в то же время поистине материнскую заботу, постоянную готовность помочь человеку, если он нуждается в ее помощи.

Людмила Илларионовна ведет факультатив, читает лекцию в клубе, декламирует стихи со сцены, разговаривает с ребятами на перемене... А я смотрю на нее, веселую, вдохновенную, красивую, и думаю о том, как хорошо и приятно быть с нею рядом, думаю о пользе и счастье общения с ней не только для учеников, но и для сыновей, двух очень жизнерадостных, общительных и дружных мальчиков... Я видела, как старший из них, Аркаша, охотно колот дрова, колот и одновременно разговаривал с пришедшими к нему друзьями (видено было, что он, как и мама его, умеет беречь время и делает это без особых усилий над собой); видела, как предупредительно вежлив и гостеприимен младший Алеша... И всякий раз, когда я смотрю на этих мальчиков, чем-то они мне напоминают Людмилу Илларионовну — многими своими поступками, жестами, даже улыбками... Впрочем, чему же удивляться — это ее сыновья. Но когда я заметила, что многие ребята из Верх-Катунской средней школы тоже чем-то похожи на свою учительницу, иные уже похожи, а иные хотят быть похожими, — меня озарила догадка: Людмила Илларионовна этого хочет, в этом она видит смысл своей жизни, свое счастье. И мне захотелось, чтобы учитель, педагогов у нас было как можно больше, похожих на Л. И. Осипову. Как можно больше!..

А. КУРЕПИН

АЛТАЙСКИЕ ПРОПАСТИ

На 154 километре Чуйского тракта, главной автомобильной магистрали Горного Алтая, расположено одно из отделений Чергинского мараловодческого совхоза — село Камлак. В верховья одноименной с селом речки идет хорошо наезженная дорога. Она связывает с Чуйским трактом летние молочные фермы. Дорога заканчивается на заболоченном плато, разделяющем верховья рек Устюба и Камышла. Место это носит название Чистого или Камышлинского болота. С противоположной стороны долины Устюбы высятся покрытые лесом скалы (по местному Камни — Большой и Малый Коптелов), скрывающие от глаз второе заболоченное плато, еще большее по размерам, чем первое, — Метлево.

Оба эти плато не имеют видимых стоков воды, по их склонам не журчат ручьи, скалы не омывают струи водопадов. Здесь царит карст. Недра массивов пронизаны трещинами, устья которых открываются на поверхности в виде воронок и пропалов, где и исчезает вода многочисленных ручьев, начинающихся среди высоких, в рост человека, зарослей болотных трав, в небольших, покрытых мелкой березой и осинной, лощинах.

Реки этого района не страдают от недостатка влаги. Практически на всем их пути вдоль известковых склонов расположены выходы подземных вод. Величина источников различна: от самого малого ручейка, в котором с трудом можно зачерпнуть кружку воды, до целой речки, называемой местными жителями Выпад и еще недавно вращавшей колесо небольшой мельницы. Большинство источников зимой не перемерзает.

На своем пути к подножью подземные потоки образовали в скалах множество различной величины полостей — карстовых шахт и пещер, проникнуть в которые можно, в основном следуя по пути воды сверху... Но в долине Устюбы есть несколько небольших горизонтальных гротов, когда-то образованных водами источников.

О том, что на болотах есть провалы, имеющие доступные для человека входы под землю, было издавна известно жителям окрестных сел, охотникам и скотоводам. Проводник Новосибирской экспедиции 1972 года житель села Кыркыла Семен Сидорович Матусович рассказывал, как еще в юности во время сенокоса, спустившись в провал набрать воды, уронил он в ручей

свой медный чайник. Поток увлек чайник внутрь пещеры и достать его уже не удалось. Потом этот понор затыкнуло илом. Но бывало и наоборот: глиняные пробки, цементирующие глыбовые завалы на дне воронок, размывались, и среди камней открывались зияющие поноры, ведущие в таинственные глубины. Но, кроме шума воды, ничто более не нарушало покой вечной ночи, царящей в подземных залах и переходах, скрытых от солнечного света десятками и сотнями метров известняка.

Небольшие пещеры в скальных обрывах, выходящих в долину Устюбы, не были столь недоступны и изредка использовались людьми для различных надобностей, порой весьма сомнительного свойства. Среди местных жителей до сих пор рассказывают историю о братьях-разбойниках, терроризировавших в начале века всю округу и скрывавших свою добычу в нескольких небольших гротах.

Первую пещеру в понорах на Чистом болоте нашли спелеологи Новосибирска в 1963 году. Пробравшись между держащихся на «честном слове» огромных камней, они спустились в вертикальную 60-метровую щель. Вода ручья, образовавшего эту шахту, каскадом падала на дно колодца, скапливалась в небольшом озере и исчезала в забитом глиной, мелкими ветками и галькой сифоне. Название Тещина радость, данное этой пещере новосибирцами, не прижилось. Сейчас пещера известна под именем Опасная. Так окрестили ее томские спелеологи, побывавшие в этом районе в 1965 году.

Сейчас на Чистом болоте известны 4 вертикальные карстовые шахты глубиной от 40 до 60 метров (Опасная, Камышлинский провал, Провал духов и Вечерний променанс) и одна горизонтальная пещера длиной около 40 метров.

От Чистого болота до противоположной стороны долины Устюбы всего 8 километров, но прошло целых 8 лет, пока была найдена первая пещера на Метлево.

Открытие это совершил Ю. В. Никифоров, сотрудник Алтайской геофизической экспедиции, одна из полевых партий которой базировалась в 1971 году неподалеку от Метлево в поселке Светленький. Наслышавшись от местных жителей о таинственной провальной яме, в которую «стекают» реки», в один из ясных осенних дней он отправился на поиски. В самом восточном

из осмотренных провалов удалось найти проход под землю. Низкий лаз — русло пещерного ручья — привел исследователя к устью первого вертикального участка хода.

Через несколько дней Юрий Владимирович вместе с сыном Михаилом и прибывшими к ним на помощь из Горно-Алтайска Н. В. Смирновым и Н. И. Божок преодолели эту преграду, спустились по омываемым каскадом подземного потока уступам второго и третьего колодцев и очутились в огромном подземном зале. Колонный — это один из самых больших гротов в пещерах Сибири. Его размеры таковы, что в дальних боковых нишах шум водопада уже не слышен, а в лабиринте между глыбами, образовавшими пол нижней, северной, части зала, можно заблудиться. Свет фонарей не может разогнать мрака, скрывающего от глаз спелеологов потолок, и от этого грот кажется еще больше.

Дна пещеры, расположенного на глубине 130 метров от входа, исследователи достигли двумя месяцами позже. Оказалось, что в глыбовом завале, около северной стены, есть ведущий вниз лаз. Завал разобрали и несколько десятков метров спуска привели спелеологов во второй большой грот. По медленно текущему среди глиняных берегов ручью они попали в подземный каньон, который через 30 метров закончился сифоном.

Так была найдена пещера Геофизическая, впервые на Алтае приведшая исследователей на глубину более 100 метров.

В 1972 году сифон Геофизической преодолели спелеологи Новосибирска. Прорывнув маленький отрезок занятого водой хода, они попали в небольшой грот, дно которого было залито озером. Вода уходила во второй сифон — узкий подводный лаз в правой дальней части зала. Попытки определить, куда же он идет, вызвали обвал толстого, до 10 сантиметров, слоя глины, скопившейся на стенах. Вода в озере начала быстро подниматься — по-видимому, глина закрыла ход. Исследование пришлось прекратить и срочно вернуться в предсифонную галерею. Вода поднялась еще на полметра и потом с глухим шумом, раздававшимся откуда-то из-за толщи скал, быстро вернулась к прежнему уровню. Впоследствии новосибирцы еще дважды пытались пройти второй сифон, но безуспешно.

Семь лет пещера Геофизическая считалась глубочайшей пропастью Алтая.

Провал, в котором начинается Геофизическая, единственный на Метлево имеет открытый ход под землю. В остальных воронках ручьи исчезают в узких щелях, забитых мелкими и крупными камнями. Дно этих воронок, покрытое суглинком, заросло травой, лопухами и жгучей крапивой. Встретившись с этой преградой, спелеологи принялись за раскопки. Сейчас на дне любой воронки можно встретить следы этой трудной и обычно безрезультатной деятельности. Впрочем, не всегда. В 1976 году двойного успеха добились туристы Барнаула. Группа детской экскурсионно-туристской станции «ДЭТС-спелео», возглавляемая В. Толмачевым, таким именно спо-

собом обнаружила входы еще в две пещеры. Небольшие карстовые шахты Зимняя и Алтайские спелеологи, глубиной 20 и 40 метров, увеличили количество известных пещар на Метлево до трех.

Но недра таили в себе пропасть значительно больших размеров. О существовании такой полости говорили и трехсотметровый перепад высот между плато и источниками в долине Устюбы, и большая разность высот (около 100 метров) между входом в Геофизическую и верхними понорами. К такой же мысли приводило и видимое несоответствие между количеством воды в источниках верховья Устюбы и объемом ручьев, уходящих в поноры на плато.

В дождливом июле 1976 года ежедневные ливни переполнили болота, этот естественный регулятор стока вод на Метлево, и в любой, даже самый маленький провал, бежала, струилась вода. По самым скромным оценкам, все поноры поглощали примерно 300 литров воды в секунду, а ближайшиe источники, впадающие в Устюбу со стороны Метлево, давали не более одной трети этого объема. Значит, выходы воды были где-то дальше, ниже по течению Устюбы, и перепад высот между этими источниками и поверхностью плато был еще больше.

Было даже известно, в каком из поноров вероятнее всего можно найти вход в эту большую пещеру. Самая верхняя и самая глубокая воронка поглощала и самый крупный из ручьев. Неоднократно велись раскопки в этом провале. Энтузиасты пытались даже нырять в небольшое озерцо, скрывающее дно воронки, но бесполезно. Каждое лето, семь лет подряд, пещера играла в прятки со спелеологами. А выдала себя зимой.

В феврале 1978 года барнаульский спелеолог В. Толмачев заметил, что несколько кустов на северном склоне воронки покрыты толстым слоем инея. Так стоят закуржавшими деревья у промоин в речном льду, в лесу у незамерзающего источника, в городе у плохо закрытого колодца тепло-трассы — там, где влажный теплый воздух встречается с зимним, сухим и холодным. И растут на окружающих предметах большие белые бороды изморози.

В пещерах зимой такая изморозь всегда образуется вблизи входов. Дышит пещера. И часто именно так можно найти место, где прячется вход в подземелье.

В мае раскопки принесли наконец успех. Протиснувшись через узкую щель, спелеологи попали в круто спускающийся ход, который на глубине 35 метров оканчивался первым большим гротом. Здесь первопроходцы были остановлены водным потоком, падавшим из отверстия в потолке и полностью закрывавшим ход вниз. Исследования пришлось отложить до зимы.

Люди вернулись в пещеру вслед за первым осенним морозом. Уже в ноябре здесь побывала группа спелеотуристов из Бийска и Новосибирска. Иссякли потоки воды, бушевавшие весной. Но вновь не сдалась пещера. На глубине около двухсот метров кончилось снаряжение. Последний капроновый фал привел группу к краю отвесного десятиметрового обрыва. При туск-

лом свете фар удалось рассмотреть глыбовой завал и уходящие в темноту стены большого грота. Подземный ручей, появляющийся здесь из небольшого отверстия в стене, исчезал в камнях на дне грота на глубине 215 метров от входа в пропасть.

Ознакомившись с ноябрьскими результатами, продолжила работу экспедиция барнаульцев. В декабре исследователи спустились в грот, дно которого рассматривали месяцем раньше их менее удачливые коллеги. Среди груды камней в нижней части зала, названного гротом АлГУ, удалось найти ход, ведущий дальше вниз. Но тут спелеологов ожидало разочарование: стенки хода постепенно сблизились, потолок опустился, и путь преградила упирающаяся в скалу лужа — сифон.

Находка карстовой пропасти глубиной более двух сотен метров превратила безлюдное Метлевское болото в очень оживленное место. Уже в январе 1979 года в пещеру Алтайская спустилась очередная экспедиция. Ею руководил уже побывавший в этой пещере в ноябре Валентин Мишин, председатель Новосибирской областной комиссии по спелеотуризму. Группа была составлена из опытных туристов Новосибирска и Бийска, имевших опыт прохождения многих сложных пещерных маршрутов.

Во время исследований спелеологам часто приходится совершать внешне странный маневр. Они прерывают свое движение в глубь земли и поднимаются, как альпинисты, вверх, иногда на многие десятки метров. К этому их вынуждают завалы и сифоны, полностью перекрывающие путь. Цель подъема — постараться найти более старые, ранее образовавшиеся горизонты пещеры, свободные от водных потоков и каменных глыб, и по ним преодолеть непроходимый участок. Такая тактика часто приносила успех. Не подвела она на этот раз.

Осматривая беспорядочное нагромождение камней в углублении северо-восточной стены грота АлГУ, на высоте нескольких метров новосибирский спелеолог Борис Шварц обнаружил ход.

По виду это была более старая часть пещеры. С потолка тянулись вниз трубочки сталактитов-соломинок, свисали флаги кальцитовых занавесей, на слабом глиняном основании устроились толстяки-сталагмиты...

В нижнюю часть новой системы вел узкий лаз между камней, покрытых глиняной корочкой. Глина здесь была везде — и на полу, и на стенах, и на потолке. Даже сталагмиты, десятками маленьких пагод покрывавшие наклонные стены хода, оказались образованными из глины.

Вот и долгожданный ручей. С легким журчанием он струился по дну галереи, появляясь из-под стены, как показала потом топосъемка, всего в 15 метрах грота АлГУ.

Вновь стала глубже пещера Алтайская. Пройдя четверть километра по течению ручья, найдя обходы еще двух сифонов, спелеологи спустились на 23 метра ниже уровня первого сифона.

Сейчас дно грота Трех мушкетеров, расположенное на глубине 240 метров от входа в пропасть, конечная точка подземного маршрута. Следующие экспедиции обнаружили и обследовали еще несколько новых ходов и галерей. Суммарная их длина вместе с ранее изученной частью пропасти превышает километр. Но все новые пути ведут пока только вверх.

Кому и где удастся найти проход к еще большим глубинам? Много загадок таит в себе Метлево. Еще больше нерешенных спелеологами вопросов хранят высокогорные карстовые районы Центрального Алтая, где, может быть, на Северо-Чуйском или Теректинском хребтах расположен вход в еще более глубокую, не открытую пока пропасть.

Г. БЕЗРУКОВ,
заведующий партархивом Алтайского крайкома КПСС

У ИСТОКОВ НОВОЙ ЖИЗНИ

Поезд подходил к Барнаулу. И чем ближе становился этот незнакомый город, тем тревожнее были мысли Елизаветы Константиновны Голубевой. Глядя в окно, за которым стоял серый октябрьский день, она пыталась представить, как сложится ее жизнь здесь, в далеком сибирском городе. Волновали не будущие заботы об устройстве личного быта, она привыкла обходиться немногим, со студенческих лет привыкла. Хотя могла бы жить обеспеченно, ведь родилась Лиза в дворянской семье. Да, могла бы, но не захотела, другую избрала себе дорогу, дорогу в революцию, которая и привела ее в октябре 1917 года на Алтай.

Мать умерла рано, Лиза не помнила ее, воспитывал девочку отец, педантичный немец, владелец крупной заимки в Тобольской губернии, да тетка, неукоснительно выполнявшая все предписания отца.

— Вот закончишь гимназию, найдем мы тебе подходящего мужа и станешь хозяйкой в доме, — не раз он говорил.

Лиза действительно окончила гимназию в Омске, но дальше программа, назначенная строгим родителем, не была выполнена. Когда ей не было еще семнадцати лет, осенью 1906 года, она уехала работать учительницей в село.

Вспоминая сейчас, в поезде, об этом впервые принятом ею самостоятельном и смелом решении, Голубева порадовалась за себя ту, шестнадцатилетнюю, бескомпромиссную и решительную. Но дело, вероятно, было не только в решительности. Главное состояло в том, что революционные события 1905 года докатились и до Омска, оказали заметное влияние на умы юных гимназистов. Создавались ученические кружки, руководили ими нередко социал-демократы, они же знакомили учащихся с нелегальной, в том числе марксистской, литературой. Лиза являлась активной участницей кружков, горячих дискуссий о прочитанном.

Вероятно, именно здесь зародилась мысль, пусть еще не до конца осознанная, посвятить свою жизнь борьбе за лучшее будущее людей труда. Что для этого необходимо сделать, девушка еще четко не представляла. Но ее энергичная натура требовала немедленных действий. Так пришлось решение заняться просвещением крестьянских детей. Но, проработав два года, Лиза поняла, что сама-то знает еще очень мало. К тому же, наблюдая ежедневно

крестьянскую жизнь, убеждалась постепенно, что бесправие бедняка, засилье кулака, произвол властей, беспощадно подавлявших малейшее проявление недовольства, не исчезнут сами по себе, что для изменения существующих порядков недостаточно просвещенческой деятельности, нужны коренные изменения в экономическом и политическом укладе царской России.

И тогда Голубева делает новый шаг по избранному пути, шаг, который приводит ее в город, являющийся центром революционной мысли и практики в России.

Вернувшись домой, где все шло по раз и навсегда установленному порядку, Лиза не сразу решилась на разговор с отцом. Она понимала, что поддержки не найдет, но и отступить от задуманного уже не могла.

— Я уеду в Петербург, хочу получить медицинское образование, — сказала Лиза отцу после долгих колебаний.

Как и ожидала она, отец был против. Но она не ожидала, что он пойдет на крайний шаг:

— Уедешь против моей воли — помощи не будет. Живи как знаешь.

Лиза понимала, как нелегко ей придется в большом незнакомом городе без поддержки отца. К тому же предстояло расстаться, может быть, навсегда со всем тем, что окружало ее с детства, к чему привыкла, что стало ей родным. Неоглядные степные дали, перемежаемые разбросанными в беспорядке березовыми колками да тихими светлыми речушками, ни с чем несравнимая тишина и прозрачность раннего деревенского утра, вызывающий легкую грусть запах скошенной и чуть увядшей травы... Как же без этого жить? Да и сама Лиза, казалось, была создана для деревенской жизни: высокая, сильная и стройная фигура, большие, крепкие руки, темно-серые с живым и веселым блеском глаза, свежее, чрезвычайно нежное, но в то же время волевое лицо.

Но мечта об иной жизни, стремление к более глубоким знаниям и деятельности, направленной на изменение несправедливых и бесчеловечных порядков, оказались все-таки сильнее. И вот в сентябре 1909 года она была уже в столице, самостоятельно подготовилась, и ее приняли в Петроградский женский медицинский институт. Не получая помощи из дому, Лиза зарабатывала на жизнь сама. Работала где придется: давала уроки, трудилась в типогра-

фии, зимой два года работала библиотекарем в студенческой библиотеке, летом — в районах эпидемий сначала сестрой милосердия, потом фельдшером, а в 1915 году уже врачом.

С 1914 года Голубева в зимнее время начинает работать в больничной кассе франко-русского завода медицинским контролером со стороны рабочих. Это было в то же время и ее партийное поручение, причем не первое.

В годы реакции большевики использовали каждую, даже небольшую возможность легальной деятельности для политического просвещения рабочих. Революционно настроенные студенты-земляки еще в 1909 году, сразу после приезда Лизы, узнав о ее взглядах и желании участвовать в социал-демократической работе, предложили пойти в одну из вечерних школ для рабочих на Выборгской стороне.

— А что же я там должна делать? — недоуменно спросила Голубева. Она ждала ответственного боевого поручения, а тут — опять школа. От чего уехала, к тому и приехала.

— Да, мы учли, что ты уже работала в школе. У тебя есть знания и определенные навыки. Но учти, что, во-первых, это школа для взрослых, во-вторых, наряду с преподаванием русского языка и арифметики ты должна знать настроения рабочих, исподволь влиять на их формирование: привести пример из жизни, порекомендовать прочитать и помочь достать нужную книгу, а главное — искать преданных нашему делу и готовых к борьбе рабочих.

Так началось ее приобщение к революционной деятельности. В 1910 году, пройдя первые испытания, Голубева вступила в Российскую социал-демократическую рабочую партию в нелегальном кружке типографов. Впоследствии Елизавета Константиновна напишет в автобиографии, объясняя свой выбор в пользу большевиков: «Колесания меньшевиков, позиции ликвидаторов меня оттолкнули своей двойственной позицией и какой-то боязнью решительных действий»¹.

Лиза учила и училась сама, много читала. За первым поручением последовали другие: печатала прокламации, разносила их, хранила нелегальную литературу, какое-то время ее комната служила местом явки. Когда стали организовываться больничные кассы для помощи заболевшим рабочим, Голубеву направили в одну из них. Здесь она убедилась еще раз в половинчатости и нерешительности меньшевиков, которые уверяли рабочих, что вот так, постепенно, и нужно добиваться улучшения своего положения. Большевики же, поддерживая создание больничных касс, доказывали, что для коренного улучшения жизни необходимо бороться за свержение самодержавия. И Голубева, посещая квартиры рабочих, разъясняла им позицию своей партии.

В конце 1916 года Лиза закончила институт и по мобилизации женщин-врачей, уже после Февральской революции, была

направлена эпидемиологическим врачом среди беженцев в Кокчетавский уезд. Большевистской организации здесь не было, но Елизавета Константиновна, которую всегда отличали неумная энергия и стремление в любой ситуации быть полезной, не могла оставаться в стороне от борьбы за влияние на массы. Она начинает работать в крестьянском комитете, сколачивает группу сочувствующих из крестьян-переселенцев и в это время получает назначение в Барнаул.

По дороге, длившейся не одни сутки, Лиза не раз возвращалась мысленно к главному вопросу: есть ли в городе большевики или ей и здесь придется начинать все сначала?

Ответ на его могла дать только встреча с городом.

Вот и конечная станция. День подходил к концу, начинало подмораживать, сквозь серые поднявшиеся выше и поредевшие облака временами ярко, но поосеннему, пробивались солнечные лучи, освещающие здание вокзала и видневшиеся вдали избы горожан. Эти скучные осенние предвечерние лучи оживили унылый вокзальный пейзаж, скрасили встречу с незнакомым городом. «Все будет хорошо», — с улыбкой подумала Елизавета Константиновна и с этой мыслью отправилась искать извозчика.

Опасения оказались напрасными. В Барнауле только что прошла первая губернская конференция большевиков, поставившая ближайшей задачей вооруженное восстание, переход всей власти к Советам. Путь к этому один: с помощью широкой, убедительной, терпеливой агитационно-разъяснительной работы окончательно оторвать массы от меньшевиков и эсеров, поддерживающих органы власти Временного правительства. Задача нелегкая, особенно с учетом местных особенностей: в городе рабочих мало, трудились они на мелких предприятиях, многие имели свои дома, хозяйство; в деревне господствовали кулаки, их нередко поддерживала довольно многочисленная прослойка середняков, находившаяся под влиянием эсеров. Поэтому каждый большевик был на учете, и Голубева немедленно включилась в борьбу. Она выступает на митингах, на рабочих и женских собраниях, активно вовлекает рабочих и особенно работниц в профсоюзы.

В конце октября в Барнауле стало известно о вооруженном восстании в Петрограде, хотя сообщения из столицы отличались противоречивостью. 10 ноября газета «Голос труда» писала о том, что в Барнауле пока еще не знали, кто возьмет верх — бывшее Временное правительство или вновь созданный Совет Народных Комиссаров¹.

Буржуазия и поддерживающие ее партии сразу после получения известий о событиях в Петрограде развернули злостную кампанию клеветы для дискредитации большевиков, активизировали деятельность по объединению всех контрреволюционных сил.

¹ ПААК КПСС, ф. 5876, оп. 11, д. 31, л. 6.

¹ Голос труда, 1917, 10 ноября.

27 октября они создали Комитет общественного спасения, ему передавалась вся полнота власти в губернии. Главная цель создания комитета, который возглавил кадет Окоороков, состояла в том, чтобы не допустить революционного взрыва и передачи власти в руки Советов.

В противовес лозунгу «Вся власть Советам» выдвигается лозунг «Вся власть Учредительному собранию». Большевики в сложившейся ситуации видели свою главную задачу в полной изоляции от масс соглашательских партий, за спиной которых действовали контрреволюционеры всех мастей. Для этого они широко использовали избирательную кампанию по выборам в Учредительное собрание.

12 ноября в Народном доме по инициативе большевиков состоялся общегородской митинг. С докладом о тактике партии в войне, о текущем моменте выступил И. В. Присягин. Большевики потребовали установления рабочего контроля над производством.

С пламенными словами обратилась к присутствующим на митинге женщинам Елизавета Константиновна:

— Мы призываем вас активнее включаться в политическую и общественную жизнь страны, в борьбу за уничтожение векового гнета эксплуататоров, за равноправие. Добиться свободы, счастливой доли вам и вашим детям поможет наша партия. Не верьте соглашателям, которые хотят, чтобы все осталось по-старому. Вы ждали долго, теперь пришла пора решительных действий.

Да, пора решительных действий настала.

Со II Всероссийского съезда Советов возвратился председатель Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов М. К. Цаплин.

3 декабря на экстренном общем собрании барнаульской большевистской организации и затем на заседании Барнаульского Совета, заслушавшем доклад М. К. Цаплина о революционных событиях в Петрограде, работе II съезда Советов и задачах Советов Алтая, решено ликвидировать власть буржуазии и установить власть Советов.

Для координации действий всех революционных сил по захвату власти в этот же день Барнаульский Совет создает Военно-революционный комитет. В него избираются девять наиболее опытных и стойких большевиков. Председателем комитета стал М. К. Цаплин, заместителем — А. А. Селезнев, одним из членов и ответственным секретарем — Е. К. Голубева.

Уже 6 декабря Барнаульский Совет объявил о роспуске Комитета общественного спасения и других органов Временного правительства, до созыва губернского съезда передал всю полноту власти Военно-революционному комитету.

Несмотря на упорное сопротивление, 7 декабря красногвардейцы и революционно настроенные отряды солдат захватили решающие объекты в городе.

Голубева и другие члены Военно-революционного комитета выступали на многочисленных митингах рабочих и работниц,

которые выражали одобрение и поддержку революционным переменам.

Впереди предстояла сложная и ответственная работа по организации защиты завоеванных прав и свобод, а главное — по обеспечению нормальной жизнедеятельности огромного края. Наследство большевикам досталось тяжелое. Нищета, неграмотность, болезни являлись печальным уделом большинства семей.

Елизавета Константиновна с присущей ей энергией берется за решение самых трудных задач. Она понимала, что без привлечения самих трудящихся к осуществлению ленинской программы переустройства жизни большевики не смогут ничего сделать.

Необходимо было найти соответствующие формы участия всех слоев населения в государственном управлении. И Голубева умело находила их. Особую тревогу у нее, врача по профессии, вызывало состояние медицинского обслуживания. Даже на фоне общего неблагоприятного положения в России здравоохранение в Алтайской губернии отличалось крайней запущенностью.

На Алтае широкое распространение получили эпидемии, 30—40 процентов родившихся детей, не дожив до года, умирали. Барнаул с многотысячным населением обслуживался больницей в 40 коек с двумя врачами да амбулаторией с одним врачом. Непомерно высокая плата за медицинскую помощь не позволяла рабочим обратиться в больницу даже в случае крайней необходимости.

Голубева предлагает ряд мер для облегчения доступа трудящихся к медицинскому обслуживанию.

— Прежде всего необходимо передать дело здравоохранения из городской управы в руки Советов, — говорила Елизавета Константиновна. — Управа саботирует указания Совета. Например, старший врач городской больницы сообщал неоднократно членам управы, что в больнице нет хлеба, воды, каменного угля для отопления, просил принять экстренные меры, но тщетно. Следующий шаг, — продолжает Голубева, — создание общегородской больницы кассы.

Она по поручению Совета разрабатывает проект Устава общегородской больницы кассы, который 18 января рассмотрели на заседании Центрального бюро профессиональных союзов.

А затем исполком Барнаульского Совета принимает постановление о введении социального страхования трудящихся на случай болезни, смерти, родов.

«Для проведения сего в жизнь», — записано в постановлении, — учреждается общегородская Барнаульская больничная касса. Средства больничной кассы состоят из взносов предпринимателей, 10 процентов с зарплаты каждого участника больничной кассы...

Больничная касса оказывает страхуемым бесплатную врачебную помощь и денежное пособие на время утраты трудоспособности¹.

¹ Голос труда, 1918, 21 янв.

За рабочих и служащих, работающих не у частных предпринимателей, взносы обязывались вносить государственные учреждения, предприятия, профсоюзные комитеты, где они уже действовали.

14 марта Елизавета Константиновна выступает в газете «Голос труда» со статьей, в которой в популярной форме излагает основные мысли по улучшению медицинского обслуживания в Барнауле. Исходя из того, что в городе мало лечебных учреждений, Голубева предлагала остановиться пока на системе свободного выбора врача. «Заключается она в следующем: больничная касса... заключает договор, по которому все врачи данного общества должны оказывать врачебную помощь всем участникам больничной кассы как у себя на дому, так и на дому у больных, получая от них только талоны; расплату же по талонам производит больничная касса по заранее утвержденной таксе¹. Преимущества этой системы перед старой, по которой больничная касса приглашала на службу 1, 2 или, самое большее, 3-х врачей, которые вели прием больных в «кассовой» амбулатории довольно значительны». Во-первых, говорилось далее в статье, при старой системе больной не мог лечиться у нужного специалиста. Во-вторых, «кассовая» амбулатория была перегружена, и врач на прием тратил не более 2—3 минут. И первое и второе снижало качество врачебной помощи. В-третьих, на дому всегда относятся к больным внимательнее.

Таким образом, делает вывод Голубева, «улучшая качество врачебной помощи, эта система тем самым сберегает здоровье рабочих и укорачивает их болезнь. Это в свою очередь необходимо для больничной кассы, ибо сокращает денежные пособия и позволяет кассе тратить больше денег на устройство хороших больниц, санаторий и даже клиник»².

В тот же день публикуется за подписью председателя Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов Чаплина и председателя общегородской больничной кассы Голубевой обязательное постановление: «Все предприятия с количеством рабочих от 100 человек и более должны немедленно озаботиться приглашением фельдшера, дежурство которого обязательно во все время производства работ для оказания первой помощи при несчастных случаях.

В предприятии должна быть отдельная комната с койкой и необходимым материалом.

Содержание фельдшера и приобретение перевязочного материала на счет предпринимателя»³.

Став в феврале 1918 года членом губисполкома и его президиума, где на нее возлагают обязанности секретаря, Елизавета Константиновна предложила организовать губернскую аптечную комиссию для наблюдения за распределением лекарств,

добивается выделения помещения для хирургической больницы и губернской лечебницы, больничной кассы и союза увечных воинов.

Таким образом, Е. К. Голубева стояла у истоков рождения системы здравоохранения нашего края и города Барнаула, а точнее — являлась ее первым и главным организатором.

Ее деятельность в это время не ограничивалась вопросами здравоохранения. Она создает Союз солдаток, который занимался распределением пособий среди наиболее нуждающихся солдаток, является членом Высшего революционного суда, рассматривавшего дела, связанные с контрреволюционными выступлениями, террористическими актами, саботажем мероприятий молодой Советской власти, избирается членом городского комитета партии, ведет большую работу в центральном бюро профсоюзов, ответственным секретарем которого являлась.

— Как ты, Лиза, успеваешь все делать? — не раз спрашивали товарищи по работе.

— Я же не одна, у меня десятки помощников среди рабочих и работниц, солдаток и профсоюзных активистов. Мы вместе учимся строить новую жизнь.

В напряженной работе незаметно прошла зима. Голубева встретила первую алтайскую весну, которая вместе с теплом несла людям надежды на лучшую жизнь, на мирный труд. Но этим надеждам не суждено сбыться.

Сразу после дня международной солидарности трудящихся, впервые отмеченного при Советской власти, 11 мая 1918 года Голубева вместе с Селезевым и Чусовым уехала в Москву на съезд комиссаров бирж труда и заведующих больничными кассами. А в конце мая в Сибири начинается белочешский мятеж. Возвращаясь из Москвы, Голубева доехала только до Тюмени, затем вместе с частями Красной Армии отступала до Перми.

Работала здесь в губернском комитете РКП(б), в связи с предстоящим рождением ребенка уезжает в Москву, возглавляет там отдел здравоохранения Бауманского района.

Колчаковские армии откатывались все дальше на Восток, и Голубеву, имевшую опыт работы в Сибири, вначале направляют в Челябинск, в Сиббюро ЦК, а затем после освобождения Барнаула в декабре 1919 года на Алтай.

Радость встречи с городом, ставшим ей родным, омрачалась тем, что многие видные партийные и советские работники, с которыми Елизавета Константиновна закладывала основы новых социалистических отношений, погибли в колчаковских застенках, на полях гражданской войны. Она понимала, что лучшей памятью о них будет скорейшее восстановление и укрепление власти Советов во всем обширном крае и в первую очередь в Барнауле.

Голубеву избирают членом губернского оргбюро РКП(б) и его президиума. 6 января 1920 года при губоргбюро создается го-

¹ В Барнауле было 15 врачей: три врача работали в больнице, 12 занимались частной практикой.

² Голос труда, 1918, 14 марта.

³ Там же.

родская комиссия. Главной ее задачей являлась организация партийных ячеек на предприятиях и профессиональных союзов. По сути дела необходимо было создать городскую партийную организацию. Учитывая большой опыт Е. К. Голубевой, оргбюро принимает решение: «т. Голубева входит в Бюро как ответственный организатор городской работы»¹.

В Барнауле выделяется 6 районов (Зайчанский, Городской, Железнодорожный, Затон, Нагорный, Подгляден), в каждый назначается ответственный организатор и секретарь, ответственные организаторы направлялись и на крупные предприятия. Людей, способных оперативно и толково решать эти нелегкие задачи, не хватало. Несмотря на то, что постановлением оргбюро к городской работе привлекались все ответственные советские и партийные работники, Елизавете Константиновне приходилось трудиться буквально днем и ночью. Уже в начале февраля в пяти районах были созданы и приступили к работе районные комитеты РКП(б), активизировалась деятельность ячеек. Решено также создать Барнаульский горком из девяти человек: шесть — от районов и три — от губоргбюро², Голубева подбирает людей в его состав и становится председателем горкома.

Казалось, что загруженность предельна. Но Голубева всегда волновала судьба женщин, работниц и крестьянок, она страстно хотела, чтобы женщины в полной мере осознали и использовали свои права, дарованные Советской властью, партией Ленина, стали активными строителями новой жизни, новых отношений на производстве и в семье.

Сразу после возвращения в Барнаул, 10 января 1920 года, она уже выступает с докладом на общем собрании коммунистов г. Барнаула. Главная мысль доклада — необходимость организации женщин-работниц, их участия в управлении делами государственных учреждений, в общественной жизни. И Елизавета Константиновна с помощью избранного на собрании бюро из пяти человек начинает работу непосредственно на предприятиях и в учреждениях. На собраниях избираются делегатки, наиболее сознательные из которых направляются в различные организации и учреждения, отделы губисполкома, в больницы, пекарни, столовые, ясли и детские сады для контроля и помощи.

21 января состоялось первое общегородское делегатское собрание, после чего они стали созываться каждую неделю по средам. Перед делегатками регулярно выступали с докладами о программе партии, текущем моменте, международном положении ответственных советские и партийные работники, отчитывались руководители различных советских учреждений.

В уездные комитеты РКП(б) рассылается предписание, в котором содержится требование немедленно начать организаторскую и пропагандистскую работу среди женщин, назначить в комитете ответственного за нее. В Камень и Бийск выезжают

представители для помощи по организации работы среди женщин.

Елизавета Константиновна выступает инициатором многих самых разнообразных, но насущно необходимых мероприятий, направленных на повышение активности женщин, облегчение их положения. Проводятся день работницы (накануне его в городе появилась листовка с воззванием к работницам), неделя голодного ребенка, неделя чистоты, организуются детские ясли, Дома матери и ребенка, консультации, детские приюты, курсы сестер, курсы по уходу за грудными детьми.

30 мая 1920 года в Барнауле проходил первый губернский съезд работниц и крестьянок, на котором присутствовали 184 делегатки из городов и деревень, из них одиннадцать коммунисток и 73 сочувствующих. Цель съезда — широкое ознакомление всего населения, особенно в деревне, с вопросами организации женщин и советской политики вообще.

Представителем губоргбюро и докладчиком на съезде по вопросам охраны материнства и младенчества утверждается Е. К. Голубева. Об ее огромном авторитете среди работающих женщин свидетельствует единогласное избрание председателем съезда.

— Что видела женщина в царской России? — задает вопрос Елизавета Константиновна участникам съезда и с горечью отвечает: — Бесправие, каторжный труд да побои. А дети? Половина из них умирала, не дожив до года, большинство детей из рабочих и крестьянских семей не могли учиться. Положение мало изменилось и при Временном правительстве. И только Советская власть, — с удовлетворением и гордостью продолжает Голубева, — не на словах, а на деле проявляет настоящую государственную заботу об охране материнства и младенчества.

Со времени освобождения Алтая от колчаковских банд прошло менее полугода. Но уже открыты десятки новых фельдшерско-акушерских участков, школ по ликвидации безграмотности, детские ясли на 700 мест, все дети трудящихся в возрасте до 14 лет с 1 марта взяты на питание за счет РСФСР.

«Съезд прошел успешно, по всем докладам принимались единогласно резолюции, и делегатки разъехались, почерпнув много сведений и знаний», — говорилось в одном из отчетов Алтгуббюро РКП(б)¹.

Голубева удачно сочетала огромную работоспособность с талантом организатора. Именно это учитывали в губревкоме, когда предложили ей заведовать отделом здравоохранения, именно это учитывали и в президиуме Алтгуббюро, когда приняли 1 февраля 1920 года следующее решение: «Поручить т. Голубевой взять на себя заведывание отделом здравоохранения с тем, чтобы она в месячный срок подготвила себе заместителя на этой работе рабочего или работницу из района»².

И Елизавета Константиновна продолжает дело, начатое еще в 1918 году.

¹ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 19.

² Там же, л. 43.

¹ ПААК, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 6.

² Там же, д. 2, л. 7.

В Барнауле и волостях открываются новые врачебно-санитарные пункты и фельдшерско-акушерские участки. Голубева возглавляет Чрезвычайную комиссию губоргбюро по борьбе с эпидемией тифа, которая черной тенью надвинулась на алтайские города и села. Открываются тифозные бараки, дезинфекционные камеры, проводятся противотифозные прививки, организуются передвижные противоэпидемические отряды, ведется большая разъяснительная работа. В результате уже к маю эпидемию тифа удалось ликвидировать.

Начинают действовать курорты в Лебяжье и Белокурихе, два санатория.

Первые успехи в налаживании здравоохранения стали возможны прежде всего потому, что Голубева сумела найти и воспитать нужных работников, повести за собой всех, кто искренне хотел улучшить жизнь людей труда. Елизавета Константиновна выполняла немало и других очень ответственных поручений. Губоргбюро командировало ее в Совет профсоюзов, она работает в комиссии по перерегистрации членов партии и сочувствующих, назначается в комиссию по выборам в городскую совет и по проведению Первомайского праздника.

Перечитывая документы тех лет, можно только удивляться, насколько разносторонней была деятельность этой женщины. Откуда такое умение быстро ориентироваться в обстановке, способность сплотить и увлечь людей, найти пути и средства решения многочисленных задач, которые до этого никто еще не решал? Ведь ей самой в то время исполнилось только тридцать лет. Партия давала ей силы, знания добывались упорной работой по самообразованию, опыт приобретался революционной практикой по переустройству жизни. Об одном жалела Лиза — не оставалось времени для семьи. Муж Архип Селезнев, большевик с дореволюционным стажем, не раз ласково упрекал:

— Забыла ты нас с Галинкой, не быва-

ешь совсем дома. — И серьезно добавлял: — Надо тебе, Лиза, отдохнуть, полежаться.

Просил жену поберечь здоровье, но понимал, что в настоящих условиях это невозможно. Да и сам он работал очень напряженно, являясь председателем губсовнархоза, видным организатором профессиональных союзов на Алтае.

В июле 1920 года Голубевой и Селезневу предоставляется отпуск, а затем она уезжает с семьей на лечение в Томск, а после смерти мужа в 1922 году в — Ленинград.

Несмотря на болезнь, Елизавета Константиновна по-прежнему в гуще событий, по-прежнему твердо и последовательно отстаивает линию партии в борьбе с «правыми» и «левыми» уклонистами.

Она оканчивает институт красной профессуры (отделение естествознания) и последние годы жизни возглавляет институт здравоохранения в Новосибирске, выступает в центральных газетах и журналах по проблемам естествознания и медицины, работает над докторской диссертацией о роли социалфашистских гигиенистов в развитии расовой теории фашизма. Закончить монографию ей не удалось, смерть оборвала эту яркую, наполненную работой и борьбой жизнь в 47 лет.

Много успела сделать за свою короткую жизнь Елизавета Константиновна Голубева. Однажды избрав, вопреки воле отца-дворянина, нелегкий путь борьбы за осуществление идеалов марксизма-ленинизма, она прошла по нему до конца, с честью и достоинством неся высокое звание коммуниста.

Главное из того, о чем она мечтала и во что, работая на Алтае, вложила без остатка все силы свои и знания, осуществлено, стало реальностью. Трудящиеся городов и сел нашего обширного края продолжают дело, начатое первыми борцами за Советскую власть, одним из ярких и талантливых представителей которых является Е. К. Голубева.

В. ВОРОЖБИТОВ

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТОВ НА АЛТАЕ

Главным событием XX века явилась победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую страницу в истории не только нашей страны, но и всей планеты. Многие передовые люди XVIII и XIX веков мечтали о строительстве справедливого общества, где будут соблюдаться принципы свободы, равенства и братства. В практическом осуществлении этих стремлений восстание декабристов занимает особое место. Им выпала честь возвестить в декабре 1825 года в Петербурге и на Украине о начале революционного движения в России. Вот как В. И. Ленин говорит о них: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли»... «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс».

Борьба декабристов против царского самодержавия и крепостничества оставалась важнейшим требованием в программах последующих поколений революционеров и была окончательно разрешена в 1917 году.

Первоначально местом сосредоточения декабристов в Сибири было Забайкалье, а их первое знакомство друг с другом происходило в казематах Читы, где отбывали каторгу 85 человек, 70 — в казематах Петровского завода.

Из установленных 115 человек, прошедших сибирскую каторгу, поселение или службу в крепостных батальонах, в Забайкалье была преобладающая часть. Здесь были собраны вместе члены всех декабристских тайных обществ — Северного, Южного и Общества соединенных славян. Все они попадали под единую категорию «государственных преступников» и были подчинены идентичным условиям содержания и надзора.

Обратимся к одному из высказываний, принадлежащих декабристу Михаилу Александровичу Бестужеву: «Каземат соединил нас вместе, дал нам опору друг в друге и, наконец, через наших ангелов-спасителей — дам соединил нас с тем миром, от которого навсегда мы были оторваны политической смертью, соединил нас с родными, дал нам охоту жить, чтобы не убивать любящих нас и любимых нами, наконец, дал

нам материальные средства к существованию и доставил моральную пищу для духовной нашей жизни. Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти».

Соединившись вместе, они получили возможность коллективно проанализировать историю тайных обществ и вооруженных восстаний.

Одновременно казематная жизнь декабристов в Сибири способствовала появлению в тюремной практике артельной формы организации быта и занятий («Академий»), ставшей впоследствии для них нормой взаимоотношений друг с другом и близкими. Такую форму их общения, ее значение трудно переоценить. Она была и наиболее приемлемой для поддержания жизни ссыльных материально, «Духовная академия» декабристов была действенным средством в организации научной и культурной жизни, повышении общеобразовательного и теоретического уровня, а также политического сознания.

Во время бесед под влиянием коллективных мнений по актуальным вопросам, волновавшим общественность России и Европы, декабристы уже в 1828 году в Чите выразили пером Александра Ивановича Одоевского свое отношение к ним в ответе Александру Сергеевичу Пушкину на его послание «В Сибирь».

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями
Своей судьбы гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

В Петровском заводе появилось первое публицистическое произведение — записки Владимира Ивановича Штейнгеля «Сибирские сатрапы»; Михаил Сергеевич Лунин и Никита Михайлович Муравьев приступили к выработке коллективного протеста против

лживого «Донесения следственной комиссии», к написанию «Разбора»; Николай Александрович Бестужев и К. П. Торсон занялись реализацией ряда научных и технических планов.

«Академия» вооружала каждого сознанием важности и полезности приложения умственных и физических сил в новых исключительных условиях.

Велика роль и жен декабристов, усилиями которых ослаблялся карающий меч царизма и восстанавливалась связь с родными, внешним миром, общественными кругами, мнение которых нужно было ссыльным для укрепления веры в правоте своего дела.

В Чите у них созрел замысел вооруженного восстания, который не был осуществлен в силу уже известных нам обстоятельств.

Забайкальский период явился школой для тех, кому еще предстояло провести многие годы отбывания в сибирском заточении. О жизни и деятельности декабристов в Сибири читатель найдет материал в выдержках из записок и воспоминаний декабристов, писем, научных и литературных трудов, в отзывах современников, в официальных документах, расположенных в хронологическом порядке в книге «К России любовью горя», изданной в 1976 году Восточно-Сибирским издательством в городе Иркутске. Но это пока единственная летопись о них. Вот почему дальнейшее изучение литературного наследия их сибирского периода — мемуаров, писем, статей, очерков, научных работ, промышленных производств и художественного творчества, внедрение ими новых сельскохозяйственных культур и пород животных в практику сибирского региона — имеет большое значение как для понимания самого этого явления, так и для общей истории русской политической мысли XIX века и в познавательном плане.

В то же время интересно знать, что Алтайский округ не являлся регионом официальной и постоянной ссылки декабристов, как это определено для Восточной Сибири. Объяснение такому решению царской администрации, вероятнее всего, нужно искать в том, какое место в тот период занимал Алтай в экономике России и особенно царского двора.

Прежде всего в период сибирской ссылки декабристов Алтай становится центром Кольвано-Воскресенских заводов с достаточно освоенной, обжитой территорией, отлаженной системой управления и вторым после Урала горнодобывающим центром ценных полезных ископаемых таких, как золото, серебро, медь, свинец, минеральное сырье и т. д.

Алтай имеет хорошую транспортно-почтовую связь со столицей, о чем свидетельствуют имеющиеся на гербе города Барнаула скачущая лошадь и заводская труба.

Из сказанного можно сделать вывод: присутствие революционно настроенных декабристов здесь было нежелательным правительству.

Пока нам известны имена лишь пяти декабристов, пребывавших в Алтайском

горном округе из 259 наказанных судом. Это Николай Романович Цебриков, Павел Иевлев, Степан Михайлович Семенов, Александр Александрович Фок и Иван (Ян) Высоцкий.

Одним из первых сюда прибыл декабрист Н. Р. Цебриков, поручик Финляндского полка.

В день восстания — 14 декабря 1825 года — он не явился в свой полк, а присоединился к гвардейскому морскому экипажу и вместе с ним был на Сенатской площади. По настоянию царя был лишен дворянского звания и переведен в солдаты без выслуги. В своих воспоминаниях писал: «Моя ссылка в отдельные сибирские гарнизоны и вся картина безвыходного положения несчастного русского солдата, и в нравственном и в физическом положении равняющегося мученику, казалась смертью, каждый день витавшею вокруг меня...» Однако он выжил. Лишь после службы сначала в Бийском гарнизонном батальоне, а затем на Кавказе в 1837 году был произведен в прапорщики.

После ухода в отставку он служил на государственной службе и в частных имениях. До конца своей жизни оставался верен идеалам декабристской молодости, поддерживал тесную связь с Герценом, всячески пропагандировал его идеи. Звание декабриста для Николая Романовича было знаменем, «духом России», которое он достойно пронес с гордостью до последних дней своих.

И «Колокол» в некрологе о нем писал: «Он сохранил — и это общая черта декабристов — необыкновенную молодость и свежесть убеждений».

Декабрист Павел Иевлев, участник Отечественной войны 1812 года, один из тех, кого Николай I определил в дальние гарнизоны, то есть в Сибирь. Обвинялся он в том, что участвовал в восстании сознательно и за несколько дней до его начала выполнил одно тайное поручение, связанное с подготовкой полка к выступлению. В 1840 году П. Иевлев прибыл в Бийск. Прослужил он здесь больным до самой смерти.

Декабристы С. М. Семенов и А. А. Фок отбывали ссылку в Усть-Каменогорской крепости (эта территория в тот период времени относилась к Алтайскому горному округу. — В. В.). Более двух с половиной лет пробыл там и декабрист Иван (Ян) Высоцкий.

Вполне возможно, что дальнейшее исследование архивных материалов позволит выявить новые имена декабристов, связанных с историей Алтая.

Царь и его охранка жестоко расправлялись с декабристами. Они не ограничились созданием тяжелых, нечеловеческих условий жизни, а стремились к большему — уничтожить честь и достоинство человеческой личности, лишить не только декабристов, но и их детей всех прав и имени. И об этом убедительно говорят копии писем декабристов, найденные нами в материалах фонда Степана Ивановича Гуляева и его сына Николая Степановича, хранящиеся сейчас в Алтайском государственном краевом архиве.

Письмо первое

Милостивый Государь, Вильгельм Яковлевич!

Частые и сильные болезни сына моего совершенно расстроили его здоровье; в положении сем не только предназначение к военной службе, но самое путешествие из Сибири в Россию будет для него несомненно пагубным.

Дочь моя еще ребенок, — что может заменить ей заботливое попечение матери.

Существование жены моей так совершенно слито с благополучием и жизнью ее детей, что одна мысль о возможности разлуки уже сделалось для них мученьем. Должны ли дети мои вступить в свет с горькою уверенностью, что отец их купил им житейские выгоды новыми страданиями и самою жизнью их матери.

На сердце, уже полное любви и доброты Государя Цесаревича и Наследника, возлагаю я не раздельную судьбу жены и детей моих и через сердобольное ходатайство его испрашиваю милости не лишать детей моих имени, переданного им свястостию брака — имени, которое изгладить в их памяти можно только с уничтожением сыновней в них любви.

Сим отзывом имею честь ответить на предложение, сделанное мне через Ваше Высокопревосходительство.

Примите уверение в глубочайшем почтении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства

Покорный слуга Сергей Волконский.

19 апреля 1842 года.

Письмо второе

Милостивый Государь, Вильгельм Яковлевич!

16 числа сего месяца Ваше Высокопревосходительство объявили мне, что Государь Император, по случаю торжествования в прошедшем году бракосочетания Его Императорского Высочества Государя Цесаревича-Наследника, соизволил обратить высочайшее внимание к поступку жен наших, последовавших за нами в заточение, и принять всемилоостивейшее намерение, в уважении их, оказать им милосердие на детях их, родившихся в Сибири, и что комитет, которому всемилоостивейше повелено было изыскать средства привести в исполнение благодегельную волю Государя Императора, собрав потребные сведения, положил, по достижении детьми узаконенного возраста, принять их для воспитания в одно из казенных заведений для дворянского сословия учрежденных, если отцы на то согласны будут; при выпуске же возвратит им право, утраченное отцами их, когда они поведеним своим и успехами в науках окажутся того достойными; но вместе с тем лишит их фамильного имени, приказав именовать по отчеству.

До глубины души исполненный чувством живейшей признательности ко вниманию, всемилоостивейшему обращению на жен и детей наших, смею уповать, что Государь

Император, по милосердию своему, не допустит положить на чело матерей не заслуженного ими пятна и, лишив детей фамильного имени отцов, причислит их к незаконнорожденным.

Касательно же согласия моего на помещение детей моих в казенное заведение, я — в положении моем, — не дерзаю взять на себя решение судьбы их; но не должен скрывать, что разлука на век дочерей с их матерью — будет для них смертельным ударом.

Сергей Трубецкой.

19 апреля 1842 года.

Письмо третье

Милостивый Государь, Вильгельм Яковлевич!

Имею честь представить отзыв, требуемый от меня Его Сиятельством Графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом. Его Императорское Высочество Цесаревич и Наследник, при торжествованиях своего брака, обратил умилненные взоры на участь детей наших и пожелал, что пламенные мотивы матерей, отцов и сирот вознеслись за него к престолу Божию, Государь Император поручил комитету изыскать средства к осуществлению великодушной мысли Цесаревича, но члены оного не были одушевлены христианским высоким чувством юной души.

Отнятие у дочери моей фамильного ее имени поражает существо невинное и бросает тень на священную память матери и супруги. Отдача дочери моей в чужие руки довершила бы ее сиротство. В 1839 году, раздираемый жестокими болезнями моей дочери, я просил, чтобы мне позволено было соединить ее с ее единокровными.

Поручая ее моей матери, я желал хотя отчасти заменить ей нежность отца; но при расстроенном ее здоровье я бы нарушил священную обязанность, которая лежит на мне, отдав ее в общественное заведение.

Мне остается просить, чтобы не лишили меня моего единственного блага.

Какие житейские выгоды в зрелых летах заменят моей дочери сознание, что она исполнила долг свой и служила утешением и подпорою отцу своему.

С чувством глубочайшей признательности, совершенной преданности имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

Никита Муравьев.

Апрель, 19, 1842 г.

с. Урик

О чем еще говорят эти письма?

Прошло шестнадцать лет с того времени, как декабристы сосланы в Сибирь. Только теперь они находятся не в Чите, а в селе Урик, что в 17 верстах от Иркутска. К ним применялись те же формы ограниченного до минимума содержания и еще более изощренные методы слежки. Вся их жизнь здесь под наблюдением.

В письмах декабристов нет раскаяния, нет и просьб о помилвании, да и написаны они были ими по инициативе губернатора.

Все это говорит о верности их своему слову, идее, готовности до конца бороться с произволом самодержавия.

Письма декабристов полны протеста, направленного против стремления царя лишить их детей, рожденных в Сибири, законного имени.

Публикуя копии писем декабристов, следует рассказать и о Степане Ивановиче Гуляеве, объяснить, при каких обстоятельствах они оказались у него.

Степан Иванович Гуляев (1805—1888 гг.) известен как историк и фольклорист, пионер акклиматизации многих культурных растений и породного животноводства Сибири, инициатор использования в лечебных целях Белокурихинских минеральных источников, основатель новых промыслов, ремесел.

Его научные открытия и рекомендации, огромная практическая деятельность в Сибири дают нам полное право считать С. И. Гуляева ученым в самом высоком значении этого слова.

С каждым годом растет число научных исследований и диссертаций, при написании которых авторы щедро черпают материалы из фонда Гуляевых.

Однако полной мерой оценить огромный труд ученого мы до сих пор не можем, так как нет перечня всего того, что создано Степаном Ивановичем. По далеко не полным данным, им было написано и опубликовано 113 статей и книг.

В период жизни в Барнауле почтовая переписка С. И. Гуляева с различными обществами, редакциями и корреспондентами доходила до 1000—1500 писем и ответов в год. А всего за 29 лет им написано 2870 писем, имеющих научный и практический интерес.

Степан Иванович, наш коренной земляк, родился в селе Алейском при Локтевском серебро-свинцовом плавильном заводе, построенном в 1782 году, в семье подпрапорщика Ивана Петровича Гуляева, родители которого были выходцами из Вологодской губернии.

В 1819 году С. И. Гуляев четырнадцатилетним подростком поступил в единственное сибирское барнаульское горное училище, имевшее восьмилетний срок обучения. Кроме специальных дисциплин, физики, математики, черчения, горного дела, здесь изучали немецкий, французский и латинский языки.

После обучения С. И. Гуляева как способного ученика в 1827 году отправляют в Петербург старшим писцом в Главное отделение. Здесь он продолжает совершенствовать свои знания, посещает вечерние классы Академии художеств. Вот как характеризует его в этот период зять С. И. Гуляева, известный ученый Сибири И. Я. Словцов: «Он был высокого роста, плотного атлетического телосложения, с несколько смуглым лицом и темно-русскими гладко причесанными волосами. Огромная память, умение владеть карандашом открывали ему широкий путь к образованию».

Петербургский период — важная веха в его деятельности. Здесь он проводит научные и литературные исследования, печатается в различных изданиях. Среди его работ наиболее известны: «Об алтайских

каменщиках», «Естественно-исторические очерки Южной Сибири», «О сибирских круговых песнях», «Иртыш и страны им орошаемые», «Руководство для золотопромышленников», «Очерк Колывано-Воскресенских заводов», «О механике Ползуновых» и другие.

В столице он прожил почти 30 лет и установил прочные связи с представителями научно-литературного мира и до конца дней своих поддерживал с ними добрые отношения.

По настоятельной просьбе 28 февраля 1859 года С. И. Гуляев возвращается в Барнаул на должность советника частных золотых промыслов Алтайского горного округа. Причины его переезда на Алтай И. Я. Словцов объясняет тем, что «его тянуло на дальнюю родину, где нетронутая природа обещала исследователю много богатств, где в далекой глуши народная жизнь сохранила первобытную простоту нравов и драгоценных сокровищ не испорченных древнерусских мелодий».

В Барнауле Гуляевы поселились в доме по улице Иркутской (сейчас им. Пушкина) — чрезвычайно тихом районе города. Их дом (к сожалению, не так давно снесен) всегда был открыт для путешественников, исследователей, деловых людей и простых рудокопов, многие из которых собирали и доставляли ему коллекционный естественно-исторический материал, передавали сведения для написания многочисленных работ.

У Гуляевых была прекрасная библиотека, а его кабинет являлся как бы складом всевозможных материалов по металлургии, зоологии, ботанике, археологии, здесь же хранились фолианты рукописей, и книг, которые он считал достоянием различных обществ. Да и сам он воплощал в себе как бы живую книгу об Алтае. Здесь его посетила французская экспедиция Минье, знаменитый немецкий ученый-зоолог Брэм, Финтш и Вальбург-Цейль, датчане Тейгнер и Гааге, берлинский этнограф Якобсон, американцы Кеннан и Фросш, англичане Дильк и Нью-Ели.

Все многочисленные коллекции и экспонаты, которые получил, Гуляев дарил гостям или же отправлял в различные общества, членом которых состоял: Императорского Вольно-Экономического с 1845 года, Императорского русского Географического с 1853 года, Томского губернского статистического комитета с 1859 года, Русского энтомологического, Российского общества садоводства, общества естествоиспытателей при Петербургском университете, Императорского общества любителей естествознаний, Антропологического и этнографического общества при Московском университете, Общества для содействия русскому товарному мореходству, Императорского русского общества акклиматизации животных и растений, Берлинского географического общества и других.

Один только перечень обществ, членом которых он состоял, достаточно полно характеризует его научную и практическую деятельность. К примеру, знаменитая овчинная шуба — «барнаулка» — обязана своим появлением С. И. Гуляеву, изобрет-

шему краску и безвозмездно отдавшему ее технологию шубнику Лапину, который нажил на производстве шуб огромный капитал.

Отлично знакомый с природными богатствами Сибири и Алтая, Степан Иванович разрабатывает большое количество проектов организации новых промыслов, выращивания культурных растений, разведения длинношерстных тонкорунных овец и чухонской породы свиней. Им интродуцированы в полеводстве Алтая многие сельскохозяйственные растения, такие, как просо, сахарная свекла, табак, кендырь, лук полевой, дикие формы горного лука-слизуна, сибирский колбы, полевого чеснока, красного саратовского лука, арбузов, дынь и многих других овощей, плодовых, цветочных, лекарственных, кустарниковых и древесных культур из европейской части России, Кавказа и Средней Азии.

По свидетельству внучки Гуляева Елены Николаевны Епанчинцевой, умершей в 1982 году, в саду Степана Ивановича наряду со многими древесными и кустарниковыми растениями произрастал дуб и два куста облепихи. Есть полное основание считать С. И. Гуляева одним из первых инициаторов акклиматизации дуба на Алтае. Изучая материалы, хранящиеся в Алтайском государственном краевом архиве, удалось установить, что он первым в Сибири обратил внимание на облепиху, способствовал ее популяризации и ввел в культуру. Но облепиха далеко не единственный лесной медоносный кустарник, к которому проявлял большой интерес С. И. Гуляев.

Нам удалось установить, что С. И. Гуляев первым в Сибири обратил внимание и внедрил на Алтае растения, считающиеся классическими медоносами. В 1873 году он получил от Вольного экономического общества из Петербурга семена медоносных растений — резеды, фацелии, мелиссы и синяка.

Медоносные растения, особенно фацелия и синяк, сразу же привлекли внимание местных пчеловодов и были высоко оценены за их медопродуктивность.

Прошло более ста лет с тех пор, как первые семена этих трав, брошенные в сибирскую землю рукой С. И. Гуляева, дали добрые всходы. Теперь в колхозах и совхозах только нашего края эти растения занимают сотни гектаров, одаривая пчеловодов высококачественным продуктом — медом.

В Барнауле в 1865 году было учреждено отделение Омского комитета по сбору и отправке в Париж на первую Всемирную выставку натуральных и обработанных продуктов, естественных минеральных и сырьевых богатств Сибири. И всю эту работу в Барнаульском отделении было поручено выполнить Степану Ивановичу, человеку больших научных знаний и опыта.

Научная и практическая деятельность его была отмечена многими правительственными наградами и медалями научных обществ и выставок России.

Степан Иванович Гуляев был самородком Алтая.

Одним из многочисленных корреспондентов Степана Ивановича был большой

друг семьи Гуляевых горный инженер, выпускник Петербургского горного института Таскин Алексей Николаевич. Его судьба сложилась так, что первоначально служба в Восточной Сибири, а затем перевод на Алтай для работы в Локтевском заводе, то есть на родине Степана Ивановича. Оба они были почти одного возраста; их жены, Александра Филипповна Гуляева и Мария Таскина, из Петербурга, хорошо воспитаны и свободно владели немецким и французским языками.

В одном из писем А. Н. Таскина, полученного С. И. Гуляевым 23 мая 1874 года, сообщается:

«Многоуважаемый Степан Иванович!

Последнее письмо Ваше на мое имя от 14 марта текущего года заключало в себе следующее: «Вы когда-то обещали мне записку одного из декабристов, если она попадется, нельзя ли дать мне почитать?»

По поводу этого я могу только сказать Вам, что у меня была действительно записка барона Штейнгеля под заглавием «Иркутская губерния до Сперанского», но теперь ее нет у меня. Кто-то добрый человек зачитал эту записку.

Взяв статью Г. Штейнгеля препровождаю к Вам при сем копии с писем трех бывших государственных преступников: Сергея Григорьевича Волконского, Сергея Петровича Трубецкого и Никиты Михайловича Муравьева. За верность этих копий ручаюсь я, как служивший в 1842 году в Иркутске при бывшем генерале губернаторе Восточной Сибири Вильгельме Яковлевиче Руперте, на имя которого адресованы письма. Повод, послуживший к составлению последних, ясен из содержания их».

На основании письма А. Н. Таскина можно предположить, что вышеназванные документы декабристов были у него в подлинниках. Возможно, что Алексей Николаевич дал кому-то из очень близких людей почитать записку Штейнгеля, тот в свою очередь передал ее Степану Ивановичу.

Вполне возможен и другой вариант: эта записка отправлялась Степану Ивановичу, но об этом А. Н. Таскин забыл в силу преклонного возраста. Но как бы там ни было, а данная записка под названием «Иркутская губерния до Сперанского» найдена нами в фонде Гуляевых Алтайского государственного краевого архива.

Теперь очередь за тем, чтобы историки дали оценку найденному, ведь это уже вторая записка, принадлежащая одному из декабристов — Владимиру Ивановичу Штейнгелю.

В другом письме из Локтя от 24 мая 1874 года Алексей Николаевич пишет:

«...Пожалев еще раз, что я не мог услужить Вам присылкой записки барона Штейнгеля, сообщив Вам о полном согласии с моей стороны на высылку трех писем, которые я препроводил к Вам при последней моей грамотке к издателю русской старины. Не знаю только, не поступил ли я худо, выставив и перед вторым из этих писем М. Г. Вильгельма Яковлевича.

В черновых заметках моих это второе письмо начато как бы в виде докладной записки прямо: 16 ч. сего месяца Ваше превосходительство объявили мне и пр., а внизу подпись Сергей Трубецкой.

Не найдете ли нужным оговорить это при отправке писем к Г. Семевскому» (редактору журнала «Русской старины». — В. В.).

К тому времени прошло уже тридцать два года, как были написаны декабристами эти письма. Можно предположить, что появление писем у А. Н. Таскина обуславливалось тем, что внутренние действия декабристов импонировали ему, как и многим просвещенным умам России, а направленная борьба против царизма и произвола была близкой и понятной.

Вполне возможно, что его впечатления усиливались и от личной встречи с многими из декабристов, которые в то время еще находились под Иркутском. Да и трудно поверить в то, что таких встреч не было.

Что же заставило А. Н. Таскина ускорить публикацию писем декабристов?

Прежде всего состоянием здоровья, которое резко ухудшилось. В то же время в силу прежней своей службы он мог располагать большим количеством материалов, относящихся к декабристам. Для напечатания же требовались физические и моральные силы.

Поэтому и обращается он с просьбами к Степану Ивановичу, да и Степан Иванович предлагает ему свои услуги в публикации данных материалов.

Вместе с тем они понимали, что это сделать не так-то просто, ведь речь идет о «государственных преступниках».

Академик М. В. Нечкина писала, что «долгое время эти произведения вели лишь рукописное существование: возникшая в 40-х годах рукопись об Обществе соединенных славян (так называемые «Записки Горбачевского») увидела свет лишь в 1882 году. При цензурных условиях николаевского времени нечего было и думать о публикации этих произведений».

Последнее письмо Алексея Николаевича Таскина к Степану Ивановичу было отправлено 31 мая 1874 года из Локтевского завода в стихотворной форме:

Друг добрый, закадычный мой, —
Степан Иваныч дорогой!
Вы правы: автора записок
В «Архиве», в «Русской старине»
День ото дня длиннее список;
Вы правы: к их числу и мне
Примкнуть бы вовсе не мешало...
Так что ж? Зачем же дело стало?
Конечно, Вы мне — прямо в нос —
Сейчас же пустите вопрос...
За ленью, батенька, за ленью,
По своему обыкновенью
Отвечу напрямки я Вам...
Дрянь эта лень, я знаю сам,
Но как мне пособиться с нею?
Положим, с памятью моею
Завесть и можно было б речь
Кое о ком, чтобы извлечь
На свет как бы из-за могилы

Там, с кем я на веку моем
Служил иль просто был знаком,
Но ведь на это нужны силы,
Уменье факты просевать, —
Мякину отделять от зерен, —
Уменье их группировать,
А я теперь не так проворен,
Как прежде был... а между тем
На то, чтоб совладать со всем
Потребно время, да и время...
Итак, не легкое бы бремя
Взвалил на плечи я себе,
Собравшись написать подробно
Про то, за чем следить удобно
Я мог, благодаря судьбе —
Нет спору — было б бесподобно,
Когда бы удалось вдруг мне
Явиться в «Русской старине»
С запиской, полной интереса,
Но лень-то, лень! Как быть мне с пей?
Чем лень, — чем этого-то беса
Изжить мне из души своей?
Со временем, быть может, с нею
Вступить в борьбу я и сумею
И даже справлюсь как-нибудь,
Но не теперь... теперь мне грудь
Она, как берковец, сдавила,
Теперь не для труда пора,
Здесь в тридцать градусов жара
Уже с неделю наступила, —
Так мудрено ль, что и чернила
Лениво катятся с пера...

В приписке Алексей Николаевич пишет:

«Бот Вам, многоуважаемый Степан Иванович, дополнение к последнему письму моему на Ваше имя от 24 ч. (24 мая 1874 г. — В. В.) готового кануть в вечность мая в целой полусотне четырехстопных ямбов».

Данное письмо Алексея Николаевича Таскина является как бы его предсмертной исповедью. В ней сожаление и грусть старого человека, много повидавшего на своем веку, знающего сокровенное и знакомого с интересными людьми. Но нет уже времени, силы оставлять Алексея Николаевича. В начале 1875 года он скончался.

С уходом из жизни Алексея Николаевича найти подлинники писем декабристов стало почти невозможным.

Можно лишь сожалеть о том, что ни Ивану Степановичу Гуляеву, ни Алексею Николаевичу Таскину не удалось при жизни напечатать материалы декабристов, имевшиеся в их распоряжении.

Но их нужно благодарить уже только за то, что у них достало мужества сохранить эти ценнейшие документы декабристской сибиряды. А мы с Вами, современники, обязаны попытаться отыскать оригиналы писем, если они где-либо сохранились. Один древний философ сказал, что «мы берем из прошлого не пепел, но огонь». Да, берем и берем огонь жизни. Поэтому потомки должны знать жизнь своих предков и в особенности внесших вклад в развитие общества, ибо судьбы замечательных людей, их деятельность, мысли, мечты и даже скорбь — великое достояние истории каждого народа.

Виктория ДУБРОВСКАЯ

„ПИСАТЬ ПОРТРЕТ ДУШИ И СЕРДЦА...“

О ВТОРЫХ СБОРНИКАХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Вторая книга часто дается труднее, чем первая. Это и понятно: перед первой была вся жизнь, у иных перевалившая за рубеж тридцатилетия. Вторая менее питается биографией, идущей, как правило, в стихи первого поэтического сборника. Нередко бывает, что вторая книжка оказывается слабее первой. Ссылаясь на опыт поэтов военного поколения, Николай Старшинов пишет, например, что многим из них «понадобилось три, четыре, а то и пять лет для того, чтобы, если не подняться выше уровня своей первой книги, то хотя бы достичь его»¹. Сроки, отделявшие первую и вторую поэтические книги — вышедшие в 1981—83 гг. в Барнауле, различны: от двух лет у Л. Ершова до четырнадцати у Г. Рябченко, В. Козодоев выпустил вторую книжку через пять лет, а С. Яненко — спустя три года. Сборники Г. Рябченко «Признание», Л. Ершова «Горит окно», В. Козодоева «Гречишные поля» увидели свет в 1981 году, «Завтрашняя память» С. Яненко — в 1983. И каждую из этих книг хочется сопоставить с первой. Я вовсе при этом не считаю, что вторая книга во всем должна быть лучше первой, однако уверена, что в ней уже может обнаружиться себя профессионализм как следствие серьезного занятия литературой. Поэтому и требования ко второй книге иные. Здесь, может быть, уместно вспомнить А. С. Пушкина, который писал: «Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает». Великий поэт отметил главное, важное для нас: позиция поэта, его гражданский и гуманистический пафос могут полноценно проявить себя только в подлинно художественном произведении. И если в первой книге автор чаще всего замечен новизной материала, новой темой, то вторая книга побуждает более говорить о том, как он овладевает мастерством. Заметим здесь и то, что именно вторая книга часто заставляет автора переменить жизнь, профессию, ибо литература осознается им теперь как главное призвание, как дело всей жизни. Поэтому интересным представляется то, как авторы в стихах представляют особый род своих занятий.

Г. Рябченко, например, никогда не называет себя поэтом. Он говорит только о работе: «Работа», «Осевая», «Херсонские

арбузы». Не вдохновение — удел избранных, а работа, по его мнению, причина стихов. «На труд молилась муза», — утверждает он. Его лирический герой, таким образом, поэтом себя не осознает. Это, на мой взгляд, отличает стихотворения Г. Рябченко среди всех поэтов Барнаула, которые так или иначе пытаются осмыслить особенный характер труда стихотворца. Л. Ершов замечает «поэта в человеке», имея в виду всеобщее качество: «в каждом прячется художник». Однако, когда он говорит о работе: «до рассвета встану — есть дела», то подразумевает в отличие от Рябченко всетаки труд за письменным столом. С. Яненко изображает труд пишущего как бы со стороны: «Он что-то в листочке черкает, он где-то далеко парит, неслышные строки читает, губами едва шевелит». И этот автор, таким образом, не спешит утверждать, что и он — стихотворец, а лишь дает почувствовать причастность свою к этому ремеслу, деликатно отстраняя мальчика-сочинителя от себя. Это обстоятельство может быть связано и с жанровыми пристрастиями авторов. Так, Рябченко, не выражая особого отношения к поэтическому труду, тяготеет к сюжетным стихотворениям, он предпочитает позицию рассказчика, создает большей частью рассказы в стихах. А на другом полюсе — стихотворения В. Козодоева, который во второй книжке очень озабочен особенным характером своей работы. В первой книге В. Козодоев заявил о своей приверженности сельской теме, назвав сборник стихотворений «Сила земли» (Донецк, 1978). Во вступлении к ней Б. Ластовенко отмечает очень важное для впервые издающегося автора качество: присутствие своей, пользуясь словами А. Твардовского, «генеральной думы». И эта, ограничивающая всю книжку мысль — о земле, о труде, быте сельского жителя, человека, вписанного в контекст села с его природой и непростыми заботами. «Его стихи автобиографичны и потому подкупают искренностью», — пишет Б. Ластовенко. И правда, лучшие стихи сборника самостоятельные, без уклона в общезвестное, это стихи о повседневном:

День у меня начинается просто:
с горбатой поленницы снег отгребу,
поленья сучкастые застучат, как кости,
когда занесу их в простуженную избу.
В кружку щербатую налью керосина,
оболью поленья и зажгу.

¹ «Литературная учеба». 1980, № 6, с. 200.

Захлебнутся пламенем дрова осиновые,
и, пока разгораются, я присесть смогу.

Думы приходят попутно: «...тают дни, как дрова в поленнице, и поленев может до весны не хватить». Не то во второй книге — здесь лирический герой заботится о специальных условиях для умственной работы: «Ищу в тайге я тихую обитель, где для раздумий никаких помех». Автор не может уже не думать о том, что каждый его шаг — это материал для стихов, потому конечный пункт любой прогулки — письменный стол:

И я уйду в свой тихий домик снова,
и сяду, успокоенный, за стол,
чтоб вновь искать единственное слово,
которое я раньше не нашел.

На пути ко второй книге автор осознал себя поэтом, т. е. человеком, любящим «рифмованные и нерифмованные речи о земле и о небе» больше, чем их самих. Если в первой книге на В. Козодоева «работала» его биография, он создавал свой стиль, соответствующий выражаемому в стихах характеру, использовал разговорные интонации и лексику, разрабатывал сюжеты, то во второй биографичность убывает. Автор переключается в сферу размышлений намеренно, если не сказать искусственно, создавая для них повод.

Итак, во второй книжке мы сталкиваемся с тем, что «отпавший» кусок биографии срочно требует восполнения пустоты, и это восполнение приходит как настойчивое стремление к размышлению в стихах — это вполне закономерно. Книжки, о которых идет речь, запечатлели незавершенность этого перехода, когда размышления в большей степени заявлены, чем на самом деле присутствуют. Такие разные авторы, как Рябченко и Ершов, чувствуют душевное просветление при созерцании старушки, ставшей теперь одной из самых популярных героинь, заботами в первую очередь наших замечательных прозаиков, например, В. Распутина. Однако в стихотворении Рябченко старушка видится из какого-то прекрасного далека, когда отстраненность заставляет автора пользоваться сравнениями вычурными, мало подходящими для описываемой ситуации:

На старой хате черепица новая,
Как над старушкой — японский зонт.

При этом автор совершенно далек от намерения иронизировать, потому что дальше идет описание интерьера хаты, где «матка хреновая», «узкая плита», в которой «мелкий уголь тлеет», которая «ни греет ни черта». В этой, представленной в столь сильных выражениях избе —

В «куфайке»,
у плиты,
тихонько няня,

Как птица одинокая, сидит.
Из блюда чай с малиной скупо тянет
И слышает, как въюга зло гудит.

И эта, с подлинным сочувствием написанная картина заброшенного одиночества современной Арины Родионовны в стылгой избе под новой кровлей — продукте эпизодической заботы плетовцев — эта картина, когда мы уже готовы корить себя за беспамьятство и небрежение к ближним, их старости и немощи, вдруг разрешается браваурным финалом: где автор заверяет, что «песня хату осветит, как прежде, как прежде, будет править в ней любовь». Как все это будет? Откуда возьмется? А вот и завершающие строки:

К любви с годами отношенья строже,
Она живет в сердцах не напоказ.
Поэтому и родина дороже
День от дня становится для нас.

Барабанный бой в финале снимает все вопросы. Вот, оказывается, какие мы хорошие, довольные собой, в особенности тем, что «к любви с годами отношенья строже». Автор в этом стихотворении воспаряет над простотой и бедной жизнью ради высоких слов о любви к родине. Однако эта любовь начинается с любви к очагу, сочувствия к ближнему человеку, сострадания. Взгляд же автора на приближище старой няни здесь, вопреки словесным уверениям, остался равнодушным.

Вторая книга Л. Ершова начинается со стихотворения, подобного тому, которое напечатано в книге «Поклон» двумя годами раньше. Стихотворение из первой книги «Есть грусть щемящая такая» развивает характерный для Ершова мотив дороги. Здесь развертывается описание бега поезда, собранное из обыкновенных в таких случаях деталей: тут и «глухая ночь», и «мысль внезапная тревожит». Суть этой мысли в том, что станционные огоньки «быть может, теперь нужней, чем никогда». И закреплена эта мысль в однозначном выводе, заключительном предостережении:

Как бы с дороги нам
не сбиться
без этих маленьких
огней.

Однако художественность страдает от того, что истина предносится читателю в голом виде, а не вытекает сама собою из верной картины переживания автора. Невозможно не вспомнить в этой ситуации стихотворение М. Ю. Лермонтова «Родина», где в его живое ощущение родины включались «дрожжащие огни печальных деревень», и то, что без них невозможна подлинная дорога, само собою вытекало из текста, становилось очевидностью без специальных формулировок... Во второй книжке «Горит окно» Ершов продолжает тему скорее «Русского огонька» Н. Рубцова. В первом стихотворении сборника — характерный для Ершова дорожный сюжет с противопоставлением скучного уюта и законной воли. И вот к этой воле герою суждено минутное прикосновение во время стоянки поезда, и это краткое состояние отныне будет постоянно напоминать о себе:

Но где ни ездил —
Сердце екает,
Когда припомнится в тепле:
У коновязи лошадь мокнет,
Бредет старушка по земле.

Есть некая пронзительность в самих деталях, которые замечает автор: «У коновязи лошадь мокнет», «Старушка, что с большой котомкой куда-то в дождик подалась». Может быть, потому, что эти приметы, не вызывая никаких прямых литературных ассоциаций, воспринимаются как исконно русские. К сожалению, рядом с этими подробностями заметнее общеромантические, неиндивидуальные: «влажные окна», «вид унылый и печальный» Склонность к описательности лишает переживание подлинности. Это и заставляет думать о том, что герой стихотворения — посторонний, ему легче оттого, что поезд все-таки промчится мимо этой картины: «И станет веселей в груди, что вид унылый и печальный уже остался позади». И, надо полагать приятно ощущать еканье в груди, когда в тепле, и никто из этого тепла не гонит. Я понимаю, что вывод, сделанный мною, может прозвучать очень серьезным упреком. Замечу, что в стихотворении Ершова, в отличие от стихотворения Рябенко, ощущается некое чувство вины его героя, однако позволю себе заметить и то, что это чувство скорее надлежащее в рамках описанной сюжетной ситуации, чем индивидуальное, тотчас рожденное переживание. И причину этого я вижу в стилистической невыразительности, склонности к общим местам, которая прочитывается как индифферентное отношение к изображаемому..

Во вторых книгах наших авторов можно заметить больше стихотворений, посвященных осмыслению общих проблем нравственного порядка, размышлений о смысле жизни. Однако здесь нет между ними полного равенства. С. Яненко, например, вторую книжку создает как освоение расширившегося биографического материала, таковы его стихи северного цикла, где новый поворот в судьбе авторов стихов обеспечил их жизненную основу. Кстати, я не считаю литературную почву обязательно недостатком, если в стихотворениях есть своеобразный диалог с литературной традицией, а не простое развитие известных мотивов. Литература для человека XX века — это часть его жизни, реальная, как и непосредственный опыт. Однако для Яненко в первой книге она заменяла изучение жизни, вот почему я считаю хорошим признаком более смелое обращение к собственным впечатлениям, которое дало и новые по качеству переживания, и новый материал для стихов.

Те четырнадцать лет, которые отделили первую книжку Г. Рябенко от второй, несомненно, были временем, когда на многое он стал смотреть иначе. Вторую книгу он создавал зрелым человеком. Однако эта зрелость находится в контрасте с наивностью, обнаружившейся в стихотворениях «Признания». Многие из них написаны на темы морали, об ответственности человека за свои поступки, о том, как порою непросто складывается судьба. И в этих стихотворениях ему, как видно, не дают покоя

лавры Э. Асадова, автора простеньких моральных сентенций для начинающих-жить. Стихотворение Рябенко «Мать» популярно разъясняет, откуда берутся дети (совсем в духе Асадова), причем любовь здесь, как видно, ни при чем, а причина возникших сложностей единственно в нерасчетливости поведения:

Не поставлена вовремя
Твердая точка —
И опутали сердце
Шальные слова.

Суть же размышлений в вопросах такого рода:

Только дочку любить,
В одиночку тужить?
Или няньку найти
Да на танцы пойти,
И тоску расплясать,
По углам расплескать...

И пошло стихотворение вприсядку, ритмом самым давая повод сомневаться в том, что описанный факт волнует автора серьезно. Таким образом из стихотворения уходит то, без чего ему нет повода существовать: сочувствие к человеку в разных его житейских передрыгах, которые порой так много отнимают света... По-видимому, кроме простейшей задачи — объяснить, что заводит в раннем возрасте детей — обременительно, никаких других целей автор не преследовал. Не надо ходить далеко, чтобы посмотреть, как в схожей сюжетной ситуации поэт раскрывает незаурядный характер, достаточно для этого припомнить стихотворение Л. Мерзлякина «Галка» или его же поэму «Таисия», где ставятся задачи гораздо большие, чем просто уронить слезу на нескладную судьбу героини.

В стихотворениях других тем Рябенко не избегает также поучительных рассуждений. Можно рассмотреть их и с точки зрения ценности заключенного в них поучения. Например, вот это:

Порою трудно очень. Пусть
Споткнусь, но после зорче буду.
И добрым за науку
Земным поклоном поклонюсь.
людям

Можно подумать, что это добрые люди ради науки устроили герою неровности и трудности? Автор находится в плену расхожих истин. Само по себе это ни хорошо, ни плохо, главное, как выразился А. Блок, «чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло». Однако не больно и не светло тогда, когда «правит бал» литературный штамп, оформляющий расхожие истины, как, например, в стихах-рассуждениях по поводу рождения нового человека:

Ни шагу им не пройдено
Под небом голубым,
Но все дороги родины
Уже лежат пред ним.

Конечно, это абсолютно верно, но только к поэзии не имеет никакого отношения. Или представления об идеале выражаются так:

В далекие,
красивые
Края они ведут.
Там дружат с умной силою
Несущий радость труд.

Ну что тут скажешь, кроме того, что не видно даже попытки сказать, какая она, твоя мечта, эти «далекие красивые края»? Чеховская героиня исступленно уговаривает себя и других, что всего им суждено увидеть «небо в алмазах». Блок говорит о том, что есть где-то край «синий-синий, певучий-певучий»... Мартынов зовет в Лукоморье, которое, как видно, у каждого свое: «Где оно, Лукоморье? Твое Лукоморье!» Этот ряд можно продолжать до бесконечности, и у каждого поэта — свое видение будущего. Между тем в приведенном стихотворении речь идет даже не о философских представлениях о грядущем, а всего лишь об одной жизни, о единственном веке нынешнего младенца. И что же? Ожидают его «далекие красивые края», «умная сила» и, ясное дело, «несущий радость труд», который вроде бывал и в иные времена, и теперь есть у тех, кто умеет и любит трудиться. Не станет скучно нашему младенцу от такого будущего?

Среди названных авторов выделяется своей гражданской направленностью, более глубоким освоением этой темы С. Яненко. В его стихотворениях цикла «Загородная улица» раскрываются переживания «камерного» характера. Пространство этих стихотворений — ближайшее к отдаленному человеку — ограничено улицей и ее обитателями. Отсюда особый характер звучания некоторых тем. У Яненко свое, сердечное, не трибунное понимание родины и отчизны. Первое связывается с родней, матерью, домом: «родни у человека только родина да мать». Понятие отчизны — с отцом, воинским долгом, «суровыми дорогами». Отчество и отечество стоят рядом в его стихах: «И отчество и отечество с рождения есть у меня». Сближаются эти понятия не только по смыслу, но и через корневое родство: родное и родня, отчество и отечество, т. е. они существовали всегда рядом в языке, как однокоренные слова, а поэт это разглядел и извлек на свет, выражая собственное, индивидуальное чувство родины.

Менее всего склонны к тематическому обособлению патристических стихотворений Л. Ершов и В. Козодоев. У них этот мотив существует в глубине стихотворений, посвященных в первую очередь деревенской теме.

Но и эта тема в их стихотворениях звучит по-разному. В отличие от многих приверженцев этой темы в поэзии Алтая герой Ершова отдает «воде прозрачной, роднику лесному» — нечаянный поклон. У него нет преднамеренного служения деревне, и важен не столько пункт назначения, сколько сама дорога. Дорога — это наиболее соответствующий характеру его героя способ существования:

Неважно, еду я куда —
Домой или из дому.

Или:

И выбор был
Пойти, поехать,
Хоть в эту сторону,
Хоть в ту...

Или:

Пора бы сменить мне прописку:
Губителен долгий уют.

Примеры подобного рода можно продолжить: добрых две трети второй его книжки «Горит окно» так или иначе имеют отношение к дороге, пути. Вторая книга, развивая основные мотивы первой, показала таким образом, что Ершов все-таки не поэт деревни в привычном смысле этого выражения. У В. Козодоева иные отношения между первой и второй книгами. В основу второй положена первая почти целиком, исключая считанные стихотворения. Новизна нового этапа представляют стихи, где он пытается подняться от рассказа о деревенской жизни к обобщениям более широкого масштаба.

Вторая книга запечатлела скорее стремление выйти за пределы биографии и следы поиска новых тем, желание найти новую путеводную звезду. Гречишные поля второй книги — это не просто поля, где произрастает злак, это место сосредоточения лучшего, света, недаром стихотворение дало название всей книге.

Выйду за село июльской ночью,
что-то сонно шепчут тополя,
светятся приветно у обочин
белые гречишные поля.
Тьма окрест, как на рассвете, тает,
и летят к ним совы и сычи.
Это на свеченье прилетают
души, заплутавшие в ночи.

Однако дальше писать ТАК автору не хватает дыхания, он пускается в пространное рассуждение, все дальше уходит от заявленного образа, от светящихся гречишных полей и впадает в противоречия: «Никогда мне в жизни не простится, если заплутаю я в пути». Что это как не всего лишь предположение на фоне спасительных полей? Далее предполагаемая автором ситуация усугубляется:

Если все хорошее развею,
что дала в наследство мне земля,
для меня навеки почернеют
белые гречишные поля.

Происходит любопытная вещь: оказывается, белые поля не существуют объективно, а зависят от душевного состояния автора и погаснут в случае его измены, как свет померкнет. Но где же в таком случае логика? Зачем к ним летят «души, заплутавшие в ночи»? Для них, поскольку они сблизись с путю, поля должны слиться с темнотой, «навеки почернеть». Как понимать и сомнения автора? Развеять или не развеять все хо-

роше? Однако оказывается в конце концов, что этого и других вопросов нет: «Я стою и перед этим полем никаких сомнений у меня». Стало быть, «чистые, как совесть», поля оказались изобретением, придуманным ради «проблемной ситуации», но и она в свою очередь оказалась снятой. Так о чем же тогда речь? Стихотворения-размышления — жанр пелегкий, и в первую очередь требуется достойный размышления повод. К сожалению, чаще этот повод создается авторами разбираемых книжек специально, или они пускаются в глубокомысленные рассуждения по поводам вовсе уж случайным.

Воображение Г. Рябченко поразили необычайного вида цветы, он пишет об этом стихотворение «Какие длинные цветы». Сюжетная ситуация этого стихотворения носит следы усилий автора, дабы извлечь из случая как можно больше суждений о большом, о судьбе красоты, например. «Длинные цветы» торгош влечет на рынок:

Под скорбный звон усталых крынок,
Чтоб взять дороже, на весу
Хозяин на центральный рынок
Загубленную снес красу.

Никак не понять этого мерзавца-хозяина, что он сделал, «чтоб взять дороже»? В чем его хищная натура выразилась? В том ли, что он как-то «на весу» доставил «красу» на рынок? Однако мы зря волновались, злодейство не восторжествовало: «И люди с ним не торговались — спасали хрупкость красоты». Позвольте, но ведь только что автор уверял, что цветы «погибли молча все»? История завершилась ко всеобщему удовольствию: «хозяин» укрепил свое материальное благополучие, тем более, что, как говорит автор, с ним «не торговались», а красота спаслась по сходной, надо думать все-таки, цене. Таким образом, надуманная ситуация, положенная в основу «размышлений», приводит к неожиданным, не предусмотренным самим автором последствиям: объективный смысл стихотворения вовсе не подтверждает серьезности его намерений.

Искусственность повода для размышлений очевидна и в стихах В. Козодоева. Так, в стихотворении «Старики» он хочет сказать слова признательности старшему поколению, извлечь определенный нравственный урок из их отношения к жизни. Однако, начиная стихотворение, тотчас же забывает об элементарной логике, которая словно бы и не нужна в данном случае:

И одна в глазах у них забота —
руки их тоскуют по работе,
ведь для них работа, как мечта,
будто бы торопят оставить
на земле не грусть и не усталость —
стайку, куст черемухи, плетень.

Думается, что несколько бестактно говорить о много трудившихся людях, что работа для них «как мечта», скорее — жизненная необходимость. Уж он-то, Козодоев, прошедший нелегкую школу жизни, видевший немало стариков на своем веку, знает, что такое деревенский труд и особенно то, каким он был в недавнем прошлом, в годы войны, например. Однако стихотворение, ви-

димо, по мысли автора не должно допускать в себя противоречия жизни, в нем все гладко и непонятно... Почему, например, «забота в глазах», «руки тоскуют», «работа, как мечта», если речь идет не об американских безработных? Этот мотив тоски никак не оправдан, если и стайка, и куст черемухи, и плетень действительно оставлены стариками на земле. Это стихотворение по замыслу — о том, что останется после нас. У В. В. Маяковского человек продолжается, воплощаясь в «пароходы, в строчки и другие долгие дела». Козодоев хочет сказать о других, близких его опыту сельского жителя, реалиях. Это его дополнение к теме. Однако замысел выполнен как придется, работа души подмечена небрежным бегом пера. Прием, которым создается и в ряде других стихотворений «мыслительная» ситуация, чрезвычайно прост: достаточно употребить какое-либо неопределенное выражение, наречие, местоимение: «будто бы торопят оставить» — и «будто бы» как сигнал того, что автор размышляет. Прием этот популярен у начинающих, а Козодоев, помнится, несколько лет назад писал пародию на одного нашего поэта, у которого заметил чрезмерную склонность ко всякого рода «что-то, кого-то, куда-то». Теперь же активно использует этот способ для создания «интеллектуальной атмосферы». Значит ли это, что он пересмотрел свои позиции, или пошел по пути, наиболее простому, испытанному, хотя и не совсем верному? Итак, раздумья в стихах делаются просто «И долго-долго я глядел в окно, навек КАК БУДТО с детством разлучаясь»; «Но первый снег, он выпадет неожиданно, как ранняя, БЫТЬ МОЖЕТ, седина»; «Стучат часы привычно на стене, ПОЧТИ СОВСЕМ как вынутое сердце», «...и понять в КАКОЙ-ТО миг прозренья — стоит жить и стоит умереть даже ради этого мгновенья»; «Просто ГДЕ-ТО важенька призывно все звала КОГО-ТО и звала». Если «где-то» здесь вполне уместно, т. е. не известно точно где, то «кого-то», видимо, заполняет пустоту в строке, а «призывно звала» — это просто стилистическая небрежность. Размышления в стихах ли, в прозе ли нуждаются в первую очередь в серьезном поводе. В книге, разбираемой здесь, они, эти поводы, банальны до предела: «И ГДЕ-ТО бьется подспудно жилка: что я сделал и что я свершил?» Что ж, вопрос не нов, но и естествен, впрочем, для человека. От таких банальностей, видимо, никому из нас не уйти. Однако автор создает свою картину, свои, так сказать, обстоятельства, в которых его настигает этот «проклятый» вопрос. И картина, которую он успешно создает, рушится от первого прикосновения. «Жилка бьется» — это видимое, ощущаемое выражение внутреннего состояния. Но как она «подспудно бьется»? И почему она «где-то»? Возможно, что если подступиться к Козодоеву с этими вопросами, он даст объяснение, но речь идет не о возможности вообще что-то объяснить, а о мотивированности художественных деталей, о создании достоверной художественной картины. А достоверности здесь нет, картина рушится под напором внутренних противоречий. Не значит ли это, что эта самая «жилка» — нечто не-

материальное, эфемерное? Попросту мистификация? Как будто проблема и как будто размышления?

В своей второй книжке Л. Ершов так же тяготеет к проблемам общим и о смысле бытия. Однако зачастую в стихах лишь фиксируется наличие таких раздумий. Автор весьма часто сообщает о том, что он погружен в думы: «...Ты долго думаешь в ночи, и глубоко раздумья эти». Или так: «...И беспокойно сердце билось, и полон был я разных дум». Или даже так:

Но отчего ж
Хотя поражена
Душа моя,
Другой ей ветер дует?
И глубоко она погружена
В какое-то
нелегкое раздумье.

Итак, «глубокое раздумье», «разные думы», «нелегкое раздумье»... Однако это лишь обаятельная способность к мыслительной деятельности, а сами раздумья весьма непрязательны. Характер раздумий житейские вопросы приобретают за счет известного уже обращения к словам неопределенного значения: «Все в жизни проходит как будто», «живу и что-то обретаю», «какое-то нелегкое раздумье», «и какою-то горечью смутную душу словно туман облекло». (Что здесь туман — душа или горечь?) Хотелось бы знать, что обретает автор? Какое раздумье? и т. д. Неопределенность далеко не всегда свидетельствует о действительной сложности и глубине раздумий. И если автор говорит: «И сердце как будто взывает к кому-то, к чему-то» — то в таком оформлении ставится под сомнение главное: действительно ли взывает сердце героя к каким-то инстанциям? Конечно, возможно чувство неопределенности, непостижимости. Но и оно в стихотворении материализуется в движении картин видимых, слышимых, осязаемых. Непостижимость таким образом в стихотворении должна стать художественной реальностью, а не прятаться за бесконечными «кто-то», «будто», «где-то». Вероятно, способ создания раздумий, избранный нашими авторами, нельзя признать удачным.

При совершенно закономерных трудностях, которые встают перед авторами вторых книг, можно было бы ожидать от них более внимательного отношения к слову, к его значению и стилистической окрашенности. Несомненное влияние на многих пишущих стихи оказывает лирика Н. Рубцова. Нельзя не вспомнить о нем, читая стихи о горящем в ночи окне Л. Ершова — «Облетела моя облепиха...». С. Яненко не может не вызвать в памяти — «Замерзают мои георгины». Когда В. Козодоев начинает стихотворение «Я взойду на курган», тотчас вспоминается рубцовское «Взбегу на холм». Однако уроки замечательного поэта должны учить взыскательности, а возникающие невольно сопоставления в названных мною случаях оказываются далеко не в пользу наших авторов. Так, исторические стихи В. Козодоева огорчают небрежностью в отношении к популярнейшим фактам истории. Стихотворение «Донецкая степь» не претен-

дует на многое. Это попытка представить прошлое степи. Однако о нем представления у автора не очень внятные. Иначе как объяснить, например, эти строки: «В эту степь хазары и татары приходили собирать оброк»? Оброк, как известно, термин из истории крепостного права, оброк платили (деньгами или натурой) крестьяне помещику. Откуда он взялся в Донецкой степи описываемого автором периода? В стихотворении «Такой идиллический вечер» читаем:

Такой идиллический вечер,
безмолвно струится река,
и, словно бояре на вече,
в кружок собрались облака.

Не вяжется вече ни с «кружком», ни с «идиллическим вечером». Вече — народное собрание в средневековой Руси. Вспомним хрестоматийные строки о поэте, чей голос звучал, «как колокол на башне ввечерой во дни торжеств и бед народных». Названное стихотворение не на историческую тему, однако и это не повод так мистифицировать отечественную историю, тем более в пределах школьного курса. В стихотворении «Каяла» есть стремление к философскому размышлению, но картину при этом создать не удается. Он говорит: «Я взойду на курган» и далее описывает открывшуюся взгляду панораму:

...степное раздолье,
за рекою дуга,
за дугами пшеничное поле.
И сиреневый дым проплывает над дальним
селом,
и невольно прольется слеза умиления.

Слеза умиления названа. Но поручится ли автор за то, что перечисленные реалии заставят поверить в то, что она пролилась, эта слеза? Что автор смотрит вокруг неравнодушным оком? Ведь даже эпитеты здесь не найдены, а взяты из общелитературной копилки, где оказались вследствие своей крайней уже затертости. Это «степное раздолье», «пшеничное поле», «сиреневый дым». Л. Озеров перефразировал известный афоризм так: «Скажи мне, какой у тебя эпитет, и я скажу, кто ты». Кто ты, если эпитеты со стр. 7—9 из одного трехчастного стихотворения таковы: СИНИЙ горизонт, ВЕСЕННИЕ ветра, СВИНЦОВЫЕ волны, ДАЛЕКОЕ эхо, ДАЛЬНИЕ гудки, АЛЫЙ свет зари, Балтика СУРОВАЯ? Или характеристика боевых действий, данная в таких определениях: БЕСПОЩАДЕН был его огонь, МЕТОК глаз, ВЕРНОЮ рука. Сюда добавим — СЕДЫЕ туманы, СИРЕНЕВАЯ мгла. Как видим, это дежурный набор, не несущий индивидуального представления автора о предмете. Такие же выражения, как «алый свет зари», надо в тексте как-либо выделить, как делал это Блок, или делает Тарковский, когда вводит в свой текст принадлежащие другому поэту строки. Вероятно, так же надо поступить и с последней фразой этого: «Мне смотрит в душу каменная женщина, безжизненные выкатив зрачки», потому что у всех на памяти стихи Мерзлякина: «Я тихо упаду в твою ко-

ленки, безжизненные выкатив зрочки». Сюда же присоединим и «сосен шум», выражение, которое можно считать закрытым теперь для поэтов, как бы ни просилось оно на язык и как бы естественно ни возникало в нашем лексиконе — оно несет на себе печать авторства Рубцова.

Как это ни парадоксально прозвучит, читая первую книжку Г. Рябченко «Первый бой», не лишнюю, естественно, недостатков, но искреннюю даже в некоей драчливости интонаций, я не заметила столь вопиющих несообразностей, как во второй. Может быть, ко второй «отношение строже», но при самом доброжелательном взгляде нельзя не удивиться, читая стихи о снеге, что «стерильною повязкою ложится и дальше в ночь, как скорая спешит». Сравнив снег со «скорой», далее автор утешает: «Он к вам придет, лишь опоздав немного, как совесть, чист и хрупок, как мечта». Не издевается ли над доверчивым читателем автор, обещая на его душевные раны стерильную повязку с опозданием? Если посмотреть по книге, найдутся и еще примеры беззаботного какого-то отношения к слову. Например, лебедю Г. Рябченко желает дороги «синей, солнечной и талой», очевидно, предполагая, что часть дороги гордая птица пройдет пешком.

Стертость поэтического словаря неизбежно ведет к разрушению основы поэтического видения мира — тропа. Например:

Свинцом когда-то ветры дули
Солдатской стойкости в лицо.

В основе каждого тропа — картина. Лицо солдатской стойкости — это как? Вероятно, стойкость имела лицо солдата — так понятие стойкость конкретизируется. Это только в математике перемена мест слагаемых не изменяет суммы, в поэзии от перемены мест меняется все — от смысла до эстетического значения. Все стихотворение о памятнике солдату написано с помощью создавшегося для таких стихов в литературе словаря. Ничто не возмущает его глади, кроме единственной рифмы, которая сразу бросается в глаза своею необычностью: вцепившись — в цепи шли. В финале герой стихотворения обретает привычный покой на пьедестале:

...глядит на нас он с постамента
Среди цветов и тишины.
Нет достоверней документа
Незабываемой войны.

Заключительная мысль весьма спорна: вряд ли можно назвать памятник «документом войны», это скорее выражение нашего к ней отношения. Я совершенно согласна с утверждением Л. Ершова о том, что «в каждом прятается художник». Однако, если он предполагает выпустить этого художника на волю, совершая поступки, не согласуемые со здравым смыслом: «Ну а сами вы на воздух. Ну а сами вы на дождик», то для того, чтобы обнаружить «поэта в человеке» через литературное творчество — этого недостаточно. Он должен выразить себя не только в поступке, но и в слове. Однако С Л О В О как материал ли-

тературы не всегда осязается нашими авторами. У Ершова есть стихи, где он говорит: «И все же я счастливым рос. И это не слова». Мне показалось удивительным, что признается существование неких «просто слов», тогда как в поэзии слово — это все, это дело. Вспомним Маяковского с его представлением о слове как о «полководце человеческой силы», да и не только Маяковского. Автор книги «Горит окно» тяготеет к простому, неукрашенному слогу, он неметафоричен. В стихах Ершов рассуждает здраво, они не очень оригинальны. Я, возможно, выскажу спорное суждение, но, внимательно читая эти стихи, поняла, что это похоже на своего рода программу: не гнаться за формальным изыском, выражаться по возможности понятней, не хотеть поймать журавля в небо, дорабатывая открытое другими. У Г. Рябченко есть чувство своей поэтической области, обнаруживаются определенные жанровые пристрастия, это очень важно — самоопределиться в этом плане. Фабульное стихотворение требует от автора прежде всего умения рассказывать, т. е. хорошего, яркого языка, композиционного мастерства, способности находить выразительную, точную деталь. Индивидуальность автора выражается здесь не только в том, какие области человеческой жизни привлекают его внимание, но и в том, как об этом рассказывается. Здесь нельзя «напускать туману», как в суггестивной лирике, движущейся путем ассоциации. Вероятно, именно эту разновидность лирики имел в виду Гете в известном своем высказывании: «...кому нечего сказать, тот все-таки может слагать стихи и подбирать рифмы — тут одно слово влечет за собой другое, и в конце концов получается нечто такое, что хотя в себе ничего не содержит, но все-таки имеет такой вид, что в нем что-то есть». На том пути, который избирает Рябченко, трудно делать вид, что в стихотворении что-то есть — событие требует к себе уважения и внятного о себе рассказа.

Ровность языка Ершов стремится компенсировать разбивкой стихотворений на короткие строки, что должно сообщить ритму необходимую энергию. Однако такое расположение строк, когда каждое слово стоит отдельно, требует особо внимательного подбора слов, и, думается, в этом случае нейтральный стиль, гладкость стихов не компенсируются такой организацией ритма. Г. Рябченко тяготеет к написанию стихов «лесенкой», но энергия этой формы не используется в полной мере, а невзыскательное отношение к слову становится еще очевиднее в некоторых стихотворениях. В. Козодоев склонен к разговорным интонациям, отсюда и нарушение ритмической «правильности» и длинные строки его стихов. Эта манера складывалась в первой книге, и здесь во многих случаях воспринималась как художественная необходимость. Во второй — стихотворения-«раздумья» потребовали другого ритмического решения. Прежде найденный ритм ушел, а нового и оригинального автор не создал по причине ординарности и невнятности самих раздумий. Яненко более «классичен», чем все. Однако в этой традиции у него легко рождается ритмический стереотип, когда о совершенно

разных вещах пишется совершенно одинаково. Например, о трамвайчике и о старике:

Летит трамвайчик красный,
на стыках дребезжит.
Мой транспорт распрекрасный —
спешит, спешит, спешит.

(«Ода трамваю»)

В клетушке ненарядной,
где тишина живет,
за старым аппаратом
старик-фотограф ждет.

(«Моментальное фото»)

Оба стихотворения написаны трехстопным ямбом; строфика, рифмовка, клаузула — однотипны. В финале то и другое включают изображенный кусочек жизни в более широкий контекст — в одну речь идет о жизни, в другом о вечности. Все, о чем говорилось, структура стихотворения в первую очередь, и рождает впечатление одинаковости, монотонности, повторения одного и того же. К слову замечу, что ода скорее всего здесь ни при чем, автору где-то изменяет жанровая память, он оду воспринимает как похвалу и только, а как эта похвала осуществляется, не принимает во внимание, между тем жанр — это определенная структура. В известной «Элегии» Н. Рубцова («Стукну по карману: не звенит...») при том, что жанр пародируется, сохраняются его внешние признаки. Здесь же можно говорить о разрушении жанра в современном поэтическом сознании. «Ода трамваю» С. Яненко, так же как и «Ода ночной рубашке» Г. Рябченко — оды только по названию, в котором обозначено вынесенное за скобки стихотворения особое отношение их авторов к предмету. О стихотворениях С. Яненко появляется больше поводов поговорить как об образном освоении жизни, даже в ситуациях намеренно поэтических:

Прощай, любимая. Зовет
меня судьба иная.
Ревет на старте самолет,
моторы прогревая.

После «любимая» — точка, а не запятая, обычная в обращении. Речь идет о конце, пауза отделяет прошлое от будущего. Перенос после «зовет» прерывает дыхание — понятное волнение в этой ситуации. От этого же слова простирается тройное созвучие: зовет — ревет — самолет, объединяя эти понятия в единый комплекс, обнаруживая и смысловой характер рифмы. Ненавязчивая аллитерация «ревет на старте самолет, моторы прогревая» рождает звукообраз. Не часто одна только строфа

дает столько возможностей говорить о стихе, о профессиональном владении им.

В наших обзорах поэтических сборников почти не уделяется внимания анализу стиховой культуры, может быть, отчасти и поэтому задерживается осознание стихотворцами своей поэтической индивидуальности в ритме. Эта часть работы над поэтическим произведением не пользуется должным вниманием. С другой стороны, безусловно ценным, на мой взгляд, является то, что вторые книжки носят отчетливые следы работы над их организацией как целого. Это обстоятельство, как существенное качество новой книги Яненко, отмечено и в издательской аннотации, где сказано, что «неподдельность эмоции внутренне объединяет разнородные по теме стихи». Однако отмечу, что объединение происходит скорее на другом основании, относящемся к плану содержания, где повторяется настойчиво мотив памяти в различных вариантах. Порою это кажется даже чересчур навязчивым, лучше бы было, может быть, если бы объединяло книгу нечто более тонкое — эмоция, например. Заметно вздумчивое отношение к композиции книги в сборнике Ершова. Здесь разведены ранее стоявшие рядом стихотворения «Дуэль» и «Все в жизни проходит как будто», что совершенно справедливо, ибо рядом они создают контекст, где помимо воли автор выглядит несколько претенциозно, а сопоставление ситуации — нарочитым. Объединяет книгу мотив дороги. Единство его книги более вятно, чем первой. Как и первая, вторая оканчивается «Экспромтом о дороге», т. е. автор настойчиво предлагает его как финал, говорящий о серьезности намерений, о том, что путь продолжается: «Когда пути кончаются — кончается душа».

Итак, каждый из авторов оказался во второй своей книге перед необходимостью решать новые задачи: Козодоев попытался выйти за пределы своей биографии, составлявшей в своей неповторимости содержание первой книги. В книге Яненко запечатлелся новый поворот в его судьбе и стало ошутимей дыхание настоящего, пережитого. У Рябченко определился круг тематических и жанровых пристрастий. Ершов, развивая мотивы первой книги, достиг большей определенности и единства в новом сборнике. По-разному справились авторы со своими задачами, много в этих книгах издержек, связанных в первую очередь с «артистической» стороной дела. Однако шаг сделан. Книги названных мною авторов вызывают живое любопытство: как оно будет дальше? Чем еще теперь обрадует, огорчит, удивит тот, кто хочет, пользуясь словами Н. М. Карамзина, «писать портрет души и сердца своего»?..

НЕ ВСЕ ВО ВЛАСТИ РЕПОРТАЖА

Хорошо уметь многое, хотя не каждому это под силу. Хорошо также глубоко знать и любить какое-то одно дело. Но плохо, когда, имея разнообразные потенциальные возможности, человек в чем-то сознательно ограничивает себя. Вряд ли следует его решительно осуждать за это, ибо подобное может происходить не от банальной лени, а из-за самокритичности, излишней скромности, но чувство сожаления не может не возникнуть.

Можно себе представить, как выиграла бы литература, если бы такой тонкий лирик, как А. Фет, расширил бы свой поэтический диапазон. Однако Н. Рубцов утверждал.

О чем писать — на то не наша воля.
Тобой одним не будет мир воспет.
Ты тему моря взял и тему поля,
А тему гор возьмет другой поэт.

Но, думается, здесь имеется в виду то, что не в каждой теме поэт одинаково силен. Допустим, это справедливо. Все же, чтобы убедиться в истинности подобного утверждения, следует по крайней мере испытать свои силы. Необходим постоянный поиск. Остановиться на чем-то, ограничиться — значит обеднить себя, свое творчество. Да и не в каждом читательском сердце отзовется тогда слово поэта...

К такому выводу приходишь, прочитав новый сборник С. Яненко*. Поэт, которому, кажется, под силу многое, не поставил перед собой сверхзадачу, не вышел из вполне определенного и небольшого круга тем. Обидно, так как в целом интересная книжка могла бы стать содержательнее, весомее.

Бытие определяет сознание. С. Яненко долгое время работал в газете, это не могло не сказаться на его творчестве. Газетчику не часто приходится долго вынашивать свои замыслы — неумолимое требование оперативности вырабатывает у него умение быстро оценивать ситуацию, определять главное. И одним из самых мобильных жанров является репортаж.

Как-то у одного уже довольно опытного журналиста, много лет проработавшего в газете, довелось услышать: «Репортаж — это же самый легкий жанр! Приходишь, к примеру, в цех и что видишь, о том и пишешь!» Действительно, увидеть многое можно: тут и станки стучат, и ослепительное пламя сварки, и серебристые металлические стружки, и многое, многое другое. Но вот когда читаешь все эти, собранные добросовестным корреспондентом, на-

блюдения, невольно вырывается вопрос: ну и что? Ну сварка, ну стружка, ведь это так и должно быть, на то и цех, зачем огород городить? Однако репортер, подобно герою известного романа Ильфа и Петрова, торговавшийся всем тем, что уже давно все знают, невольно ставит себя в смешное положение. Применительно к поэзии такая порхающая репортажность еще в XIX веке с легкой руки М. Е. Салтыкова-Щедрина стала называться «мотыльковостью», по имени «резвого, но, вместе с тем, и самого легковерного из насекомых». Великий сатирик в статье «Стихотворения К. Павловой» писал: «Вся эта поэзия есть не что иное, как стихотворное применение приятных манер к случайно встречающимся на пути предметам... Ей все равно, к кому бы ни обращаться, что бы ни петь, потому что не предметы внешнего мира поражают ее, а она поражает предметы внешнего мира галатерейностью своего обращения».

Но есть и другая репортажность. Ее мы находим во «Вновь я посетил» Пушкина, «Все чаще я по городу брожу» Блока, многих других стихотворениях. Истинно сказано: нужна не столько дорога, сколько цель, к которой она ведет. Лишь наличие продуманного замысла делает какой бы то ни было жанр полноценным.

Поэзия есть движение. Маяковский называл ее «ездой в незнакомое», Евтушенко — «катером связи»... Движение же, хотя бы на уровне мотылькового порхания, лежит в основе всякого репортажа. И как есть поэзия в настоящем журналистском репортаже, так есть и репортажность в поэзии, являющаяся одним из ее свойств. Только от автора зависит, будет ли его творчество рассказом о времени, сумеет ли он за суетой не проглядеть суть, осознает ли всю ответственность великого «Я сам расскажу...».

О чем же хочет рассказать С. Яненко в новом сборнике, многие стихи которого, одни — более, другие — менее, являются ничем иным, как поэтическими репортажами? Это явствует из самого названия книжки — «Завтрашняя память». Поэзия без предвидения невозможна, однако не слишком ли смело решать за потомков, что им будет интересно в нашем сегодня? Но опасения напрасны: С. Яненко и не берет на себя роль оракула. Он твердо знает одно: непреходящее значение каждой человеческой жизни, каждого дня, мгновения — его неповторимости, и именно эта неповторимость обуславливает ценность явления. В поступательном движении важны все ступеньки, и устойчивость последующей зависит от прочности предыдущей. А потому

* С. Яненко. Завтрашняя память. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983.

Вся завтрашняя память —
сегодняшняя жизнь!

Вот опорная точка, без которой не сложится ни один поэтический сборник. Осознание большого значения наших дней, их рабочей будничности, порой кажущейся незаметности, осмысление жизни сегодняшней как необходимого этапа развития стало стержнем, дыханием книжки. Поэтому поэтически репортажи С. Яненко не случайны, не «однодневки», ибо в стихах поэт ощущает связь времен, пытается выразить прошлое — настоящее — будущее как некое триединство.

Красот новейших не хулить
и не поборник старины
живу как полноправный житель
в предместьях моей страны.

Проходит век моих окраин,
но посреди великих дней
живу пока на самой грани,
отсюда многое видней.

Это заключительные строфы из стихотворения «Моя улица», которым открывается сборник. Строчки, несущие основную смысловую нагрузку стиха. Убери их и останется... Да, собственно, ничего и не останется, кроме фиксации увиденного. Тем-то и привлекают репортажные стихи С. Яненко, что в них главное — мысль, а не зеркальное отражение увиденного.

Могучая тень Лермонтова делает еще веселее героиню рабочих будней при освоении Севера (стихотворение «На Севере диком»). И здесь поэт верен своей заявке жить «на грани», чтобы не потерять ощущение времени, его движения. Короткие строчки стиха — словно отрывистые фразы разговора. А как же иначе: на морозе да еще во время работы «длинно» не поговоришь, а скажешь лишь самое необходимое. В строках — притягивающая скрытая сила, энергия:

Над тундрой
гуляют сезонные ветры.
Под траки
Ложатся ее километры.
С восьми до восьми —
по часам засекаю —
моторы над тундрой
режут не смолкая,
надрывно, надсадно,
но неуклонно
все дальше на север
уходит колонна.

О вкусах, как известно, не спорят, но одного лишь этого критерия недостаточно для оценки стихотворения. Важно измерять достоинства стиха по правильной шкале ценностей. Газетный репортаж в известном смысле поверхностнее статьи, зарисовка мельче очерка. Что же из этого следует? Только то, что произведения этих жанров необходимо судить по разным законам. Уступая, скажем, проблемной статье в глубине анализа, основательности, «солидности», что ли, репортаж имеет перед ней и преимущества: легкость изложения, внимание к деталям и т. д. Можно ли утверждать, что репортаж сам по себе хуже статьи? Это будет неверно. Можно ли говорить, что ре-

портажные стихи уступают философской лирике? Опять же нет, так как они не измеряются единой мерой. С мерой репортажности следует подходить к таким стихотворениям сборника, как «Шумит весенняя вода...», «Серьезные дела...», «Тундра» и ряду других.

Не требуя от этих стихов того, что они не могут дать в силу внутренних законов жанра, мы должны признать, что появление их в сборнике оправданно и закономерно. Речь о другом. Говоря в начале о некоторой ограниченности поэта, мы имели в виду вот что: почему только репортажность? Разве лишь так можно выразить свои мысли, впечатления? Конечно же, нет. Но С. Яненко, если смотреть в целом, продолжает оставаться репортером, тем самым как бы замыкая себя в определенных рамках.

Примечательны в сборнике стихи, посвященные родине, матери, отчому дому. Здесь видимое действие уступает место раздумью, но не исчезает совсем, становясь движением души, мысли, чувства.

Задохнешься, как от бега,
начиная понимать,
что родни у человека —
только родина и мать.

В этом — нравственная позиция жизни и творчества поэта. Глубокой искренностью дышат такие стихотворения сборника, как «Наследство», «Мама раньше всех вставала», «Все ровна и неизменна...».

С. Яненко представляет своим творчеством так называемую «тихую» лирику. Голос его негромок, он не стремится поучать, хочет воздействовать главным образом на чувства читателей, хотя порой и впадает в некоторую сентиментальность («Ода трамваю»).

Яненко близка по духу поэзия Н. Рубцова, В. Соколова. К сожалению, ощущение причастности именно к этому «тихому» течению советской поэзии опять в чем-то связывает С. Яненко, ограничивает его, мешает искать свой оригинальный путь, быть самостоятельным как в выборе тем, так и в поэтическом их решении.

Вот, к примеру, заключительная строфа стихотворения «Уронить бы голову в колени...»:

Я довольно странствовал по свету,
разные я видел города.
Может, я туда еще поеду,
может, не поеду никогда.

Так и слышится рубцовское:

Может быть, я смогу возвратиться,
может быть, никогда не смогу.

Тема ветра, ночи из творческого арсенала того же поэта проникла в стихотворение «Этот ветер ночной поломал все ромашки...».

Эмоциональный настрой и начало стихотворения «Что ты плачешь, осенняя птица? Холодает, пора улетать?» очень напоминают строки Ю. Кузнецова:

Отчего ты грустна, невеличка-синичка?
Отчего не поешь про свои виражи?..

В стихотворении «Любимая будет светла» возникла, впрочем, вполне органично, горящая свеча Пастернака...

«Творческая кухня» поэта не бедна, в ней есть многое из того, чем богата советская поэзия. Правда, С. Яненко мало пока внес туда своего, как говорится, «фирменного».

Что хочется увидеть в творчестве поэта? Больше самостоятельности, значительное расширение тематического диапазона. Чтобы его голос зазвучал наконец достаточно громко. Чтобы наряду с репортажностью, эмоциональностью ему были под силу глубокие размышления, большая масштабность поэтического видения. Сборник «Завтрашняя память» — напомним, что он всего лишь второй у С. Яненко — позволяет надеяться на это. В нем есть такие стихи, как «Спасибо, жизнь!», «Благодарение друзьям», «Отчий дом», «Наследство», некоторые другие, позволяющие предположить, что репортаж недолго будет превалировать в творчестве молодого автора.

Увы, не обошлось и без промахов. Сравнительно небольшое место в сборнике занимает так называемая интимная лирика, и, пожалуй, эти стихи из-за скудности своего содержания здесь самые слабые. Там, где необходимо чувство, поэт сбивается на пересказ, причем в стихотворении «А помнишь, Натали...» словно извиняется за него перед читателями:

...Ты улыбнись тем двум,
чей парус так далеко.

Мол, не судите строго, потому что всего-навсего «мы влюблены и юны» и то, давно прошедшее, сейчас вызывает улыбку. Добрую, снисходительную — неважно, главное — не грусть. А значит, воспоминания скорее всего случайны, потому необязательны, не согреты столь необходимым для подобного рода стихов чувством.

Иногда поэт не прочь попозировать. Ибо иначе не появилось бы в сборнике такое сомнительного достоинства откровение:

Я не врал тебе, честное слово,
я тогда еще врать не умел.

(«Эта девочка странно красива...»)

По меньшей мере недоумение вызывает стихотворение «Сосед» об истребителе бродячих собак. Что хотел им сказать С. Яненко? Вроде бы и осуждает:

Прочно, просто живет на свете.
И беда ему не беда.
Вот обходят щенки и дети...
Ну, да это уже ерунда.

А спрашивается, за что осуждать? За то, что сосед «дело делает», дело знает», в конце концов — выполняет свою работу? Может быть, за то, что он

густо квашен и крепко сложен,
никакая боль не возьмет.

Что ж, возможно, но эти строчки читателю приходится принимать на веру, так как они ничем не подкреплены.

А вот людей, ведущих «плановый отстрел» волков, С. Яненко не осуждает. И строчки — энергичные, азартные. Но ведь по сути такую же плановую работу ведет и сосед-собачник.

Сомнительной нам представляется и лиричность стихотворения «Старухи». Не потому, что С. Яненко с симпатией пишет о много видевших, переживших людях, а потому, что берет лишь одну сторону их жизни, когда они

досуг изводят пенсионный
на нашу суежную жизнь...

Со всех сторон обсудят слухи,
верша «товарищеский суд».

Во все времена подобные «пересуды» носили название сплетен, и непонятно для чего человеку, чтобы «оценить себя со стороны», потребовалось мнение, рожденное на лавочке... Эти издержки, конечно, не «работают» на содержание книги. Благо, их немного...

Особо хочется сказать о композиции «Завтрашней памяти». Она удачна, так как идет по восходящей. Рассказывая в первой части об улице Загородной, во второй — о рабочих буднях Севера, С. Яненко в третьей — «Спасибо, жизнь!» — как бы размышляет о пройденном пути. И настроение некоторых стихотворений последней части радуется, оно доказывает, что поэт чувствует свои возможности, стремится прийти к настоящей, СВОЕЙ книге:

Я почерки свои не узнаю,
я позабыл давнишние мотивы,
что раньше руку двигали мою
по белому листку вельма ретиво.
...Все позабыл. Все заново пишу.

Думается, поэт доказал свою поэтическую состоятельность. Но не все под силу репортажу. Теперь нужно идти дальше...

Литературные пародии

Владислав КОЗОДОВ

СЕМЕЧКИ

«А я сию среди людей
в почете, словно Шолохов.
А в голове моей идей,
как семечек в подсолнухе».

Г. Панов

А я сию среди людей
в почете, словно Шолохов.
А в голове моей идей,
как семечек в подсолнухе.

Их раздаю задаром я.
Но вижу — дело плевое,
как воробьи, мои дядя
те семечки расклеивают.

Все расклевали и шабаш.
Шумят чего-то, злые,
— Чем угощаешь, эх, племяш, —
все семечки пустые.

НЕ ПО ПЛЕЧУ

«Громяют эпохи...»
«Да не всем по плечу
наше время чудес и инфарктов...»
«По-детски я восторженно летаю,
упругость крыльев чувствую во сне...»

В. Шевченко

Громяют эпохи, пружинят как вата.
Ощущаю во сне и бывает со сна.
И учусь потихоньку летать на кровати.
Только чувствую, в пятку вцепилась

жена.

Чтоб ее усыпить, заиграю на лире.
А она мне прошепчет — паясничать
брось.

У тебя есть, Виталий, жена и квартира,
и детей, понимаешь, не аист принес.

Вырву пятку со злостью, рванусь
в мирозданье.

Что лечу я с кровати, отмечу как факт.

И, ударившись об пол, пойму
с опозданием,
что не всем по плечу миокарда инфаркт.

Николай ЧЕРКАСОВ

КОЕ-ЧТО О ГОБСЕКЕ

«На перевалах бытия
копите мужество, друзья,
копите жадно, как Гобсеки...»

М. Юдалевич

На перевалах бытия
копите денежки, друзья,
копите жадно, как Гобсеки:
засыпьте серебром сусеки,

набейте золотом мешки...

Зачем Вам жалкие стишки?

Ну а бумажные купюры
в сберкассе лучше отнести,
чтоб не смогли их мыши-дуры
по-дилетантски извести.

И вот тогда (замечу, братцы)
не только лишь отмазки для,
вы честно можете признаться,
что нет в кармане ни рубля.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

50 коп.

На 1-й странице обложки:
А. ВАГИН. «Пора осенняя».

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru